Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Железнова Юлия Владимировна

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент А.Х. Мерзлякова

ИЖЕВСК – 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……. 3
Глава I: НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ…… 12
1.1. Понятие «концептосфера» и ее национальная специфичность…… 12
1.2. Понятие «концепт» и его трактовки…… 27
Выводы по Главе I …… 44
Глава II ФЕНОМЕН «СЕМЬЯ» КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ…… 47
2.1. Социальный феномен «Семья» в парадигме гуманитарных наук… 47
2.2 Феномен «Семья» как предмет изучения лингвистики…….. 57
2.3 Структурно-пространственная модель концепта «Семья»……. 62
Выводы по Главе II…… 69
Глава III СЕМАНТИКО-ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»…… 72
3.1 Семантическое поле «родственные отношения» …… 72
3.2 Семантическое поле «брачные отношения» ……. 96
3.3 Семантическое поле «родительские отношения» ……. 112
3.4 Терминал «родственные отношения» ……. 126
3.5 Терминал «брачные отношения» …… 134
3.6 Терминал «родительские отношения» концепта «Семья»…….. 156
Выводы по Главе III ……. 172
Заключение…… 174
Список сокращений…….. 178
Список литературы…… 179
Электронные ресурсы…… 190
Словари ……. 191
Источники иллюстративного материала…… 193
Приложения…….. 196

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее значимых тенденций, имеющих место в современном языкознании, является последовательное рассмотрение языковых фактов с точки зрения антропоцентричности языка. То есть язык, будучи в своей основной функции средством коммуникации, средством кодирования и декодирования информации, изучается как феномен, ориентированный прежде всего на человека, что непосредственно отражается на процессах категоризации и номинации реалий внешнего и внутреннего мира [Ю.Д. Апресян, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, О.А. Михайлова, Е.В. Урысон, Д.Н. Шмелев, Е.С. Яковлева и д.р.].

В последние десятилетия особую важность приобретают исследования, посвященные изучению «культурного самосознания» языковой личности. Современная лингвокультурология, имея в качестве исследовательского объекта связи языка и культуры, интерпретируемых как два взаимосвязанных социальных феномена, уделяет большое внимание экспликации культурной информации, механизмам вербализации культурного знания, содержащихся в лексических единицах. Одной из преследуемых целей для ученых, работающих в настоящем направлении, является попытка реконструирования национальной картины мира посредством обращения к содержательной стороне словесного знака [Н.Д. Арутюнова, В.С. Барулин, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, и др.].

Научные изыскания, предпринимаемые в этом русле, сопряжены с рядом объективных сложностей, основной из которых является отсутствие единого толкования базового понятия «концепт», проявляющегося в различных интерпретационных подходах к типологии и внутренней структуре данной единицы [Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, Г.Г. Слышкин, А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова, Н.Н.Болдырев, В.Г.Куликов и

др.]. Разночтения могут быть объяснены относительной молодостью лингвокультурологической парадигмы и незавершенностью процесса ее формирования. Также трудности, возникающие в исследовательской работе, связаны с «универсальностью» термина, который присутствует в понятийном аппарате психолингвистики, лингвокогнитологии, лингвокультурологии и других естественно-гуманитарных дисциплин.

Однако, интерес лингвистов к возможности моделирования ментального пространства этносоциумов и отдельных индивидов, а также стремление постигнуть механизмы его формирования и фукционирования только возрастает. О чем свидетельствует большое число научных работ, посвященных изучению концептов [О.Н. Сергеева 1996; Г.Г. Слышкин 2003; О.Е. Чернова 2004; В.А. Шемарова 2004 и др.].

Настоящая диссертационная работа посвящена лингвокогнитивному и лингвокультурному описанию концепта «Семья» на материале русского и французского языков. Семья, будучи общечеловеческой «универсалией» – единственно возможной формой социальной жизни, хотя и крайне вариативной, обладает национальной спецификой. «Семья, играя роль ячейки общества, является зеркалом, в котором отражаются социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народов. Множество семей разных социальных слоев и страт, составляют в целом общество и отражают сложную палитру системы общественных отношений» [Любарт 2005: 9]. Иначе говоря, передаваемые из поколения в поколение нормы семейного и брачного поведения, как и другие институциональные нормы, становятся безусловными традициями, направляющими образ жизни и образ мышления людей в определенное русло. Обращение к изучению ментальных сфер одного из крупнейших европейских социумов – России, и не менее значимой в масштабе человечества и мировой культуры – Франции, продиктовано рядом причин. Во-первых, история развития данных социумов, позволяет говорить о том, что они обладают этнографической самобытностью, имеют

как сходные черты, так и существенные разночтения в экономической, политической, демографической и других сферах. Во-вторых, с лингвистической точки зрения, русский и французский языки представляют собой различные типы: синтетический и аналитический соответственно, что обуславливает различия в их устройстве, в частности, в их лексико-семантических системах. В-третьих, Россия и Франция, начиная с XI века, состоят в отношениях длительного интеркультурного диалога, который способствовал установлению межнациональных контактов в разных областях: дипломатия, искусство, литература и т.п. Вышеозначенные доводы объясняют интерес к изучению функционирования концепта «Семья» в таких своеобразных лингвокультурах.

Актуальность настоящей диссертационной работы обусловлена рядом факторов:

1) высокой значимостью универсального лингвокультурного концепта «Семья»;

2) недостаточностью существующих исследовательских подходов к описанию выделенного концепта;

3) потребностью детального и комплексного исследования концепта «Семья», являющегося фрагментом отдельной концептосферы;

4) необходимостью лингвокультурологической интерпретации концепта «Семья», как фрагмента языковых картин сложившихся лингвосоциумов.

Объектом исследования является лингвокультурный концепт «Семья» в русской и французской концептосферах.

Предметом исследования в зависимости от этапа работы становятся:

1) лексические единицы, реализующие понятийное содержание концепта, сгруппированные в семантические поля «родственные отношения», «брачные отношения», «родительские отношения». К исследованию привлекались некоторые, наиболее значимые для

сравниваемых культур, термины родства. Необходимость детального рассмотрения терминосистем родства представляется релевантной, в силу их достаточной изученности;

2) паремии, текстовые фрагменты художественной литературы и публицистики.

Целью исследования является лингвокогнитивный и лингвокультурный анализ универсального концепта «Семья», актуализирующегося в соотносимых друг с другом фрагментах русской и французской концептосфер.

Названная цель предопределяет постановку следующих **задач:**

1) определение теоретической базы исследования посредством анализа положений современной лингвистической науки о концепте, как единице особого порядка;

2) построение структурно-пространственной прототипической модели концепта «Семья»;

3) определение объема, состава и границ семантического поля «Семья» в русском и французском языках, описание общей структуры названного поля;

4) исследование семантики языковых и речевых единиц, репрезентирующих концепт «Семья» в искомых языках;

5) исследование контекстуальной актуализации концепта «Семья».

Методологическую базу настоящей работы составили научные труды:

- по теории лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации [Д.О. Добровольский; А.С. Кармин, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин];

- по вопросам социологии и психологии семьи [Г.М. Андреева, А.И. Антонов, Ю.А. Гаспарян, М.К. Любарт, А.Г. Харчев, Н.Д. Шимин];

- по проблемам концепта [С.Г. Воркачев, А.А. Залевская, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, С.Г. Шафиков];

Для изучения лингвокультурного концепта «Семья» в данной работе применялся комплекс **методов и приемов исследования**, направленных на его моделирование, выявление семантических и структурных особенностей номинирующих его единиц, а также рассмотрение национально-культурной специфики одноименных фрагментов французской и русской лингвокультур.

На первом этапе применялись прием частичной выборки, дефиниционный, и компонентный анализ. Источниками извлечения материала выступили данные словарей различного типа (толковые, синонимические, двуязычные, фразеологические) и электронные ресурсы. В их число вошли Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1995); Словарь русского языка: в 4 т. (1999); Русский ассоциативный словарь: в 2 т., под редакцией Ю.И. Караулова (2002); Новый французско-русский словарь В.Г. Гака и К.А. Ганшиной (1998); Русско-французский словарь, под редакцией Л.В. Щербы (1999); Фразеологический словарь современного русского литературного языка, под редакцией А.Н.Тихонова (2004); Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (1968); Dictionnaire des synonymes (2000); электронный словарь Dictionnaire des synonymes du laboratoire Crisco и др. Для изучения исторического развития лексических единиц использовался этимологический и элементы словообразовательного анализа, в данном случае материалом послужили дефиниции Этимологического словаря русского языка: в 4 т. М. Фасмера (1987), Этимологического словаря русского языка А.В.Семенова (2005), данные словаря Dictonnaire étymologique et historique de la langue française, E. Baumgartner, P. Ménard (1996) и др. Лексикографические данные представляются необходимыми, поскольку изучение лексемы, являющейся основным средством вербального оформления концепта, позволяет вскрыть понятийную составляющую концепта. Для дальнейшего построения прототипической модели «Семья» и ее наполнения именами концептов в русском и французском языках применялся метод семантического поля. Данный метод

позволяет работать с межчастеречными единицами, систематизировать материал в рамках семантических отношений ядро-периферия и предусматривает возможность перехода единиц из одной подсистемы в другую. При структурном описании семантических полей для иллюстрации функционирования лексико-семантических вариантов отдельных слов использовался контекстный материал, извлеченный из художественной литературы, и текстовые фрагменты. Общий объем словарного материала составил 245 лексем без учета фразеологических единиц русского и французского языков.

Контекстуальный анализ и общефилологический метод интерпретации текста на втором этапе использовался при характеристике паремий, текстовых фрагментов художественной (русской, французской) литературы XIX-XX веков, и общественно-популярных журналов. Подобная обширная гамма материала способствует комплексному рассмотрению изучаемых концептов. Пословичные единицы, используемые в настоящей работе, позволяют выявить образный компонент концепта. Пословицы относятся к уникальным объектам языка и культуры, так как в них фиксируется и сохраняется историческая, социально-значимая, житейская информация, к которой на бессознательном уровне вольно или невольно обращаются носители языка [Маркелова, эл. ресурс]. Паремические единицы выступают, таким образом, в роли языковых формул, отражающих этнокультурные стереотипы и воплощающих народное коллективное миропонимание. Источниками пословичного материала послужили как традиционные справочные и учебные издания – Русские народные пословицы и поговорки, составитель А.М. Жигулев (1986); Малые жанры русского фольклора: хрестоматия В.Н. Могохина (1986); так и электронные ресурсы – Пословицы и поговорки русского народа, В. Даля; Base Proverbes; Dictionnaire de proverbes et citations.

Материалы художественной литературы и публицистики, по нашему мнению, могут способствовать уточнению речевых характеристик вербализации лексических единиц, актуализирующих концепт. Кроме этого

данные текстовых фрагментов помогают определить значимостную составляющую концепта, в особенности это относится к литературным произведениям. В качестве критерия для отбора художественных текстов нами была выбрана степень их «прецедентности». Под «прецедентным текстом» понимается характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая значимостью для определенной культурной группы [Слышкин, 2003, эл. ресурс]. По нашему мнению подобными текстами могут быть признаны программные произведения классической литературы XIX века и современной литературы XX века, в которых закреплены фактические сведения, образные представления, аксиологические установки характерные для той или иной культуры. Также использование материалов художественной литературы параллельно публицистическим текстам могут выявить диахронические изменения содержания концепта, выражающиеся в узуальности употребления вербализующих его лексических единиц. Другим основополагающим в данной работе является сравнительный метод. Подобное бикультурное описание когнитивных категорий признается эффективным, поскольку «позволяет наиболее надежно выявить … как общие, так и несовпадающие признаки» [Леонтович 2002:27].

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые лингвокультурный концепт «Семья» стал предметом лингвокогнитивного и лингвокультурного изучения с применением комплексного подхода и с привлечением данных социологии и психологии. Для его исследования была разработана этнокультурно-нейтральная, структурно-пространственная модель, являющаяся «прототипом» концепта «Семья».

Теоретическая значимость выполненной работы заключается в дальнейшей разработке положений лингвокультурологии и лингвоконцептологии. Предпринимаемое исследование способствует более глубокому осмыслению специфики фрагмента языковой картины мира,

способов его репрезентации в языке. Исследовательский подход, предложенный в работе, может быть применен при изучении иных лингвокультурных пространств.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования при разработке и чтении курсов по лексикологии русского и французского языков, спецкурсов по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, межкультурной коммуникации, социологии и психологии. Настоящая работа может представлять интерес для специалистов в области межкультурной коммуникации, социологии семьи, психологии.

Цели и задачи работы предопределили ее структуру. Работа композиционно состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт «Семья» является одним из базовых концептов для любого национального сообщества, имеющим особую значимость как конституирующий элемент большинства социумов, о чем свидетельствует интерес к проблеме семьи всех гуманитарных наук.

2. Концепт «Семья» имеет сложную семантико-фреймовую структуру, что отражает сложный характер социально-семейных отношений внутри рассматриваемых лингвокультур.

3. Концепт «Семья» имеет существенные отличия в рассматриваемых языках в количественном и качественном планах, что свидетельствует о влиянии национальной специфики, определяемой историческими, географическими, социо-культурными особенностями искомых социумов.

4. Универсальный концепт «Семья» несмотря на длительное существование нельзя считать сформировавшимся, поскольку социально-экономические, идеологические и культурные изменения ведут к

трансформации концепта, и, следовательно, к возникновению новых средств его вербализации.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры романских языков факультета профессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета, представлены в докладах и материалах региональных и международных научных конференций Удмуртского государственного университета: Международная конференция «Английский язык в поликультурном регионе» (31 мая – 3 июня 2005 г.); 2-я региональная научно-практическая конференция «Профессионально-значимые качества и успешности деятельности будущего специалиста» (3 марта 2007 г.). Также материалы исследования были представлены на Международной научной конференции «Номинация и дискурс», г. Минск (2006 г.), IV-й Международной научной конференции г. Челябинск (2008 г.). Данное исследование получило грантовую поддержку Фонда Санкт-Петербургского гуманитарно-естественного института в 2005 году.

ГЛАВА I. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

1.1. Понятие «концептосфера» и ее национальная специфичность

Современный мир представляет собой огромную, динамически развивающуюся макросистему, для которой актуальными являются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, человечество испытывает потребность во всеобщем единении, выражающуюся в процессах интеграции, глобализации, организации бесчисленного множества международных объединений. С другой стороны, каждый отдельно взятый этнос стремится сохранить свою национальную самобытность – культурную, языковую.

Преодолением возникающих противоречий, проблем межкультурной коммуникации занимается, в частности, когнитивная лингвистика. Перечень методологических вопросов, составляющих круг интересов данного направления языкознания, достаточно широк. Первоначально когнитивная лингвистика исследовала сложные взаимоотношения языка и мышления. Совместное изучение языковой деятельности нейрофизиологами, психологами, медиками, такими как В.Х. Бехтерев, И.М. Сеченов, А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, стало основой для нейролингвистики. В дальнейшем рассмотрение процессов порождения и восприятия речи, семиотического аспекта языковой системы, нашедших отражение в трудах Ч. Осгуда, Дж. Гринберга, А.А. Залевской, А.А. Леонтьева и других, способствовало формированию и развитию психолингвистики. На сегодняшний день активно развивается когнитивная семантика, занимающаяся рассмотрением таких вопросов, как концептуализация в синхронном и диахроническом аспектах, национальная специфика коммуникативного сознания отдельно взятых языковых социумов, взаимосвязи культуры и языка. Разумеется, подобные идеи представляли интерес и в прошлом. Достаточно вспомнить

размышления античных философов о роли языка в процессах познания окружающей действительности, а также труды В. фон Гумбольдта и И.А. Бодуэна де Куртене [Попова, 2001: 7].

Актуальными вопросами для когнитивной семантики на современном этапе являются исследования национальной специфики коммуникативного сознания того или иного лингвокультурного сообщества, взаимосвязи языка и культуры. В соответствии с принципами данного направления, лингвисты, активно использующие и синтезирующие данные психологии, культурологии и антропологии, приходят к следующим выводам. Процессы мышления носят объективный характер и протекают по единым законам работы мозга. Формы мышления – логическое и рациональное мышление, понятия, представления, суждения, умозаключения и другие, одинаковы у всех людей и универсальны вне зависимости от языка, на котором тот или иной человек или народ изъясняется [Стернин, 2001: 22].

В то же время, язык, обслуживающий конкретный социум, несет в себе лингвокультурологическую специфику, благодаря которой носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком. В результате чего его индивидуальное понимание мира «сживается с концептуализацией, характерной для соответствующей культуры» [Вежбицкая, 2001: 7]. Изучение данной проблематики способствовало становлению антропоцентрической парадигмы в языкознании.

Базовыми категориями когнитивной лингвистики являются КОНЦЕПТ, КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, КОНЦЕПТОСФЕРА, КАРТИНА МИРА. Термины «концептосфера» и «картина мира» в некоторых контекстах синонимизируются и вполне взаимозаменяемы. Первый термин был введен относительно недавно и принадлежит инвентарному аппарату когнитологии: «мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира» [Стернин, 2001: 23].

Последняя же категория более распространена в научной литературе широкого толка. Однако ее образность и сравнительная архаичность порождает множество вариантов интерпретации и употребления данного понятия в различных областях гуманитарных, естественных, точных наук.

Так размышления о языковой картине мира можно встретить в работах В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев, с одной стороны, и в трудах представителей американской этнолингвистики Э. Сепира и Дж. Уорфа, с другой стороны.

В. фон Гумбольдт именует язык *промежуточным миром,* подчеркивая его роль посредника между мышлением и действительностью: «Язык – это орган, образующий мысль; следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [Гумбольдт, 1984: 78]. Лингвист обращает свое внимание на разницу понятий *промежуточный мир* и *картина мира*. Первое, по его мнению, является продуктом языковой деятельности, определяющим восприятие действительности человеком. Его системной единицей остается понятие. Картина же мира представляет подвижную сущность, поскольку она образуется из языковых вмешательств в действительность, и ее единицей выступает речевой акт [Гумбольдт, 1984: 78].

Й.Л. Вайсгербер, развивая идеи В. фон Гумбольдта, попытался построить свою концепцию языка, в которой также использовал взгляды Э. Кассирера, Э. Гуссерля, Ф. де Соссюра. Ученый разрабатывает «закон языка», в котором выделяет четыре уровня:

1. Актуализированный язык, или речь как психический процесс и физиологическое явление.

2. «Языковой организм», или язык как основа индивидуальной речевой деятельности.

3. Язык как объективное социальное образование.

4. Языковая способность [Вайсгербер, 1993: 66].

Й.Л. Вайсгербер исследует надличностный уровень языка второго, третьего и четвертого уровней «языкового закона». Таким образом, ученый намечает разграничение значения социального образования и смысла как индивидуального феномена, хотя в качестве объекта исследования заявлен только социальный («надличностный») уровень языка. Между человеком и действительностью находится, по мнению Й.Л. Вайсгербера, *посредствующий мир мышления* и язык, в котором заключено определенное представление о мире. «Родной язык создает основу для общения в виде выработки сходного у всех его носителей образа мышления. Причем и представления о мире, и образ мышления – результаты идущего в языке постоянно процесса миросозидания, познания мира специфическими средствами данного языка в данном языковом сообществе» [Вайсгербер, 1993: 67]. Другими словами, актуализация картины действительности в рамках определенного лингвосоциума посредством языкомышления есть следствие постоянной когнитивной деятельности человека. Способ отражения действительности носит у Й.Л. Вайсгербера идиоэтнический характер и соответствует статичной стороне языка. «Нет сомнения в том, что многие укоренившиеся в нас воззрения и способы поведения, и отношения оказываются «выученными», то есть общественно обусловленными, как только мы проследим сферу их проявления по всему миру» [Вайсгербер, 1993: 68].

Л. Витгенштейн в своей философской концепции отмечает, что мышление имеет речевой характер и по существу является деятельностью со знаками. Он выдвигает положение о том, что жизнь знаку дает его употребление. При этом «значение, которое присуще словам, не является продуктам нашего мышления» [Витгенштейн, 1994: 117]. Значение знака есть его применение в соответствии с правилами данного языка и особенностями той ли иной деятельности, ситуации, контекста. Поэтому

одним из важнейших вопросов для Л. Витгенштейна является соотношение грамматического строя языка, структуры мышления и структуры отображаемой ситуации. Предложение, с его точки зрения, является моделью действительности, копирующей ее структуру своей логико-синтаксической формой. Отсюда следует, что уровень владения языком прямопропорционален степени знаний человека о мире. Языковая единица представляет не некое лингвистическое значение, а понятие, поэтому исследователь не разграничивает *языковую картину мира* и *картину мира* в целом.

Именно Л. Витгенштейну приписывают особую роль во введении в научный обиход понятия *картины мира* как модели действительности. Впрочем, он вполне осознавал метафоричность этого определения и подчеркивал его синонимичность психологическому понятию «образ мира».

Основательный вклад в разграничение понятий картина мира и языковая картина мира внесен Э. Сепиром и Б. Уорфом. По их утверждению, «представление о том, что человек ориентируется во внешнем пространстве, по существу, без помощи языка, и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [Сепир, 1993: 261]. Употребляя сочетание *реальный мир,* Э. Сепир имеет в виду мир как совокупность, включающую язык со всеми его профессиональными феноменами. Именно поэтому Э. Сепир утверждает, что «современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом… он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и – в более отдаленной перспективе – с физиологией и физикой» [Сепир, 1993: 260–261]. Э. Сепир акцентирует свое внимание на том, что

«язык обладает силой расчленять опыт на теоретически разъединяемые элементы и осуществлять постепенный переход потенциальных значений в реальные, что и позволяет человеческим существам переступать пределы непосредственного данного индивидуального опыта и приобщаться к более общепринятому пониманию окружающего мира» [Сепир, 1993: 226].

Следовательно, представляется справедливой позиция, которая сопрягает содержание языка и мышления в единой модели: «Язык изначально связан непосредственно с мышлением, и в гносеологическом плане действительно отношение не «язык–мышление–мир», а «языкомышление–мир» [Сепир, 1993: 226].

Перейдем к рассмотрению современных трактовок понятий *картина мира* и *языковая картина мира*. Так И.А. Стернин определяет картину мира как «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании». Исследователь говорит о существовании двух принципиально различающихся видах картины мира: *непосредственной* и *опосредованной* [Стернин, 2001: 10]. Под *непосредственной картиной мира* автор понимает совокупность данных, получаемых «в результате прямого познания сознанием окружающей действительности», получаемой эмпирическим или рационалистическим путем [Стернин, 2001: 10]. Такая картина мира не имеет посредников в сознании и формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления. *Непосредственная картина мира* является исторически обусловленной. Она зависит в своем содержании от достигнутого к тому или иному историческому этапу уровня познания и меняется с изменением исторических условий (достижения науки, развития методов познания). Непосредственная картина мира тесно связана с мировоззрением, но отличается тем, что она представляет собой содержательное знание, в то время как мировоззрение относится скорее к системе методов познания мира. «Мировоззрение – метод познания, а

картина мира – это уже результат познания, она существует непосредственно в сознании» [Стернин, 2001: 11].

Непосредственная картина мира по своему содержанию может считаться *когнитивной*. Она системна и влияет на восприятие личностью окружающего мира. В частности, она предлагает классификацию элементов действительности, приемы анализа действительности (объясняет причины явлений и событий, прогнозирует развитие явлений и событий, предсказывает последствия событий), упорядочивает чувственный и рациональный опыт личности для его хранения в сознании, памяти [Стернин, 2001: 12].

Также она может иметь национальную специфику, которая обнаруживается в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», суждениях о действительности, пословицах, поговорках, афоризмах.

В.А. Маслова полагает, что картина мира отдельно взятого языка не является неповторимой и отличной от объективно существующей, концептуальной картины мира, а лишь имеет «специфическую окраску», что обусловлено «национальной значимостью предметов, явлений и процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культурой данного народа» [Маслова, 2006: 66].

К подобному выводу приходит и Ю.Д. Апресян. Исследователь считает, что концептуальная картина мира каждого отдельно изучаемого языкового социума, с одной стороны, универсальна, а с другой стороны, национально специфична. Поскольку выражаемая в ней система взглядов является своего рода «коллективной философией», обязательной для всех носителей языка, но формирующейся под влиянием идиоэтнической культуры [Апресян, 1995: 39]. Подчеркивая донаучный характер языковой картины мира, лингвист называет ее *наивной*. Эта «наивность» проявляется в

ее расхождениях с *научной* картиной мира. То есть познание мира человеком не застраховано от ошибок и заблуждений, что часто фиксируется в языке. В качестве примера автор упоминает наивные представления о внутреннем мире человека, отражающие опыт десятков поколений [Апресян, 1995: 39].

Научная картина мира появляется в результате теоретического познания сущностных свойств объекта и формируется на основе научных знаний. Отличительной чертой научного знания считается его абстрактность, наличие унифицированного терминологического языка, являющегося признаком научного дискурса. Е.В. Урысон отмечает, что современный человек склонен рассматривать научное знание как эталон «правильных представлений» [Урысон, 1998: 3]. Однако, несмотря на абстрактность, общезначимость и претензию на объективность, наука не свободна от «ценностных, образных, личностных моментов, имеющих истоком жизнь общества, народа, личности» [Гачев, 1993: 5].

Если рассматривать *когнитивную картину мира* с позиций психолингвистики, то можно заметить, что образ мира, являющийся достоянием индивида, «симультатен, голографичен и многолик» [Залевская, 2001: 43]. Он представляет собой продукт переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, который функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании «знания» и «переживаниях» [Залевская, 2001: 43].

Иначе говоря, непосредственная картина мира отображает познавательную силу мышления, она потенциальна и одновременно виртуальна, поскольку ее реализация возможна только в речи.

Язык выступает как способ закрепления отражательной деятельности мышления, в результате чего образуется *опосредованная картина мира* как итог фиксации концептосферы вторичными, знаковыми системами, которые материализуют существующую в сознании непосредственную когнитивную

картину мира. Таковыми являются языковая и предположительно художественная картина мира [Стернин, 2001: 13].

Языковую картину можно определить как совокупность представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка [Стернин, 2001: 12]. Она существуют в виде значений языковых знаков, образующих совокупность семантического пространства языка. Описание языковой картины мира как картины мира дает существенные сведения о когнитивной картине мира, извлекаемые специальными средствами. В этом состоит важное отличие вторичной картины. Она не влияет на человека непосредственно в акте поведенческо-мыслительного поведения [Стернин, 2001: 12].

Языковая картина мира значительно ỳже концептосферы, так как язык не способен отразить все содержание сознания личности. Многие концепты не находят лингвистического способа вербализации. Они остаются в сознании на уровне ассоциаций либо выражаются не языковыми средствами, например, с помощью мимики или жестов [Стернин, 2001: 25].

В составе языковой картины мира могут быть выделены такие более узкие отрезки или аспекты, как, например, *ценностная*, *эмотивная, юмористическая* и другие картины мира. По мнению В.И. Карасика, наиболее значимой для понимания этнокультурной специфики социума является ценностная картина мира, поскольку она моделируется «в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными, литературными сюжетами» [Карасик, 2004: 224].

Художественная картина мира также опосредована языком и является вторичной по отношению к непосредственной картине мира. Подобное мировидение есть результат индивидуальной креативной деятельности создателя какого-либо артефакта, чаще всего произведения искусства –

авторского литературного текста, в частности. Личностный фактор в составе художественной картины мира отдельного текста проявляется в отборе элементов содержания литературного произведения, в предпочтении определенных языковых и образных средств другим, и в их индивидуальном использовании [Стернин, 2001: 42]. В художественной картине мира могут отразиться особенности национальной картины мира (национальные символы, национально-специфические концепты), однако при изучении миротворчества конкретного создателя произведения следует отдавать себе отчет в том, что такая картина мира является, прежде всего, индивидуально-авторской [Стернин, 2001: 42].

Соотношения различных определений картины мира мы попытались отобразить на схеме 1.

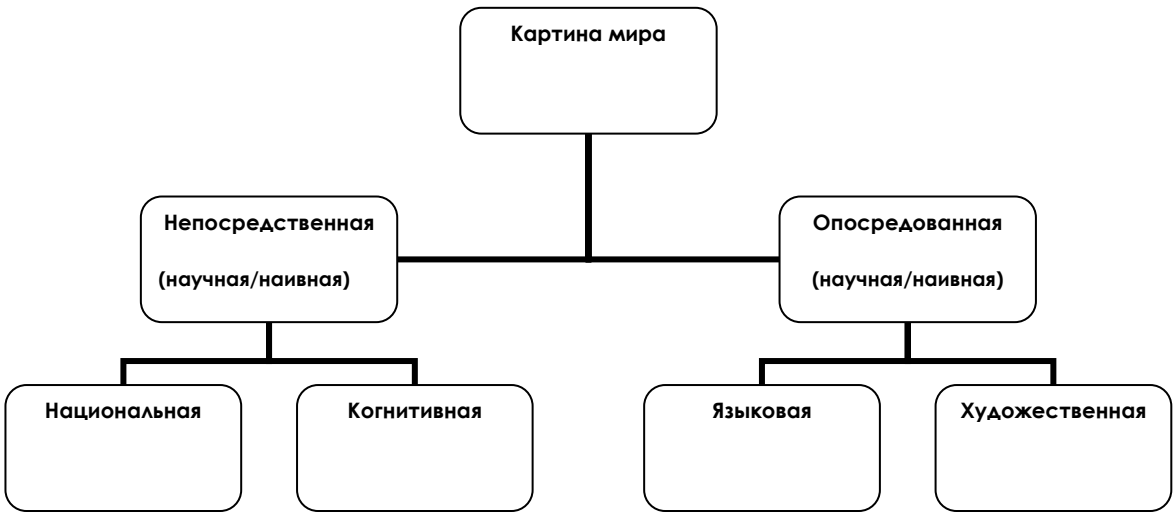


схема 1 Соотношение определений понятия «картина мира».

Как видно, различные названия понятий модели мира не связаны с изменением взгляда на взаимоотношения мышления, действительности и

языка, а определяются объемом понятия и детерминированным этим объемом соотношения картины мира и языковой картины мира. Таким образом, употребление термина *картина мира* и всех его вариантов имеет право на существование, поскольку по своей сути они описывают одно явление, но акцентируют и уточняют его разные аспекты. Определения *непосредственная* и *опосредованная картина мира* отражают характер ее формирования и нахождения в сознании человека и в речевой деятельности, соответственно Термин *когнитивная картина мира* подчеркивает ее познавательный характер, а *национальная* – ее этническую самобытность. В определении *наивная картина мира* подчеркивается относительность знаний в той или иной области в сравнении с *научной картиной мира*. На наш взгляд, при характеристике концептосферы перечисленные варианты могут перекрещиваться или накладываться друг на друга, например, наивная картина мира является одновременно когнитивной и национальной. Доводом в поддержку данного положения может также служить факт того, что отражение объективного мира является единым мыслительным процессом, вследствие чего следует говорить о двусторонней объективной – языковой и концептуальной – картине мира [Колшанский, 1990: 50].

При всей многомерности понятия «картина мира» важно учитывать психолого-индивидуальные особенности ее языковых репрезентаций, поскольку «картина мира обретает позитивный смысл только в том случае, если концептуальный аппарат человека действительно отражает истинное бытие объективного мира, иначе это понятие может обозначать любое произвольное творение человека от простой выдумки и заблуждения до самой причудливой абстракции» [Колшанский, 1990: 25].

В последнее время термины *языковая картина мира*, *образ мира*, *национальная концептосфера* настолько широко употребляются в лингвистической литературе, что существует опасность абсолютизирования именно языкового аспекта ментальных процессов человеческого сознания.

Так некоторые исследователи приходят к выводу, что «складывающаяся в сознании в результате длительного процесса интериоризации знаний образ мира или языковая картина мира задает семиотическую директорию, по которой происходят последующие изменения сознания» [Сулимов, 2006: 41]. Иначе говоря, сознание человека ставится в данном случае в зависимость от языка. По нашему мнению, такой подход является не совсем корректным, поскольку сознание человека всегда первично, как и концептуальная картина, формирующаяся в результате его отражательной деятельности. На этом основании можно говорить, что мышление отражает мир, а язык выражает мышление [Колшанский, 1990: 23].

Итак, в целом метафорическое понятие *картина мира* соотносится с системным понятием *концептосфера*. Концептосфера представляет собой информационную базу мышления, обладающую структурными параметрами. Совокупность ментальных единиц отдельно взятого языкового общества содержит в своем составе концепты общие для всех народов, национально-специфические концепты (имеющие национальное своеобразие при частичном совпадении содержания у разных народов) и эндемические концепты, характерные только для национального сознания отдельной языковой личности [Стернин, 2001: 45]. Таким образом, можно говорить о национальной специфичности концептосферы как об одной из ее характеристик. Идиоэтничность мышления и ее отражение в концептосфере находит выражение в исследованиях таких категорий, как «менталитет» и «ментальность».

При этом многими исследователями настоятельно подчеркивается факт сложности определения данных понятий и вариативность их трактовок. Так М. Барг трактует «ментальность» как совокупность символов, формулирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющаяся в сознании людей путем повторения [Барг, цит. по Колесов, 1995: 13]. А.Г. Гуревич понимает под менталитетом «уровень

индивидуального и общественного сознания… магму жизненных установок и моделей поведения, эмоции и настроения, которые опираются на глубинные зоны» [Гуревич 1989:454]. В последнее время намечается психологическая тенденция в понимании менталитета как «некой характерной для конкретной культуры (субкультуры), специфики психической жизни, представляющей данную культуру (субкультуру) людей, детерминированную экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте» [Маслова, 2001: 21].

И.А. Стернин интерпретирует «менталитет» как специфический способ восприятия и понимания действительности, определяющийся совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социума или этнической группы людей [Стернин, 2001: 43]. Исследователь указывает, что менталитет может носить индивидуальный характер и быть достоянием больших общественных группировок. При этом групповой менталитет обладает возрастными, профессиональными, гендерными и другими характеристиками и определяет менталитет отдельной личности, который дополняется ее индивидуальным когнитивным и психическим опытом. Вышеупомянутые авторы увязывают категории: менталитет и ментальность – с культурой, социальным и историческим аспектами общества, но исключают языковую сторону выражения национальной специфичности. Вот почему определение В.В. Колесова кажется нам наиболее полным: ментальность – это миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях [Колесов, 1995: 14].

Следовательно, именно лингвистические данные при изучении проблем национального содержания той или иной культуры играют первостепенную роль, поскольку язык одновременно является ее продуктом и важной составляющей частью культуры.

Более того, язык представляет специфический способ существования культуры. Так как каждый носитель языка одновременно остается и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры, и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей, например, национальный характер, национальную идею и национальные идеалы, что в языке и, в частности, на семантическом уровне проявляется в феноменах «культурной памяти» или «скрытой памяти». Под «культурной памятью» Е.С. Яковлева понимает следующее явление, когда «слово меняет свой исконный смысл, но помнит нечто из своего прошлого, то есть обладает характеристиками, связанными с исконным предназначением слова, относящимся к системе ценностей языкового социума и характеризующим особенности мышления и мировосприятия носителя языка» [Яковлева, 1998: 45]. Что касается феномена «скрытой памяти», то исследователь Т.М. Николаева выделяет несколько вариантов ее существования. И один из них характеризуется существованием двух или нескольких вариантов (лексемы, грамматической формы, синтаксической модели и т.д.), «как будто бы свободно заменяющихся в коммуникации», но очевидной разницы, между которыми не прослеживается [Николаева, 2002: 25]. В качестве примера автор приводит факультативное употребление в русском языке личного местоимения «я»: «Я люблю этот город вязов», «Люблю грозу в начале мая» [Николаева, 2002: 25].

Национальный характер – наиболее распространенное понятие для описания особенностей психического склада этнической (национальной) группы. Между тем единства в толковании содержания этой характеристики нет. Одни авторы подразумевают, прежде всего, темперамент, другие обращают внимание на личностные черты, третьи – на ценностные ориентации, отношение к власти, труду и т.д. и т.п. Несмотря на многочисленные противоречия

и споры относительно содержания национального характера, в конкретных исследованиях обычно наблюдается довольно большое единодушие при описании черт национального характера у отдельных национальных групп (храбрость, трудолюбие, сдержанность и прочие). Что же касается сущности и природы национального характера, то здесь возникает много дискуссионных проблем. Прежде всего, как соотносятся черты национального характера с чертами характера каждого представителя данной группы; могут ли определенные черты характера быть исключительным достоянием одной национальной группы и полностью отсутствовать у другой (то есть можно ли сказать, что какому-то народу присуще трудолюбие, а другому – общительность); наконец, каким образом «взаимодействуют» черты национального и социального характера? [Андреева, 2004: 162].

Поэтому речь идет не столько о каких-то наборах черт, сколько о степени выраженности той или другой черты в этом наборе, о специфике ее проявления. Недаром литература фиксирует, например, специфику английского юмора (хотя чувство юмора свойственно, естественно, не только англичанам), итальянской экспансивности (хотя в не меньшей степени экспансивными являются и испанцы) и т.д. Относительная устойчивость черт национального характера, несмотря на изменчивость социальной среды, объясняется тем, что возникает определенная инерция, обеспечиваемая путем передачи опыта от поколения к поколению.

Таким образом, менталитет в рамках отдельно рассматриваемого социума представляет собой мировосприятие данного коллектива, выражающегося в категориях и формах родного языка, фиксирующих наиболее значимые черты национального характера и отражающего культурно-этнические особенности социума. Менталитет связан преимущественно с логической, концептуальной деятельностью сознания, национальный же характер реализуется в эмоционально-психологической сфере человека и отображает его нормы поведения в обществе [Стернин, 2001: 45]. Менталитет и концептосфера тесно связаны и

взаимодействуют в процессах мышления. Так концепты как ментальные единицы в своем интерпретационном поле хранят когнитивные стереотипы, составляющие базис менталитета. Например, наличие концепта «авось» в русской концептосфере определяет ряд ментальных стереотипов русского сознания, допускающих непредусмотрительность в поведении. И наоборот, национальный менталитет направляет динамику формирования и развития концептов. То есть имеющиеся стереотипы влияют на содержание формирующихся концептов, диктуют некоторые фиксируемые в концептах оценки явлений и событий [Стернин, 2001: 45].

Национальная специфика концептосфер разных народов проявляется также в существенных различиях состава концептов и принципам их структурирования. В них содержатся как универсальные категории, так и национально-специфические понятия, отражающие самобытность культуры каждого языкового социума. На лексическом уровне подобное идиоэтническое своеобразие проявляется в лексике и фразеологии, что выражается в наличии экзотизмов, лакун, идиом, национально-культурных особенностях внутренней формы слов, безэквивалентной лексики, коннотациях и т.п.

1.2. Понятие «концепт» и его трактовки

Единицей концептосферы является концепт. Данное определение, закрепившись в культурологии в качестве термина когнитивной лингвистики, стало активно употребляться только с конца 90-х годов. Поэтому вполне понятно большое количество его модификаций, отличающихся метафорическими сравнениями и вариантами применения. Например, «зародыш слова» [Колесов], «смысловой ген значения языкового знака» [Алефиренко], «квант структурного знания» [Стернин, Попова], «оперативная единица сознания» [Кубрякова], «логоэпистема» [Бурвикова,

Костомаров]. На сегодняшний день существует несколько подходов к пониманию концепта.

С точки зрения *лингвокогнитивного подхода*, *концепт* определяется как некое мыслительное объединение в сознании человека, способное скапливать, аккумулировать информацию коммуникативного и прагматического плана об окружающей действительности и моделироваться в наглядно-чувственные или логизированные структуры – сцены, образы, представления, понятия, схемы, картины, сценарии [Слышкин, 2000: 114; Вежбицкая, 2001: 66]. Исследователи Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров предлагают свой термин *логоэпистема*, под которым понимается языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения ими духовных ценностей отечественной и мировой культуры [Бурвикова, Костомаров, 2006: 50]. В языке логоэпистемы реализуются в разноуровневых лингвострановедчески ценных единицах: поговорках, крылатых словах, фразеологизмах, штампах и т.д.

Культурологический подход к трактовке понятия *концепт* применяет Н.Д. Арутюнова. Лингвист трактует концепт как понятие практической (обыденной) философии, являющееся результатом взаимодействия ряда таких факторов, как национальная традиция, фольклор, религия, идеал, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей [Арутюнова, 1993: 3]. Ю.С. Степанов под *концептом* понимает «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 2001: 40]. То есть *концепт* можно рассматривать как структуру, отвечающую за сохранение «культурной памяти» слова и этнологической информации, отражающей национальную картину мира языкового социума. Так же культурные концепты, по замечанию Д.С. Лихачева, существуют не сами по себе, а в определенной «идиосфере», формирование которой обусловлено культурным опытом [Лихачев, 1993: 62]. Ю.С. Степанов отмечает важную особенность концепта

как ментального продукта культурного социума. Он настаивает на его ахронологичности, существовании вне времени, аргументируя данное положение аккумулятивной способностью концепта синтезировать его понятийные компоненты, возникшие в различные исторические периоды и проявляющиеся затем в языке в разнообразии семантических признаков лексических единиц.

Еще одно важное замечание исследователь высказывает по поводу способов и собственно вероятности познаваемости концептов. Ю.С. Степанов находит два варианта реализации данного действия: «сверху» и «снизу». В первом случае границы познания концептов обнаруживаются «в сфере абстрактных определений» [Степанов, 2001: 81]. Иначе говоря, носитель языка зачастую не знает всей совокупности значений слов своего языка и не может вскрыть и логично обосновать их внутреннюю форму, что обуславливает «верхний» предел познаваемости концепта. Граница «снизу» пролегает «в сфере индивидуального опыта» и определяется личными когнитивными знаниями носителя языка, например, «семейными или интимно-личностными ассоциациями» [Степанов, 2001: 82].

Существует также еще один подход к изучению концепта с точки зрения *психолингвистики*, представленный А.А. Залевской. Она подразделяет *концепт* на *концепт*$_{инд}$ и *концепт*$_{инв}$. Первый является «достоянием личности, продуктом познания и общения как психических процессов». Второй представляет «продукт социальных взаимодействий и общения, функционирующий в сверхбольшой системе» [Залевская, 2001: 38]. По мнению исследователя, существующие на данном этапе попытки рассмотрения *концепта*$_{инв}$ сводятся к интерпретации конструкта (продукта научного описания), который не отражает личностного восприятия, *концепта*$_{инд}$. Соотношение между тремя аспектами явления А.А. Залевская демонстрирует в нижеприведенной схеме [Залевская, 2001: 38]:

КОНЦЕПТ инд ========== КОНЦЕПТ инв

\\ //

КОНСТРУКТ

В результате игнорирования индивидуального аспекта концепта происходит смешение продуктов научного описания концептов, понятий и значений и наблюдается такая ситуация, при которой «*разноплановые явления* объясняются с позиции *одной и той же теории* (на основе единого материала и с использованием одних и тех же исследовательских процедур)» [Залевская, 2001: 38]. Во избежание подобного рода несоответствий А.А. Залевская рекомендует: во-первых, признать, что *концепт*$_{\text{инд}}$ является достоянием личности, что его исследование должно носить комплексный характер, «интегрирующий результаты изысканий во многих областях гуманитарного знания»; во-вторых, учитывать психолингвистический аспект *концепта*$_{\text{инд}}$, что отличает его как «базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование, спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида» от других продуктов научного описания (понятие, значение) [Залевская, 2001: 39]. Лингвист также вносит предложение применять термин *концепт* только для определения персонального опыта индивида.

В целом, мы согласны с позицией А.А. Залевской. Действительно, не следует умалять значения личностного фактора в формировании и реализации концепта в повседневной коммуникации. Бесспорно, индивидуальные концепты богаче и разнообразнее по сравнению с коллективными и макрогрупповыми. Концептосферы отдельных индивидов могут включать в себя большое количество оригинальных элементов, не разделяемых в социуме. Как отмечает Г.Г. Слышкин, коллективное сознание

и опыт есть не что иное, как производная от сознания и опыта отдельных индивидов, составляющих коллектив [Слышкин, 2003, эл. рес.]. Также исследователь выражает свою уверенность в важности изучения именно концептов, принадлежащих коллективному сознанию, поскольку они то и формируют некую основу, общие установки для культуры социума. Таким образом, нам представляется опрометчивым изучать концепт, ограничиваясь только рамками психолингвистического подхода и сосредотачивать свое внимание на исследовании концептов отдельных представителей языкового коллектива.

Логико-понятийный подход к изучению концептов представлен в работах А. Вежбицкой. Она трактует *концепт* как объект из мира «Идеальное», отражающий культурно обусловленное представление человека о мире «Действительность» [Вежбицкая, 2001: 3]. Согласно данной теории, *концепт* определяется как мысленное образование, объясняющее логику устроения реального мира. *Концепты* передаются языковыми средствами через «объяснительные конструкции», в которых присутствует культурный компонент.

В настоящее время лингвисты приходят к выводу о пользе объединения различных подходов в понимании концепта, что выражается в *интегративном* подходе. При этом подходе *концепт* понимается как «первичное культурное образование, транслируемое в различные сферы бытия» [Карасик, 2001: 64]. Он находит реализацию в языке посредством прямых или описательных соответствий. Предлагаемые в рамках данного подхода методики изучения концептов предполагают систему исследовательских мероприятий, направленных на рассмотрение различных аспектов концепта. При этом отмечается необходимость использования как лингвистических данных (работа со словарными дефинициями, литературными текстами) так и привлечение материалов смежных дисциплин: социологии, психологии, культурологии и других.

Все рассмотренные подходы определяют *концепт* как ментальное образование в сознании индивида, являющееся проекцией концептосферы социума и, в конечном счете, культуры. В рамках настоящей работы наиболее эффективным представляется изучать *концепт* с позиций интегративного подхода и говорить об описании *лингвокультурного концепта* как условной ментальной единицы, используемой в комплексном изучении языка, сознания и культуры. Лингвокультурный концепт (Л/К) определяется как совокупность понятийной, образной и ценностной составляющих [Карасик, 2001: 64]. При этом важно отметить доминирующее и первостепенное положение последнего элемента, что отличает Л/К от других условных ментальных единиц. Собственно говоря, именно благодаря процессу оценивания того или иного факта действительности человеком с последующим помещением его в реестр-шкалу уже имеющихся ценностей и становится возможным возникновение того или иного концепта в сознании индивидуума. Аксиологическая составляющая Л/К может быть определена несколькими характеристиками. В первую очередь следует назвать ее целенаправленность: «Более всего и наиболее точно оцениваются человеком те средства, которые ему нужны для достижения практических целей. Оценка целеориентирована в широком и узком смысле» [Арутюнова, 1988: 181]. Далее можно отметить, что ценностный элемент является социально обусловленным. Некоторые исследователи полагают, что социально нейтральные понятия не образуют концепты, например, слова «рука», «нога» и т.д. не имеют концептуального содержания [Слышкин, 2003, эл. рес.].

Аксиологический компонент концептов влияет и на их систематизацию в рамках концептосферы как для индивидуума, так и для линквокультурного социума в целом. То есть концепты не являются однородными; они взаимоорганизуются в иерархическую систему в зависимости от своей значимости. В концептосфере любого языка существуют определенные *центральные точки*, *ключевые слова*, вокруг которых группируются целые

области культуры и которые служат базисом, первоосновой для образования менталитета и мировоззрения целого народа. А. Вежбицкая сравнивает их с концами нити в спутанном клубке шерсти, потянув за которые можно проникнуть в глубинные культурные пласты нации [Вежбицкая, 2001: 35]. В качестве примера исследователь приводит концепты «судьба», «душа», «тоска», являющиеся значимыми, «ключевыми» для русского менталитета.

Однако методика для признания того или иного концепта ключевым не выработана, и многие вопросы остаются дискуссионными. Возможными критериями, которые могут определить важность концепта, А. Вежбицкая называет следующие принципы: принцип культурной разработанности (то есть слово должно представлять определенную важность для существования данного народа) и принцип частотности [Вежбицкая, 2001: 35]. Впрочем, эти критерии носят приблизительный характер, и невозможность применения какого-либо из них не говорит о том, что тот или иной концепт нельзя признать ключевым. Например, слово может быть показательным для данной культуры, не будучи широкоупотребительным. Сама А. Вежбицкая говорит об этом следующее: «дело не в том как «доказать» является ли то или иное слово одним из ключевых слов культуры, а в том, чтобы, предприняв тщательное исследование в какой-то части таких слов, быть в состоянии сказать о данной культуре что-то существенное и нетривиальное» [Вежбицкая, 2001: 36]. В таком случае в решении вопроса о признании концепта ключевым исследователю стоит полагаться на свою интуицию и здоровую логику.

На наш взгляд, чтобы представить структуру концептосферы в комплексе возможно применение метода поля. Ядро концептуального поля отдельно взятого языка составят «ключевые», «центральные» концепты, обладающие исключительной важностью для данной культуры. К периферии будут относиться менее значимые концепты. Модель концептосферы не является статичной. Она подвержена изменениям, обусловленным

историческим и культурным факторами. В качестве примера можно привести воздействие идеологии, оказывающей давление на устоявшуюся систему ценностей в угоду политическим приоритетам.

Итак, вероятны три варианта лингвистической реализации лингвокультурных концептов:

1. В число концептов входят лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют концептосферу. В число подобных концептов попадает любая лексическая единица, в значении которой просматривается способ (форма) семантического представления.

2. В более узком понимании к числу концептов относятся семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным способом характеризующие носителей определенной этнокультуры. То есть лексические единицы, значение которых образуют содержательную основу этических, психологических, логических и религиозных терминов – «духовных ценностей» определенной языковой культуры.

3. Семантические образования, которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей [Воркачев, 2001: 69–70].

Вопрос о классификации различных типов концептов разработан не достаточно. Так А.П. Бабушкин предлагает подразделить концепты в зависимости от тех реалий, которые они отражают, и в соответствии с характером сем, стоящих за конкретными словами, выражающими эти концепты. Согласно автору концепты делятся на:

- *мыслительные картинки*, в основе этих концептов лежат образные семы, например, ромашка, собака;

- *схемы*, базирующиеся на пространственных семах, например, дорога;

- *фреймы*, данный концепт реализует ситуацию, например, больница;

- *сценарии*, основанные на семах развития, движения, динамики, например, драка;

- *логически-конструированные конструкты* представляют собой концепты, лишенные образного начала, например, фрукт;

- *каллейдоскопичекие концепты*, как правило, выражаются в абстрактных наименованиях и предполагают широкий круг личных ассоциаций, например, жизнь;

- *концепты-гиперонимы*, отражающие гипо-гиперонимические связи в лексике, например, обувь: сандалии, ботинки, валенки;

- *концепты-инсайты* содержат информацию о структуре, функции предмета, например, зонтик, ножницы [Бабушкин, 2001: 53–54].

Лингвист отмечает, что между концептами разных типов не существует резко очерченных границ, поскольку они обладают относительной подвижностью. По мнению А.П. Бабушкина, концепты способны «стираться» с течением времени и формироваться заново. Важно заметить, что концепты абстрактных имен не имеют стабильного характера. Они более подвижны, индивидуальны, обладают модально-оценочным признаком и определяются морально-нравственными критериями, а также традициями языкового сообщества [Бабушкин, 2001: 53–54].

Таким образом, концепты различных типов, являясь достоянием человеческого сознания, находятся в нем в «свернутом» виде. В процессе коммуникации они активизируются и получают свое развитие в соответствии со своим типом. При этом хотелось бы добавить, что вероятно подобная их реализация в речи будет характеризоваться индивидуальными особенностями в рамках общепринятого стереотипа.

Ю.С. Степанов выделяет два типа концептов – *рамочные понятия* и *понятия с плотным ядром*. При разъяснении характеристик концепта первого типа, ученый определяет «рамку» как «основное содержание концепта, в силу которого концепт и является культурно и социально

значимым» [Степанов, 2001: 81]. В качестве примера, представляющего «рамочное понятие» Ю.С. Степанов приводит концепт «цивилизация», понятийная наполненность которого отвечает вышеуказанным параметрам. «Цивилизация» формируется в социуме и во многом обуславливает его культуру, что составляет «рамку» данного концепта. Развивая свое определение первого типа концептов, исследователь указывает, что его содержание подобно устоявшейся схеме, матрице может применяться к другим общественным явлениям (обществу, социальной группе, в данном случае).

Второй тип концепта отличается, прежде всего, своей «целостностью во всем составе признаков», например, концепты «вера», «любовь» [Степанов, 2001: 78]. При этом автор отмечает возможность использования одного из компонентов «понятия» в качестве «рамки», хотя признает искусственность и алогичность подобных попыток.

Также Ю.С. Степанов говорит о существовании *констант* – «неких постоянных принципах культуры», которые присутствуют в культурном пространстве социума в течение достаточно длительного времени и определяют его экзистенциальные ценности. *Константы* подразделяются на *априорные (доопытные)* и *апостериорные (опытные, эмпирические)*, обнаруживая в основе типологизации критерий способа когнитивного формирования [Степанов, 2001: 82]. Оба типа констант исследователь полагает возможным считать *абсолютными*, поскольку и первые, и вторые в целом характеризуются постоянностью содержания и значимостью для ментальности общества.

Г.Г. Слышкин разрабатывает ассоциативную модель лингвокультурного концепта, основанную на «принципе неслучайности именования в культуре». Данный принцип по предположению лингвиста является ключевым для развития лингвокультурной концептологии. По мнению автора, концепт представляется системным образованием и, как

всякая система, имеет вход (input) и выход (output). Вход системы определяется как точки приложения воздействия среды (взаимодействующих систем), выход системы – точки, из которых исходят реакции системы, передаваемые среде (взаимодействующим системам). Средой, в которой существует концепт, является национальная концептосфера, взаимодействующими системами – другие концепты. Взаимовлияние систем и среды происходит путем ассоциативного обмена языковыми единицами, в которых опредмечиваются концепты.

Ассоциативная структура Л/К включает *интразону* – совокупность ассоциативных входов в концепт, и *экстразону* – совокупность ассоциативных выходов из концепта. В *экстразону* рассматриваемого концепта входят ассоциации, опредмеченные во вторичных значениях лексем, фразеологических и паремиологических единицах, содержащих данную лексему. Согласно своей концепции Г.Г. Слышкин выдвигает классификацию концептов с точки зрения динамики их развития:

- *пропорциональные концепты*, то есть концепты, у которых активно функционируют как интразона, так и экстразона;

- *формирующиеся концепты***,** то есть концепты, обладающие развитой интразоной, экстразона которых еще не сформирована;

- *сформировавшиеся концепты*, то есть концепты, у которых завершилось формирование интразоны, но продолжает функционировать экстразона;

- *предельные концепты*, то есть концепты, интразона которых постоянно расширяется, а экстразона отсутствует по причине высокой степени абстрактности концептуализируемых понятий;

- *рудиментные концепты*, то есть концепты, почти или полностью утратившие интразону и сохранившиеся лишь в составе отдельных единиц своей экстразоны [Слышкин, 2004: 21].

Исследователи Н.Н. Болдырев и В.Г. Куликов выделяют диалектные концепты «как знания о территориальной вариативности языковых единиц» [Болдырев, Куликов, 2006: 41]. Данный тип концепта обнаруживает «определенную структурную и содержательную специфику, которая проявляется в способах их формирования, хранения и репрезентации» [Болдырев, Куликов, 2006: 41].

Слово не может полностью передать концепт, оно лишь отражает часть концептуальных признаков, имеющих значение для конкретной ситуации общения. Но слово является средством доступа к концептуальному знанию. По мнению И.Н. Стернина, «слово – это ключ, открывающий для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им» [Стернин, 2001: 28].

В зависимости от того имеют ли концепты, закрепленные за ними языковые средства представления, их можно подразделить на *устойчивые* (регулярно вербализуемые) и *неустойчивые* (редко или совсем невербализуемые). Первые являются актуальными, и общеупотребительными для носителей языка в сравнении со вторыми. Последние же часто относятся к сфере индивидуального мышления или остаются глубоко личностными.

Таким образом, слово служит средством реализации концепта в речи и одновременно проводником в хранилище общего концептуального знания. Однако большинство концептов не имеют языкового выражения, поскольку не обладают коммуникативной ценностью или обслуживают сферу индивидуального мышления.

Вопрос о внутренней структуре лингвокультурного концепта находится в данный момент в стадии разработки, поэтому существуют различные трактовки этой проблемы. А. Вежбицкая полагает, что любой концепт, реализованный в языковой единице, представляет собой конфигурацию элементарных смыслов, семантически неразложимых и универсальных [Вежбицкая, 2001: 8]. Они могут быть выделены при помощи

глубокого анализа в любом существующем естественном языке. При сравнительном рассмотрении многих языков некоторые наборы элементарных смыслов могут совпадать и являться идентичными. Подобные наборы представляют универсальный набор фундаментальных человеческих концептов, которые с точки зрения А. Вежбицкой врожденные.

Исследователем предлагаются около 60 вариантов в универсальные элементарные смыслы, среди которых, в качестве примера можно привести:

- *субстантивы*, например, я, ты, некто/лицо, нечто/вещь, люди, тело;

- *детерминативы*, например, этот, тот же, другой;

- *кванторы*, например, один, два, несколько/немного, весь/все, многие/много;

- *атрибуты*, например, хороший, плохой, маленький, большой;

- *ментальные предикаты*, например, думать, знать, хотеть, видеть, чувствовать и т.д. [Вежбицкая, 2001: 51]

Приведенный набор элементарных смыслов характеризуется системностью и структурностью. Данная таблица учитывает семантический аспект, а также комбинаторные свойства элементов. Впрочем, автор не настаивает на абсолютной законченности и верности этих данных.

Ю.С. Степанов рассматривает структуру концепта с точки зрения его культурной эволюции. В его понимании концепт представляет собой сочетание «слоев» или компонентов, которые являются «осадком» культурной жизни разных эпох:

1. *Актуальный* для данной культуры признак.

2. Один или несколько *пассивных* (исторических) признаков.

3. Внутренняя форма или *этимологический* признак [Степанов, 2001: 47].

В активном слое концепт существует для всех носителей языка данной культуры как средство общения. Пассивные признаки представляют важность только для некоторых социальных групп, поскольку они

реализуются лишь при общении участников этих объединений. Внутренняя форма актуальна для исследователей, так как этот слой, являясь глубинным, не осознается остальными носителями языка. Он запечатлен во внешней словесной форме и существует как основа для других слоев. Для изучения каждого слоя концепта автор предлагает использовать определенные методы: культурологические, исторические, этимологические.

Таким образом, по мнению Ю.С. Степанова, концепт представляет собой сумму идей, культурных знаний, имеющих различное время происхождения и представляющих собой эволюционную последовательность, закрепленную в «слоях» концепта. Между слоями существует преемственность формы и содержания, благодаря которым содержательный компонент предыдущей стадии концепта наследуется новой.

Е.В. Лукашевич, моделируя внутреннюю структуру концепта как достояния индивида, выделяет в его составе следующие составляющие:

- *тело знака*, являющееся звуковой оболочкой слова;

- *понятие*, выражающееся в совокупности наиболее существенных признаков предмета и определяющее его предметное содержание;

- *представление*, реализующееся в наглядно-чувственных картинах действительности, зависящие от индивидуальных особенностей, таких как опыт, возраст, научная подготовка и т.п.;

- *эмоции и оценка*, выражающие определенные чувства индивида и отражающие положение предмета, подвергающегося концептуализации, на субъективной шкале «хорошо–плохо»;

- *индивидуальные ассоциации*, представляющие субъективный опыт индивида и не интерпретирующиеся с помощью лексикографических средств [Лукашевич, 2004, эл. рес.].

По мнению В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, концепт включает в себя три компонента: *центральная точка*, *фактуальный элемент* и *образный элемент*. Центральная точка есть некая «сильная» (ценностно

акцентуируемая) точка сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Таким образом, «центральная точка» концепта служит его именем. Фактуальный элемент хранится в сознании в вербальной форме и может воспроизводиться непосредственно в речи. Образный же элемент является невербальным и поддается лишь описанию [Карасик, Слышкин, 2001: 77–78].

В понимании И.А. Стернина, концепт имеет определенную, но не жесткую структуру и может быть представлен в виде полевой модели, в которой можно выделить ядро и периферию. Ядро такой модели составят прототипические слои концепта с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, яркостью образов. К периферии же будут отнесены более абстрактные признаки концепта. При этом «периферийный статус признака не говорит о его малозначительности в поле концепта, а указывает лишь на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» [Стернин, 2001: 32].

Ядро образует базовый слой концепта. Периферия, или интерпретационное поле, состоит из концептуальных признаков, образующих различные концептуальные слои.

В соответствии с соотношением различных слоев в структуре концепта И.А. Стернин выделяет три типа моделей:

1. *Одноуровневый концепт* – включает только базовый слой, чувственное ядро. Примером таких концептов могут служить предметные образы: *чашка*, *соленый*.

2. *Многоуровневый концепт* – включает несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции, отражаемой ими, и последовательно наслаивающихся на базовый слой. Например, многозначная лексема *жаркий*.

3. *Сегментный концепт* – представляет базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции. Кроме этого концепт содержит объемную интерпретационную часть, отражающую интерпретацию отдельных концептуальных признаков и

их сочетаний в виде установок сознания, базирующихся на содержании концепта.

Как уже было сказано, концепт, являясь частью концептосферы, может не иметь вербального выражения. Вероятной причиной такого положения исследователи называют несоответствие механизмов мыслительных процессов механизмам образования речи, осуществляющихся на различной нейролингвистической основе. В речи часто возникает ситуация, когда приходится пользоваться словосочетаниями, описательными конструкциями, чтобы вербализировать какой-либо концепт, от чего напрямую зависит эффективность коммуникации. Концепт может получить реализацию в языке с помощью следующих средств:

- готовые лексемы и фразеосочетания;

- свободные словосочетания;

- структурные и позиционные схемы предложений, несущие типовые пропозиции (синтаксические концепты);

- тексты и композиции текстов [Стернин, 2001: 27].

Важным вопросом в понимании сущности концепта и в определении его месторасположения в уже сложившемся терминологическом аппарате лингвистики остаются его соотношения с такими терминами как *понятие* и *лексическое значение слова*. Что касается термина *понятие*, то он довольно часто применяется в научной литературе в качестве синонима термина *концепт*. Подобное положение легко объяснимо, поскольку *концепт* и *понятие* (notion) явления одного порядка. Так *концепт* есть калька латинского слова *conceptus,* переводимое также как *понятие.* [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 384]. Несмотря на всю семантическую близость, следует все же понимать различия данных терминов и границы их употребления в том или ином контексте. Так *понятие,* прежде всего, является категорией логики и философии, обозначающей итог познания. В языкознании *понятие* обозначает смысл,

отражающий в обобщенной форме предмет и явление действительности посредством фиксации их свойств и отношений. Термин *концепт,* закрепившись в терминологическом аппарате культурологии, в настоящее время активно внедряется в лингвистику. И в этом случае *концепт* реализуется как явление ментального характера, определяющий тем или иным способом культуру конкретного общества на материале его языка. Как справедливо отмечает В.В. Колесов, *концепт* в рамках лингвокультурологии больше соответствует латинскому слову *conceptum* – «зародыш, зернышко», из которого произрастают все содержательные формы его воплощения» [Колесов, 1995: 14]. Включение в состав концепта образной составляющей (типового представления, гештальта, прототипа, стереотипа и прочего) является тем, что выгодно отличает его от понятия, лишенного наглядности.

Рассмотрим соотношения терминов *лексическое значение слова* и *концепт.* Концепт имеет психофизиологическую основу и представляет некий образ какого-то отрезка действительности. Лексическое же значение слова является совокупностью денотативных и коннотативных сем, отображающих предметно-логическую и субъективно-оценочную составляющие части смыслового содержания слова [Стернин, 2001: 29]. То есть значение передает лишь определенные признаки, часть информационного содержания концепта. Лексическое значение значительно уже концепта, поскольку «мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе» [Стернин, 2001: 29].

Что касается соотношения всех трех представленных терминов, то на наш взгляд наиболее объективной точкой зрения на данную проблему является мнение В.В. Колесова. Исследователь полагает, «что концепт образуется и функционирует в силовом поле между значением слова и смыслом понятия, где значение слова – отношение словесного знака к содержанию понятия, его сигнификат, а смысл понятия – отношение объема понятия к референту» [Колесов, 1995: 14].

К подобному же выводу приходит Ю.С.Степанов, определяя «значение слова как объем понятия», тогда как концепт является «содержанием понятия». Ученый синонимизирует термин концепт со смыслом слова, включающим его синтезированную историческую эволюцию [Степанов, 2001: 45].

Выводы

1. Концептосфера, или картина мира отдельного конкретного языкового сообщества, может быть определена как ментальная совокупность представлений, знаний носителей языка об окружающей действительности. Концептосфера виртуальна и потенциальна. Она обладает универсальными характеристиками, которые обусловлены едиными, объективными процессами мозговой деятельности человека.

2. Концептосфера реализуется в языке, наполняя его семантическое пространство. Подобное отражение концептосферы можно назвать языковой картиной мира.

3. Концептосфера национально специфична, в этом проявляется ее связь с культурными традициями конкретного социума. Идиоэтничность концептосферы выражается на эмоционально-психическом уровне и обуславливает «национальный характер», как совокупность норм коммуникативного поведения. Также национальное своеобразие концептосферы отражается на комплексе суждений, оценок лингвосоциума и принципах их осуществления, то есть концептосфера взаимодействует с национальным менталитетом. На семантическом уровне национальная специфичность концептосферы актуализируется в наличии целого ряда особенностей лексической системы языка: идиомы, лакуны и т.д. Идиоэтническое своеобразие концептосферы отражается также на ее структуре и характере взаимоорганизации концептов.

4. В исследовании концептосферы конкретного сообщества особую роль играет анализ языка, поскольку передача культурного наследия от поколения к поколению осуществляется, прежде всего, посредством языка.

5. Концепт является единицей концептосферы и представляется многомерным формообразованием, смысл которого опирается на понятийный базис знака, закрепленный в его лексическом значении. Однако концепт представляется структурой более сложного порядка, по сравнению с понятием и лексическим значением слова, так как он включает в себя и невербальную информацию.

6. На сегодняшний день представляется возможным выявить несколько подходов к изучению концепта, в зависимости от науки, предметом которой он является, или от акцентуации какого-либо его аспекта. Так *лингвокогнитивный* подход определяет концепт как мыслительное образование, закрепляющее и моделирующее познавательный опыт человека; в рамках *культурологии* концепт понимается как результат, итог культурных знаний. *Психолингвистика* рассматривает концепт в двух плоскостях: как продукт общества и как продукт отдельного идивидума. Что касается *логико-понятийного* подхода, то в этом случае концепты трактуются как совокупность базовых, элементарных понятий, объясняющих логику реальности. *Интегративный* подход к изучению концепта, синтезирующий факты различных наук является на сегодняшний день наиболее перспективным.

7. Концепты обладают различной значимостью и ценностью для культуры, поэтому нам кажется возможным представить модель концептосферы с применением метода поля. Ядром концептуального поля являются ключевые концепты, определяющие основные ценности для данной культуры, к периферии же относятся менее значимые концепты.

8. Рассмотренные классификации концептов (А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая) представляют собой попытки выделения различных типов концептов по семантическому признаку.

9. Внутренняя структура концепта трактуется многими исследователями (Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов) как совокупность нескольких составляющих, из которых можно выделить ядерную, центральную часть концепта – понятийный компонент, и периферическую – образный, эмоционально-чувственный, индивидуально-ассоциативный компоненты.

ГЛАВА II. ФЕНОМЕН «СЕМЬЯ» КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Социальный феномен «Семья» в парадигме гуманитарных наук

Современный этап развития когнитивной лингвистики характеризуется обращением к описанию языковой картины мира через исследование ее отдельных фрагментов. Под картиной мира при этом понимается представление человека о явлениях окружающей его действительности, сформировавшееся в результате его познавательной деятельности и выраженное в единицах языка. Язык в этом процессе «выступает не демиургом этой картины, а лишь формой выражения понятийного… содержания» [Колшанский, 1990: 25]. Каждый лингвосоциум обладает своей, в некоторой степени специфической языковой картиной, в которой отражается его общественный уклад, культурное своеобразие. То есть концептосфера отдельного народа может трактоваться в общем смысле, как представление о мире, свойственное носителям его культуры и воспринимаемые ими как нечто самоочевидное [Шмелев, 2002: 295].

В этой связи изучение лингвокультурного концепта «Семья» как фрагмента языковой картины мира в разноязычных культурах (русской и французской) являет собой особый интерес по нескольким причинам. Прежде всего, семья как форма общественной жизни имеет многовековую историю существования и эволюции. Важность данного явления в масштабах человечества или для каждого индивидуума объясняется «ее уникальной, посреднической ролью… выступать в качестве социокультурного феномена, находящегося на пересечении структур при любом конструировании общества», что позволяет интерпретировать «результаты социального поведения микросреды» и вывести из них «тренды глобального характера»

[Социология семьи, 2005: 43]. Иначе говоря, семья является для индивида тем социомикромиром, модель которого определяется и формируется обществом и культурой. С другой стороны, семья, как социальный институт, «адекватно отражает прогресс культуры, своей разносторонней деятельностью содействует ему» [Шимин, 1989: 78].

Семья является объектом изучения многих научных дисциплин, что подтверждает ее аксиологическую значимость в рамках универсума. При этом представляется возможным выявить два подхода к рассмотрению семьи: исследование феномена в узком смысле, и его изучение в широком смысле. В первом случае семья является предметом изучения, прежде всего, психологии, где она исследуется, с позиции малой группы, что обуславливает интерес ученых к проблемам межличностных взаимоотношений в семье, к вопросам становления личности, формирования характера и социальной адаптированности индивидуума.

Во втором случае семья трактуется в широком смысле, как социум, и становится предметом изучения социальной психологии, этносоциологии, демографии, статистики и других наук. Так социальная психология рассматривает проблемы самоопределения больших национальных групп – народов, как этнических общностей [Андреева, 2004: 46]. При этом отмечается, что в качестве одного из основных методов исследования психологии этнических групп должно быть исследование мифов, обычаев и языка.

Еще одна стыковая научная дисциплина этносоциология, изучает проблемы семьи, в рамках определенной нации, анализируя аспекты развития и функционирования этнических групп, идентичности их интересов, форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения и взаимодействия внутри этнических групп и с социальной внешней средой [Арутюнян, Дрогибиева, Сусоколов, 1998: 6]. Важным в

этой связи представляется замечание о том, что язык является основой идентификации и этническим символом.

Наиболее фундаментальной наукой, исследующей семью, является социология, в которой отдельно выделяется социология семьи. Социология семьи совмещает в себе два вышеобозначенных подхода к изучению семьи: макро- и микросоциология семьи [Социология семьи, 2005: 31]. Макросоциология семьи представляет собой сложное и многомерное образование – социальный институт, и раскрывает его значение в широкой социальной перспективе во взаимосвязи с другими социальными институтами и с социальными процессами изменения, развития, модернизации [Социология семьи, 2005: 31]. Социальный институт определяется как «социальное образование, выражающее специфическую устойчивую совокупность общественных ориентаций, организационно складывающихся в процессе совместной деятельности людей, организованно оформленных для выполнения социально значимых функций» [Гаспарян, 1999: 32]. То есть социальный институт представляет собой:

1. Ролевую систему, в которую включены нормы и статусы.
2. Совокупность обычаев, традиций и правил поведения.
3. Формальную и неформальную организацию.
4. Совокупность норм и учреждений, регулирующих определенную сферу общественных отношений.
5. Обособленный комплекс социальных действий.

В этом смысле семья определяется как один из пяти базовых социальных институтов, наряду с экономическим, политическим, военным и религиозным, назначение которых удовлетворять важнейшие жизненные потребности коллектива или общества в целом [Добреньков, Кравченко, 2000: 45]. В свою очередь институт семьи включает множество более частных институтов, а именно институт брака, институт родства, институт

материнства и отцовства, институт собственности, институт социальной защиты детства и опеки и другие.

За институтом семьи закреплены функции, которые он реализует. Их спектр чрезвычайно широк, в силу многомерности и сложности социального образования, и не находит четкого оформления у социологов. Так А.Г. Харчев подразделяет функции, реализуемые семьей на две группы: неспецифические функции, «к выполнению которых семья оказалась принужденна в определенных исторических обстоятельствах», и специфические функции «проистекающие из сущности семьи и отражающие ее особенности как социального явления» [Харчев, цит. по: Социология, 2005: 46]. Неспецифические функции связаны с накоплением и передачей собственности, статуса, организацией производства и потребления, домохозяйства, отдыха и досуга, с заботой о здоровье и благополучии членов семьи. Изучение именно неспецифических функций в различные исторические периоды позволяет обнаружить модификации семейных отношений [Социология семьи, 2005: 47]. Специфические же функции семьи, к которым относятся репродуктивная (рождение детей), экзистенциальная (содержание детей), социализирующая (воспитание детей) функции, неизменны при всех преобразованиях общества [Социология семьи, 2005: 47].

Ю.А. Гаспарян определяет институциональные функции семьи следующим образом:

1. Легитимизация традиционно сложившихся брачных отношений на основе записи актов гражданского состояния.

2. Социальная регуляция семейных (супружеских, родительских, родственных) отношений.

3. Защита имущественных и гражданских прав.

4. Социальная помощь в воспитании, образовании, социально-культурной адаптации новых членов семьи.

5. Обеспечение суверенного существования семьи [Гаспарян, 1999: 32].

Н.Д. Шимин выводит на первое место коммуникативную функцию семьи, которая заключается в удовлетворении потребности человека в общении с близкими людьми. Также интерес представляют гуманитарная (обеспечение счастья членам своей семьи, развитие человека в человеке), культурно-педагогическая и хозяйственно-бытовая функции, определяющиеся ведущими наряду с репродуктивной функцией [Шимин, 1989: 19].

Исследователь М.С. Мацковский включает в основные функции современной семьи сексуальную, эмоциональную функции, а так же функцию духовного общения и первичного социального контроля [Мацковский, 1989: 17].

Социологами также отмечается, что институт семьи отражает специфику конкретного общества и потому отличается от аналогичных феноменов других социумов. И наиболее важными факторами, образующими подобные различия, являются культура и история развития общества. Так, например, культурные нормы могут предписывать количество супругов, которое может иметь один человек, правила выбора брачных партнеров, роль главы семейства и права и обязанности родственников, место поселения и генеалогию. История, включающая политические и экономические преобразования в социуме, может накладывать отпечаток на качественные и количественные признаки семьи.

Одновременно социология семьи рассматривает данный феномен как малую группу. В определении этого объединения людей социологи также не приходят к единому мнению. Так к дискуссионным вопросам относится соотношение понятий брак и семья. На сегодняшний момент социологи более склонны к их обособлению. Современная социология определяет брак как «санкционируемую и регулируемую обществом форму отношений между мужчиной и женщиной, определяющую их права и обязанности по отношению друг к другу и к их детям» [Социология семьи, 2005: 291]. Семья же трактуется как «основанная на единой общесемейной деятельности

общность людей, связанных узами супружества–родительства–родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных отношений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [Антонов, Медков, 1996: 66]. Именно совокупность трех элементов: брачные, родительские, родственные отношения – позволяет говорить о сформированной полноценной семьи. Подтверждением этому могут быть следующие высказывания: «основным семьеобразующим признаком выступают отношения «родители–дети» и прежде «мать–дитя» [Шимин, 1989: 35]; «лишь рождение детей превращает брачную пару в семью» [Антонов, 1998: 151]; «семья – это, прежде всего, люди, объединенные кровными (родственными) связями» [Воробьев, цит.по: Антонов, 1998: 142]

Примечательно, что некоторые социологические исследования семьи последних десятилетий приближаются по своим задачам и методам к психолингвистическим и лингвокогнитивным изысканиям. Так Н.Г. Марковская и А.В. Мотыль в своей статье «О некоторых подходах к изучению образа семьи» для формирования общей модели социального явления семья применяют понятие «образ». Под ним авторы понимают «одну из форм отражения объективной реальности, позволяющей выделить субъективную картину мира или ее фрагменты», обладающую интегральными, типичными и устойчивыми признаками [Марковская, Мытыль, 1990: 77]. Применяя в качестве метода свободное интервью на тему «Как Вы представляете себе семью», исследователи не ограничивали респондентов в форме выражения – это могли быть описания, сложные ассоциации, а также рисунки или текстовая запись. В результате, после обобщения полученных данных авторы вывели четыре устойчивых образа семьи. Два из них исследователи оценивают как негативные, то есть семья выступает в отношении личности «психотравмирующем фактором». Третий образ определен как пассивно-положительный. В данном случае семья

ассоциируется с тем местом, в котором «можно переждать бурные и тревожные моменты жизни», однако ее место в системе ценностей личности невысоко. В четвертом типе семья предстает как самостоятельная ценность, место самореализации личности [Марковская, Мытыль, 1990: 80].

Еще одна статья «Ценность семьи в сознании различных слоев населения» М.С. Маковского и В.В. Бодровой представляет результаты исследовательской программы «Семья в зеркале общественного мнения». Группа социологов, принимавших в ней участие, своей целью поставили изучение социально-демографической и социокультурной дифференциации семейных ценностей в сознании людей [Маковский, Бодрова, 1990: 156]. В итоге исследователи приходят к следующим выводам:

1. Семья остается одной из самых важных жизненных ценностей в сознании людей, значимость семьи может быть сравнима только с ценностями здоровья и дружеских отношений. Она значительно опережает такие материальные ценности как интересная работа, карьера, финансовая обеспеченность.

2. Основными мотивами для создания семьи остаются рождение детей и обретение эмоционально-духовной связи с брачным партнером. При этом наблюдается превалирование духовных ценностей над материальными в сфере брачно-семейных отношений.

3. Среди основных отрицательных сторон семейной жизни авторы выделяют бытовые трудности и материальную неустроенность. Проблемы, связанные с конфликтами между членами семьи, играют менее значительную роль [Маковский, Бодрова, 1990: 157–163].

Обратимся к зарубежной точке зрения, в частности французской научной мысли, на социальный феномен «Семья». Французские социологи отмечают, что социология семьи как самостоятельная научная дисциплина получает активное развитие, начиная с 70-х годов XX века, обусловленного общественными изменениями в государстве (увеличение числа разводов,

рост профессиональной занятости женщин, развитие альтернативных форм семьи). В этой связи общественная наука выдвигает перед собой следующие задачи: номинация («rôle de nomination») – определение новых категорий семьи, интерпретация («rôle d' interprétation») – объяснение произошедших изменений, экспертиза («rôle d'expertise») – анализ социальных последствий. Другим важным для развития французской социологии семьи становится момент признания легитимности других, альтернативных форм совместного проживания: famille monoparentale (неполная семья), cohabitation (сожительство) и т.п. Примечательно, что данные формы рассматриваются как «варианты» нормы, а не как отклонения от нее: «ces termes font apparaître ces unités comme l'unité des «variantes» qui peuvent prendre les unités domestiques et non comme des formes «déviantes» de l'unité domestique «normale» [данные термины определяют эти формы как совокупность вариантов видов совместного проживания, а не как девиантные формы «нормы» (перевод наш)] [Lefaucheur, цит. по Dictionnaire de sociologie, 1999: 217].

Другими значимыми вопросами изучения феномена семьи для французской социологии стали проблемы образования брачных отношений: мотивация выбора партнера, социальное равенство партнеров (Girad 1964, Bourdieu 1974, Langouët 1997); проблемы супружеских взаимоотношений: лидерство в семье, изменения ценностей (культурных, социальных) супругов в процессе семейной жизни (Barrière-Maurisson 1984, Syngly 1987) [Dictionnaire de sociologie, 1999: 218–219].

Со второй половины XX века в фокус внимания ученых попадают демографические аспекты исторической эволюции семьи во французском обществе. Труды таких исследователей как А.Ландри, М. Рейнхарда, Е. Лябрусса, А. Арманго посвящены систематизации и анализу данных по демографии французского народанаселения, начиная с XVIII века, что

позволяет воссоздать комплексную картину истории семьи и вскрыть причины сокращения рождаемости во Франции [Любарт, 2005: 22–23].

Интерес представляет работа социолога-антрополога Э. Тодда «La diversité du monde», в которой автор, основываясь на трудах Ф. Ле Пле (F. Le Play), выдвигает гипотезу об основополагающем влиянии семейных моделей, присущих тому или иному этносу, на политический и идеологический строй государства: «…l'idée que les rapports familiaux – entre parents et enfants, entre mari et femme – servent de modèle aux relations politiques et définissent le rapport de l'individu à l'autorité» [Todd, 1984: 26]. Для нашего исследования нам представляются важными отдельные замечания Э. Тодда о семейных моделях, характерных для Франции и России.

В частности, рассматривая русскую модель семьи, он именует ее *общинной экзогамной семьей* («la famille communautaire exogame»); по его мнению, она обладает следующими характеристиками: равенство братьев, определяемое наследственными правами, совместное проживание родителей и их женатых детей, запрет на брак между детьми двух братьев. Э. Тодд также выделяет такие особенности русской семьи, как равенство в отношениях между полами, проявляющееся в очень слабой разнице в возрасте между супругами; психологическая близость внутри группы родители–дети, выражающаяся в нанесении визитов, финансовой взаимопомощи и т.п.; профессиональное родство – когда сын выбирает профессию близкую к профессии отца и т.п. [Todd, 1984: 53–55].

Что касается французской семейной модели, автор теории определяет ее как сочетание *нуклеарной равноправной семьи* («famille nucléaire égalitaire») на севере страны и *авторитарной семьи* («famille autoritaire») в южной части Франции.

В первом случае Э. Тодд приводит следующие характеристики: равенство братьев, определяемое наследственными правами, отсутствие совместного проживания родителей и их детей, состоящих в браке, запрет на

брак между детьми двух братьев. Для ядерной семьи присуще равенство значимости отеческой и материнской линий родства, раннее расслоение семейного союза, организованное приручение детей к индивидуальной независимости [Todd, 1984: 117–120].

Во втором случае авторитарная семья имеет такие признаки, как неравенство братьев, основанное на правилах наследования, при которых наследство получает один из детей; совместное проживание родителей и семьи сына-наследника; малое количество либо отсутствие браков между детьми двух братьев. Также для данной семейной модели характерно поощрение вступления в брак в раннем возрасте, иерархичность отношений внутри семьи [Todd, 1984: 75–77].

Следует отметить, что французские ученые приветствуют использование данных других общественно-гуманитарных наук в социологических изысканиях: «La Sociologie prend le biologique et le psychologique comme un donné… la distinction entre ethnologie et sociologie est typiquement une fausse frontière…» [социология использует факты биологии и психологии в качестве данных… различия между этнологией и социологией представляются обычно ложными иллюзорными (перевод наш)] [Bourdieu, 1984: 30].

Современная научная мысль находит новый ракурс «семейной темы». Так S. Pezard в своей статье «Entre sphère privée et relations internationales: le concept de famille et la globalisation» задается вопросом насколько семья, являясь одним из наиболее консервативных социальных институтов, может оказывать влияние или подвергаеться изменениям в свете итеграционных процессов, протекающих на территории современной объединенной Европы. Основой для предпринятого рассуждения послужили популистские высказывания политиков, в которых понятие «семья» служило метафорой для объединяющего образа – «la famille humaine toute entière». Объединение европейских государств в такую «семью» предполагает наличие общих

ценностей, жизненных установок и понимания приоритетов. Однако по заключению автора сфера частной жизни отдельно взятой семьи не испытывает каких-либо коренных преобразований, спровоцированных процессом глобализации. Напротив «семейная модель» построения микросоциума способна сама оказывать влияние на установление новых отношений между нациями [Pezard, эл. рес.].

2.2 Феномен «Семья» как предмет изучения лингвистики

Изучение социологического феномена *семьи* в рамках лингвистики может быть отнесено к исследованию проблем национальной идентичности, межкультурной коммуникации и его рассмотрению в форме лингвокультурного концепта «Семья». В этом отношении концепт «Семья» может интерпретироваться как одна из составляющих оппозиции «свой – чужой», а именно группы «свои». Данное противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, национального мироощущения [Степанов, 2001: 126]. На данную тему существует достаточное количество работ, позволяющих рассмотреть вопросы стереотипизации фактов «своей» и «чужой» культуры, а также разнообразные явления, репрезентирующие культурные характеристики того или иного социума [Степанов, 2001; Васильев, 2002]. Таким образом, концепт «Семья» в широком смысле может интерпретироваться как языковое самовосприятие лингвосоциума.

На сегодняшний день выявлен ряд работ, направленных на рассмотрение непосредственно концепта «Семья» или его отдельных составляющих, характерных для определенного языкового сообщества, либо проводимое в сопоставительном аспекте.

Так Ю.С. Степанов в своем фундаментальном труде «Константы. Словарь русской культуры» в числе базовых концептов культуры дает

описание концепта «Отцы и дети» и тематически связанного с ним концепта «Женщины-матери. Солдатские Матери». Работая с первым концептом, Ю.С. Степанов пытается проследить историческое развитие конфликта между поколениями, начиная с середины XIX века. Для этого лингвист привлекает тексты художественной литературы, живописные произведения, документальные материалы, в том числе и кинодокументы. Исследователь утверждает, что противостояние поколений в России достигает своего апогея в середине XX века: «Ко времени «поколения шестидесятников» стало очевидно, что разрыв между «Отцами» и «Детьми» не преодолеешь трудовым коллективом. Стало ясно, что «Дети» не просто иные, чем «Отцы», а что они не хотят принять передаваемое им отцами наследство в целом, весь их строй целиком» [Степанов, 2001: 818]. Основной причиной данной ситуации Ю.С. Степанов считает то, что советско-российское общество представляет собой постфигуративный тип культуры, при котором «деды, держа в руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого» [Степанов, 2001: 821]. Анализируя образ матери в русской культуре, ученый дает свою интерпретацию одному из его компонентов – «мать сына-солдата». Ю.С. Степанов отмечает органичность и характерность данного компонента для русской картины мира, подтверждением чему служат многие литературные, художественные и кинематографические произведения.

О.Н. Чистякова в своей статье «Концепт СЕМЬЯ в повести Л. Улицкой “Медея и ее дети”» проводит анализ значений концепта и их языковых репрезентаций на материале художественного произведения. Структуру данного концепта составляют такие элементы, как «пространство» семьи, «время» семьи, состав семьи, взаимоотношения в семье, в рамках которых описываются отдельные «знаки» концепта – «дети», «мать», «дом», «чужой мир». Исследователь отмечает, что его содержание напрямую отражает индивидуально-авторское своеобразие концептуальной системы конкретного

писателя и позволяет раскрыть художественную картину мира Л. Улицкой [Чистякова, 2004: 279].

Нами была выявлена две диссертационные работы по изучению концепта «Семья» – это исследование Н.Н. Рыхленко, проводимое на материале семейных родословных в русском языке, и труд М.А. Терпак «Специфика коннотативного содержания единиц английского лингвокультурного концепта “Семья”».

Для Н.Н. Рыхленко материалом послужили «свободные в своих деталях тексты-повествования об истории рода, композиционно подчиненные структуре, и сохранившиеся в памяти потомков генеалогического древа» [Рыхленко, 2004: 178, эл. рес.]. При выявлении данного концепта автор применяет фреймовую модель, предполагающую организацию элементов по сетевому принципу. Разнопорядковые элементы группируются в слоты, представляющие собой «определенные позиции в структуре фрейма», и терминалы, объединяющие несколько слотов [Рыхленко, 2004: 34, эл. рес.]. Исследователь выделяет три слота: «Семья как единый организм», «родители–дети», «муж–жена». Ядерными конституентами концепта признаются «два субъекта – члены семьи и чувства, объединяющие их».

Анализ первого слота продемонстрировал способность семьи в структуре жанра родословных функционировать в качестве своеобразного субъекта, имеющего свой облик, возраст, социальный статус, способного проявлять различные чувства, совершать и подвергаться действиям, нести определенную судьбу [Рыхленко, 2004: 179, эл. рес.].

При описании второго слота «родители–дети» лингвистом были обнаружены ряд общих и различных концептуальных признаков, позволивших определить функциональные отличия лексем *дети* и *родители*.

Также в текстах семейных родословных было представлено соотношение идеального образа семьи и реально существующего в жизни.

При рассмотрении микрополей «муж–жена» были обнаружены такие нетрадиционные образы, как «специалист», «специалистка», возникновение которых Н.Н. Рыхленко связывает с историческими и социальными изменениями в российском обществе.

В результате, автору удается выявить «различные мыслительные структуры, определяющие форму прошлого опыта как форму существования знания в родословном дискурсе, …установить специфику национальной картины мира, отраженной в жанре семейных родословных» [Рыхленко, 2004: 178, эл. рес.].

М.А. Терпак в диссертации «Специфика коннотативного содержания единиц английского лингвокультурного концепта “Семья”» предпринимает попытку описания Л/К с выявлением его общих и специфических характеристик. Для этого исследователь систематизирует разнообразный лексический материал (слова, словосочетания, фразеологические единицы, пословицы, афоризмы, тексты художественной литературы), используя *модель фрейма*. Фрейм, являясь структурой данных для представления стереотипной ситуации, состоит из *над-уровня* и *под-уровня*. Над-уровень заполнен информацией, инвариантной для всего класса объектов, определяемых данным фреймом. Нижние узлы фрейма, называемые терминалами, содержат переменные данные, характеризующие особенности отдельных объектов, принадлежащих данному классу. М.А. Терпак выделяет четыре «терминала» – нуклеарная семья (рассматриваются отношения родители-дети внутри отдельной семьи), патриархальная семья (анализируются кровные родственные связи), родство по супружеству, клан (изучаются родственные отношения внутри клана). Каждый из терминалов подразделяется на «слоты» и «подслоты». В заключении автор делает следующий вывод: «…в британском обществе понятие семья связано с понятием глубокой нравственности, социальной стабильности и покоя, чего-то близкого и очень личного. В этом аспекте семья… ассоциируется с

понятием дом». Специфическими, национально обусловленными чертами концепта «Семья» в английской лингвокультуре являются замкнутость чувств и пространства. Автор выделяет также внешне сдержанные отношения между родителями и детьми, неравенство по отношению к детям разного пола и подчеркивает, что эмотивная сфера концепта в целом положительная [Терпак, эл. рес.].

Существует также ряд работ, посвященных описанию отдельных составляющих концепта «Семья». Подобные исследования часто ведутся в сопоставительном аспекте. Так А. Вежбицкая рассматривает концепт «Родные» в составе модели «Дружба» в сравнении с английским языковым эквивалентом «Relatives». Материалом, используемым исследователем становятся лексикографические данные и литературные произведения. А. Вежбицкая приходит к выводу, о том, что «концепт “Родные” представляет важную категорию русской мысли… и определяется, в первую очередь, на экзистенциальной и эмоциональной, а не на биологической или правовой основе» [Вежбицкая, 2001: 136]. Данный концепт может быть истолкован с применением метаязыка исследователя следующим образом:

(мои) родные

(a) я думаю об этих людях так:

(b) эти люди – как часть меня

(c) я – как часть этих людей

(d) не могло быть по-другому

(e) когда я думаю об этих людях, я чувствую нечто очень хорошее

[Вежбицкая, 2001: 136].

Автор дает трактовку концепта «Rodzina» («Семья») в польской языковой культуре в сопоставлении с английским концептом «Family»: концепт «Rodzina» охватывает не только «непосредственную» и «расширенную» семью, но и более дальних родственников, кроме этого семантика данного слова подчеркивает корни человека, концепт «Family»

«ставит в центр внимания, главным образом, потомство семейной пары» [Вежбицкая, 2001: 167].

Близкой к рассматриваемой тематике является статья А.В. Медведевой «Концепт ДОМ в русской и английской концептосферах». Сравнение концептов проводится с применением метода компонентного анализа на материале словарных дефиниций толковых и фразеологических единиц. В итоге автору удается выявить национально-культурную специфику символического значения вышеуказанных концептов: «понятие *дом* в русской языковой культуре расширяется до понятия родины, в английской символика *home* эгоцентрически сужается до последнего предела внутреннего мира человека» [Медведева, 2001: 106].

2.3. Структурно-пространственная модель концепта «Семья»

Исходя из теоретических положений, изложенных выше, концепт «Семья» можно определить как многоуровневый, устойчивый, обладающий социальной обусловленностью макроконцепт, который репрезентирует «концептуальную универсалию» (терм. Вежбицкая А.) в картине мира человечества. То есть концепт «Семья», являясь одним из общечеловеческих концептов, присутствует во всех известных языковых культурах и имеет регулярную лексикализацию.

В рамках концептосферы отдельно взятой лингвокультуры концепт «Семья» может быть определен как «автостереотип» (терм. А.С. Кармин). Будучи важной составляющей национального самосознания, он отражает представления членов этих лингвосоциумов о той нормативной форме существования индивидуумов в обществе, ему присущей, которые актуализируются в национально-специфических характеристиках концепта, обусловленных историческими, этническими, экономическими и другими факторами развития социума.

С точки зрения типологических параметров концепт «Семья» в терминообозначениях Ю.С. Степанова может быть рассмотрен как «рамочное понятие», поскольку его содержание формируется в границах определенного социума и испытывает непосредственное влияние культуры. Также рассматриваемый концепт может быть определен как «абсолютная апостериорная константа», так как его содержание отличается постоянностью значимости для мировосприятия общества.

Используя классификацию А.П. Бабушкина, концепт «Семья» представляет собой калейдоскопический концепт, в силу обширного круга ассоциаций, возникающих при его лексикализации. Стоит также отметить, что отдельные составляющие данного концепта могут быть определены как мыслительные картинки (например, мать, ребенок, бабушка), сценарии (например, бракосочетание, развод, семейное торжество). Относительно регулярности вербализации концепт является устойчивым, поскольку общеупотребительность языковых единиц экспонирующих его очень высока.

Так как концепт «Семья» представляет собой концепт высшего уровня, «мировоззренческую универсалию», функционирующую в различных типах дискурса и в различных сферах общественного сознания, то для его анализа на материале русского и французского языков была разработана этнокультурно-нейтральная, структурно-пространственная модель, являющаяся «прототипом» концепта и предлагаемая для дальнейшего изучения.

Данная модель представляет собой динамическое сочетание трех сегментов, составляющих обязательные компоненты социального феномена семья и реализующие основные функции социального института семья: родственные отношения, брачные отношения, родительские отношения.

На первом этапе нашего исследования прототипическая модель концепта была наполнена лексическими единицами, и устойчивыми словосочетаниями, извлеченными из различных лексикографических

источников, вербализующими концепт «Семья». По мнению В.Н. Красавского, фразеологические номинанты, оформляющие соответствующие концепты, в силу своей объемной структуры и семантики коммуникативно более самостоятельны, а иногда и самодостаточны. А поскольку фразеологические номинации по сравнению с лексемными номинациями несут обычно большую информационную нагрузку, то можно допустить их более развернутую, более детальную образно-оценочную нагрузку [Красавский, 2001: 97].

В настоящей работе в качестве языкового материала используются отдельные термины родства. Определенную сложность при анализе этих лексем составляет их «эгоцентризм». То есть в «системе координат» терминов родства весь отсчет ведется от некоторой точки, от «я»: есть «я», есть «моя мать», «мой брат», «мой внук» и т.д. [Кацнельсон 1972:148]. Вышеотмеченная характеристика терминов родства сочетается с тем фактом, что их предметная отнесенность является не постоянной, а двойственной. Она постоянна в том смысле, что неизменна для одного и того же члена семьи по отношению к одному и тому же субъекту; постоянна в том смысле, что два субъекта, если связаны отношениями родства, то связаны ими навсегда. Непостоянна же предметная отнесенность терминов родства потому, что она зависима от точки отсчета: один и тот же субъект по отношению к разным лицам (членам семьи) характеризуется с помощью различных терминов родства, и вместе с тем один и тот же термин родства имеет различную предметную отнесенность по отношению к разным членам семьи [Маловицкий 1972:151].

Далее языковой материал был систематизирован и представлен в виде трех семантических полей, в рамках которых проводилось изучение понятийных когнитивных признаков концепта: семантическое поле «родственные отношения» – раскрывающее содержание и определяющее виды отношений родства; семантическое поле «брачные отношения» –

детерминирующее отношения супругов; «родительские отношения» – репрезентирующее отношения родителей и детей (см. Приложение 1).

Таким образом, исследовательскую базу лексического материала составили следующие единицы:

I. Семантическое поле «родственные отношения»:

1) в русском языке: родство, родственность, родня, сродство, племя; родственник, родственница, родственники, родные, близкие, домашние, домочадцы, родич, предок; родственный, родной, близкий, родимый, родненький, ро́дный; роднить, породнить, сроднить, родниться, породниться (25 единиц);

2) во французском языке: la parenté, les parents, la famille, le lignage, la filiation, la cognation, la consanguinité, le cousinage, la descendance, l'ascendance; le (la) parent(e), le proche, les proches, l'allié(e), l'ancêtre, les ancendants, l'aïeul, le géniteur, le descendant, l'affin, l'agnat, le cognat, le consanguin, le collateral, la parentèle; parent, apparenté, proche, germain, congenère (32 единицы).

II. Семантическое поле «брачные отношения»:

1) в русском языке: брак, супружество, женитьба, замужество, бракосочетание, свадьба, венчание, брачность; женить, жениться, выдавать/отдавать замуж, выходить замуж, венчать, венчаться, играть свадьбу, справлять свадьбу, регистрировать брак, заключать брак, расторгать брак, сочетаться браком, заключать брачный союз, сочетаться брачными узами, вступать в брак, сочетаться узами Гименея, состоять в браке, жить в браке; жених, невеста, молодожены, брачующиеся, новобрачные, супруг, супруга, муж, жена, женишок, невестушка, муженек, женушка, молодожен, супружник, супружница; брачный, супружеский, матримониальный, свадебный, венчальный, женатый, замужняя, венчальный, мужнин, мужний, жениховский, внебрачный, добрачный, безбрачный, единобрачный, многобрачный, новобрачный, троебрачный (61единица);

2) во французском языке: le mariage, l’alliance, les épousailles, la noce (les noces), les fiançailles, les accordailles, marier qn, se marier à/avec qn, allier, s’allier à/ avec qn, épouser qn, fiancer qn, se fiancer à/avec qn, accorder qn, se décider au mariage, songer au mariage, offrir le mariage, donner qqn en mariage à qqn, promettre le mariage, proposer le mariage à qqn, rechercher qqn en mariage; contracter mariage, conclure un mariage, accepter le mariage, annoncer son mariage, s'unir par le mariage à qqn, prendre, recevoir, annuler, dissoudre, empêcher, rompre un mariage/alliance/noces; le mari, la femme, l’époux, l’épouse, le conjoint, la conjointe, l’alliancé, l’alliancée, le fiancé, la fiancée, le marié, la mariée, les mariés; conjugal, matrimonial, nuptial, conjoint, alliancé, marié (51единица).

III. Семантическое поле «семейные отношения»:

1) в русском языке: семья, семейство, семейка, семейность, семейственность, фамилия, семьянин, семьянинка, родители, родитель, родительница, мать, отец, дети, ребенок, сын, дочь, дитя, дитятко, детка, дитё, ребятенок, ребятки, ребятушки, ребятишки, детвора; семейный, семейственный, семьянистый, семейский, семьяный, родительский, отцовский, материнский, детский, отецкий, отеческий, материн, ребяческий, ребячий, ребячливый (41единица);

2) во французском языке: la famille, le clan, la dynastie, le foyer, le ménage, le père, la mère, le papa, le parent, le paternel, le pépère, le vieux, la maman, la matrice, les parents, père et mère, les vieux, l’enfant, le fils, la fille, le bébé, le petit, la fillette, l’enfançon, l’enfantelet, l’enfantelette, le gosse, le mignard, le mioche, le rejeton, familial, domestique, parental, maternel, paternel, enfantin (36 единиц).

Под семантическим полем в нашей работе понимается межчастеречное парадигматическое поле, экспоненты которого выражаются лексическими единицами [Васильев, 1971: 111]. Лексические единицы в рамках поля, являясь иерархически разноуровневыми элементами, образуют отношения

ядро-периферия, где ядром признаются наиболее частотные, семантически содержательные, информативные существенные конституенты [Полевые структуры в системе языка, 1989: 182]. Другими критериями принадлежности конституента поля к ядру являются его многозначность и способность становиться доминантой синонимического ряда [Мерзлякова, 2003: 30].

По нашему мнению метод семантического поля представляется весьма эффективным для исследования понятийной составляющей концепта в силу следующих доводов. Семантическое поле является динамической структурой, не имеющей жестких границ для включения в его состав новых конституентов и выхода единиц из него. В рамках нашего исследования мы сосредоточили внимание на описании нормативных, литературных единиц, зафиксированных в национальных толковых словарях. К числу анализируемых лексем относятся стилистически маркированные синонимы, связанные деривационными отношениями с экспонентами ядерной и приядерной зон. В рамках настоящего исследования нами не рассматривались лексические единицы, относящиеся к жаргонизмам и сленгу. Однако потенциально они могут войти в состав семантических полей, поскольку репрезентируют рассматриваемый концепт.

На уровне семантического поля лексические единицы исследуются посредством компонентного анализа, который признается наиболее эффективной методикой в сопоставительной семантике, так как, позволяет выявить общие и различительные черты в обозначении общей внеязыковой действительности в разных языках (Воркачев 2003, Шафиков 1992).

Одним из достоинств этого метода является возможность его применения, как на уровне группы слов, так и к отдельно взятой лексической единице. Компонентный анализ, применяемый к определенной лексической единице, производится на уровне ее лексико-семантических вариантов (ЛСВ) [Шафиков 1992:48]. В структуре ЛСВ выделяются архисема – иерархически главная, отражающая общие категориальные свойства

определенного класса; дифференциальные семы видового значения, обладающие семантическими конкретизаторами или компонентами (СК); потенциальные семы (ПС), отражающие побочные признаки объекта [Гак 1971: 79]; и коннотативные семы (КС), актуализирующие стилистические особенности речевой реализации лексемы. Следует оговорить синтаксис, используемый нами в «семантических формулах»: семы располагаются в определенной последовательности – сначала указывается доминирующая сема, затем зависимая; знак «+» указывает на синтагматическую связь между семами; знак «/» используется для обозначения альтернативности сем.

На втором этапе нашего исследования прототипическая модель концепта для выявления когнитивных стереотипов, свойственных национальным концептосферам структурируется в виде фрейма с терминально-слотовым устройством. В настоящей работе под фреймом понимается «структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации» [Минский, 1979: 7]. Организация фрейма предусматривает наличие разнопорядковых элементов, группирующихся в слоты – «аспект конкретизации фрейма», которые возможно объединить в терминалы – «вершина фрейма, объединяющая несколько слотов и устанавливающая для них определенные позиции». Функционирование фрейма происходит путем конкретизации терминалов и согласования возможных для каждого из них понятий с вполне определенной, существующей во внешнем мире обстановкой. Центральным моментом является использование одних и тех же терминалов различными фреймами, что позволяет координировать информацию, собираемую из разных источников. Группы связанных между собой фреймов объединяются в системы, которые могут отражать действия, причинно-следственные связи, изменения понятийной точки зрения и т.д. [Минский, 1979: 7].

Таким образом, в нашей работе фрейм «Семья» состоит из трех терминалов – «родственные отношения», «брачные отношения», «родительские отношения», подразделяющиеся на слоты.

Фактическим материалом, используемым в этой части работы, являются паремии, фрагменты художественных текстов, публицистические материалы, что позволяет выявить образный компонент концепта.

Мировосприятие, присущее отдельной лингвокультурной общности, существует также в форме коллективных представлений, передаваемых из поколения в поколение, в том числе и в виде пословиц, и поговорок. Присущие пословицам и поговоркам лаконичность, смысловая емкость, структурно-семантическая завершенность, иносказательность, богатство образных ассоциаций и близость к народной речи позволяют рассматривать их в качестве репрезентантов концептосфер русского и французского языков. Устойчивость данных единиц обусловливает возможность анализа их как единиц, освоенных в когнитивной практике целой лингвокультурной общности и ставших фактами языковой системы.

Материалы художественной литературы и публицистики актуализируют речевые характеристики лексических единиц, вербализующих концепт. Использование материалов художественной литературы вместе с контекстами, извлеченными из публицистики, способствуют выявлению диахронических изменений содержания концепта.

Выводы

1. Феномен «Семья» характеризуется многоаспектностью и многозначностью, что подтверждается широтой диапазона научных дисциплин, его изучающих: социология, социальная психология, психология, социальная антропология, лингвистика, без сомнения этот список можно продолжать и продолжать. При этом учеными приветствуется интеграция научных данных (P. Bourdieu), а также отдается должное внимание важности

лингвистических сведений (Г.М. Андреева, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дрогибиева, Н.Г. Марковская, А.В. Мытыль).

2. Явление «Семья», будучи объектом изучения гуманитарных наук, представляется бинарным феноменом, что проявляется в существовании двух подходов к его рассмотрению. В широком понимании семья исследуется как макроорганизм, социальный институт, со сложной внутренней структурой. В узком толковании семья изучается как малая группа, складывающаяся на основе родственных, матримониальных или родительских отношений. В обоих случаях семья наделяется своими специфическими функциями. При этом возможно отметить влияние микро- и макроаспектов друг на друга. Семья как социальный институт является одним из первостепенных в образовании сообщества.

3. Следует отметить, что модель семьи, сложившаяся в разноименных социумах, обладает своими специфическими, идиоэтническими характеристиками, и с одной стороны, подвержена влиянию исторических и экономических изменений (В.И. Добреньков, А.И. Кравченко), с другой стороны сама может воздействовать, хотя и опосредованно, на политику государства (E. Todd).

4. Что касается лингвистических исследований феномена «Семья», следует отметить, что, несмотря на растущее количество работ по данной теме, проблема трактовки одноименного лингвокультурного концепта на материале одного или нескольких языков, остается недостаточно реализованной. Выявленные исследования демонстрируют относительно устоявшиеся методологическую базу и требования, предъявляемые к фактическому материалу: словарные дефиниции, фразеологизмы, художественная литература. Однако некоторые ученые задействуют в работе специфический материал – семейные родословные (Н.Н. Рыхленко), оригинальные документы, произведения живописи, кинодокументы (Ю.С. Степанов).

5. Концепт «Семья» представляет собой «мировоззренческую универсалию», функционирующую в различных типах дискурса и в различных сферах общественного сознания. Для лингвокогнитивного и лингвокультурного анализа концепта на материале русского и французского языков была разработана этнокультурно-нейтральная, структурно-пространственная модель, являющаяся «прототипом» концепта. Модель представляет собой динамическое сочетание трех сегментов, составляющих обязательные компоненты социального феномена семья и реализующие основные функции социального института семья: родственные отношения, брачные отношения, родительские отношения.

6. На первом этапе исследования прототипическая модель концепта, наполненная лексическими единицами и устойчивыми словосочетаниями, систематизирована в три перекрещивающихся семантических поля: семантическое поле «родственные отношения» – раскрывающее содержание и определяющее виды отношений родства; семантическое поле «брачные отношения» – детерминирующее отношения супругов; «родительские отношения» – репрезентирующее отношения родителей и детей. На уровне семантического поля лексические единицы исследуются посредством компонентного анализа.

7. На втором этапе нашего исследования прототипическая модель концепта для выявления когнитивных стереотипов, свойственных национальным концептосферам структурируется в виде фрейма с терминально-слотовым устройством, который состоит из трех терминалов – «родственные отношения», «брачные отношения», «родительские отношения», подразделяющиеся на слоты. Фактическим материалом, используемым в этой части работы, являются паремии, фрагменты художественных текстов, публицистические материалы, что позволяет выявить образный компонент концепта.

Глава III СЕМАНТИКО-ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»

3.1 Семантическое поле «родственные отношения»

Приступим к рассмотрению семантического поля «родственные отношения» применительно к русскому языку. На данном этапе целесообразно изучить этимологию лексемы **род**, являющейся смыслообразующей в рамках этого поля, поскольку родственные отношения изначально складывались между представителями одного рода. О важности данного понятия для архетипа русской культуры свидетельствует его многозначность и исключительная семантическая разветвленность слов, объединенных корневой морфемой – *род*.

Согласно исследованиям лингвиста В.В. Колесова слово **род** начинает фиксироваться в древнерусских летописях на рубеже 11-12 веков и включает в себя следующие значения:

род – совокупность людей **(родичей, родственников)**, связанных кровными узами, имеющих общего предка – **родоначальника**. В устойчивых выражениях акцкнтируется генетическая связь членов рода: **Узы крови/Кровные узы** – «кровное родство», **Кровь говорит** – «проявляется чувство родства», **Кровь от крови, плоть от плоти** – «о кровном родстве, родной ребенок». Объяснение данному положению достаточно простое – именно кровь является носителем генной информации, которая закрепляет наследственные признаки. Поэтому в условиях существования языческих племен представлялось значимым сохранить свой род, обеспечить его дальнейшее процветание, выстоять среди соперников – чужих (иноземцев, тьземцев);

род – воинское единство;

род – рождение и порождение, прежде всего, потомков как продолжателей рода. Важно отметить, что род рассматривается и исчисляется в коленах-поколениях и поэтому включает в себя и людей, живущих в данный момент, и предков, и будущих потомков. Вероятно, по этой причине со временем род стал пониматься как неисчисляемое множество людей, например **Род человеческий, Род христианский**.

род – это также и **родина**, обозначающая изначально конкретное место рождения – **Родовое гнездо, Родовое поместье**. Со временем происходит расширение значения и появляется **Малая Родина** – регион, край, населенный пункт, где родился человек, противопоставляющаяся **Родине** в масштабах страны, государства, в котором многочисленные роды сливаются в единый **народ**.

Важно отметить, что **роду** присуще и сакральное значение. Это связано с существованием в языческом пантеоне славянского божества Роде, управлявшим судьбой человека – **На роду написано**.

До 14 века существовало разграничение между родом, как череды поколений от общего предка, и племенем, представлявшим сообщество людей, живущих вместе в данный период времени. Позже такое разграничение утрачивается, достаточно например, вспомнить традиционный былинный вопрос-приветствие **Ты чьего роду-племени?** Примерно в это же время, то есть с 15 века, возникает понятие **съ-родие** или **родство**. Между собой родственники различаются по степеням родства. Однако приставка –съ указывает также на то, что речь идет уже не только о кровных родственниках, но и о негенетических родичах [Колесов, 1986: 37].

В современном русском языке лексическая единица **род** сохраняет основное историческое значение: **род 1** – «Ряд поколений, происходящих от одного предка; вообще поколение» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «нисходящая линия»)). А также приобретает статус терминологической единицы в ряде научных дисциплин,

например: «Основная общественная организация в первообщинном обществе» (этнол.), «Группа, которая объединяет несколько близких видов, обладающих общими признаками» (сист.), «Категория понятий» (лог.), «Грамматическая категория» (языкозн.) и ряд других. Синонимом для данной лексемы выступает единица **племя** – «Люди, поколение людей» *высок.,* в некоторых словарях фиксируются ЛСВ «Род, семья» и «Род, порода», сопровождающиеся пометами *устар*. Данные лексические единицы входят в состав следующих устойчивый выражений: **Из рода в род** – «Из поколения в поколение»; **С роду** – «От рождения»; **Вести свой род от кого-нибудь, Быть родом** – «Происходить от»; **Это у нас в роду** – «Передается наследственно»; **Без роду, без племени** – «О человеке неизвестного происхождения»; **Ни роду, ни племени** – «О человеке, не имеющем родни».

Приступим к анализу субстантивов, обладающих общей семой «связь» и дифференциальными семантическими компонентами: **родство, родственность, родня.**

Лексическая единица **родство** обладает следующими ЛСВ:

родство 1 – «Связь между людьми, основанная на происхождении одного лица от другого (прямое родство)» («связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «нисходящая линия» + СК «прямая линия») + «человек» (СК «много»));

родство 2 – «Связь между людьми, основанная на происхождении разных лиц от общего предка» («связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «нисходящая линия» + СК «боковая линия») + «человек» (СК «много»)). Данные ЛСВ **родство** 1 и **родство** 2 актуализируются в устойчивых выражениях: **Не помнящий родства –** «О том, кто не знает или не дает сведений о своем происхождении»; **Иван, не помнящий родства** *(презр.)* **–** «О человеке, не дорожащим старыми связями, а также прошлым своего народа»*;*

родство 3 – «Отношения между родственниками вступивших в брак людей; свойство́» («связь» (СК «некровная» + СК «брак») + «человек» (СК «много»));

родство 4 – «Родня, родственники», это значение имеет пометы в разных словарях *устар* и *разг.* («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + КС «стиль» (СК «устаревшее» + СК «разговорное»));

родство 5 – «Близость по общности происхождения, по непосредственному сходству» («связь» + «общее происхождение» / «сходство»), например: **родство славянских народов**, **родство идей, родство душ**. Синонимом к данному ЛСВ выступает лексема **сродство** – «сходство по основным свойствам или по общности происхождения», например: **сродство явлений**. Данная лексическая единица имеет словарную помету *книжн*.

Лексема **родственность** – «Сходность по основным свойствам, признакам, общности происхождения» («связь» + «сходство»/«общее происхождение»), выступает синонимом для ЛСВ 1 и ЛСВ 4 лексемы **родство.** Например: *«Нас с Викычем он быстро выставил, нажимая на **родственность** – чужим людям отца с сыном не понять!» [Владимир Маканин. Андерграунд, или герой нашего времени (1996-1997) ruscorpora. ru];* и *«Он один из первых обратил внимание на **родственность** нацисткой и советской диктатур, пытавшихся установить в мире свой порядок» [Э. Розенталь. Чудаки с планеты Ко//Вестник США, 2003.06.25 ruscorpora. ru]*.

В речи фиксируется идиоматическое выражение **Родственность душ**, образованное по аналогии с устойчивым выражением **Родство душ** например: *«Она сочинила для него, для Иуды, и выдумка эта сочинилась из ее сердца, и была в этом некая **родственность душ**» [М. Давид. Стать Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля// «Октябрь», 2001. ruscorpora. ru]*.

Лексическая единица **родня** обладает следующими ЛСВ:

родня 1 – «Родственники» *собир.* («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение»), **многочисленная родня.** Например: «*Пока дружко со свашкой состязались в остроумии, **жениховой родне**, согласно уговору, поднесли три рюмки водки» [Шолохов, 1991:86];*

родня 2 – «Родственник, родственница» *разг.* («человек» (СК «один») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» + КС «стиль» (СК «разговорное»)). Например: *«Владимир Андреевич сказал жене, что по материнской линии он **родня** старинейшему, более древнему, чем Романовы, княжескому роду» [В.Гроссман. Жизнь и судьба, ч.1 (1960) ruscorpora. ru];*

родня 3 – (перен.) «О том, кто, что имеет сходство с кем-, чем-либо в каком-либо отношении» («человек» (СК «один») + «сходство» + «человек»/«вещь»), **Родня по душе, Родня по судьбе**. Это значение реализуется в устойчивом словосочетании, имеющем помету *простореч*. **Далеко не родня –** «О ком, чем-либо, совершенно не похожем». То есть данная лексема является синонимом для ЛСВ 3, ЛСВ 4 единицы **родство**.

Перейдем к другим лексемам поля, номинирующим лиц, состоящих в родственных отношениях: **родственник (родственница), родные**, **близкие, домашние, домочадцы.** Исследуем первую из них – **родственник (родственница)**. Лексическое значение данного слова определяется словарной дефиницией как «Человек, находящийся в родстве с кем-нибудь» («человек» (СК «один») + «связь» (СК «кровная» + «общее происхождение»)/(СК «некровная»)), например: *«Однажды к полковнику Тихомирову нагрянул дальний **родственник**» [С. Довлатов. Наши. (1983) ruscorpora. ru]*. Родственники подразделяются на **близких** и **дальних**. К близким родственникам относят непосредственных членов семьи, а также родственников до четвертой степени родства включительно. В этом случае нам достаточно легко определить степень родства: племянник, троюродный брат, тетя и т.д., что обуславливает достаточно редкое употребление в речи

словосочетания **близкий родственник,** которое заменяется соответствующим термином родства. Для номинации дальних родственников, либо родственников, породнившихся посредством брака, употребляются словосочетания, носящие уточняющий характер: **родственник по мужу, родственник по отцу, родственник по линии матери.**

Лексическая единица **родственник** входит в состав фразеологизма **Бедный родственник –** «Родственник, которому покровительствуют, помогают из милости». Настоящее устойчивое словосочетание может быть употреблено и в переносном смысле относительно любого человека, которому оказывают поддержку, например: *«Грузин вел себя как **бедный родственник**, попавший в дом богача: расточал комплименты и шаркал ножкой» [В. Бранец. Генштаб без тайн. Книга 1 (1999) ruscorpora. ru]*.

Синонимом к данной лексической единице выступает лексема **родич** – «член рода; родственник» *книж. устар*. («человек» (СК «один») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» + ПС «негативная оценка» + КС «стиль» (СК «книжное» + СК «устаревшее»)), например: *«Ты ведь не сказал своему другу Соколову, в чем подозреваете его **родича** Мадьярова Каримов?» [В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 (1960) ruscorpora. ru]*. В современном русском языке данная лексическая единица в некоторых контекстах приобретает пренебрежительную коннотацию: *«Тогда на семейном совете с участием дяди, тети и остальных **родичей** было решено, что парень пойдет на журфак МГУ» [М. Торогова. Камера на одного// «Парадокс», 2004 ruscorpora. ru]*.

Следующая рассматриваемая лексическая единица поля «родственные отношения» в русском языке – **родные** (мн. ч.) – этимологически связана с предыдущей лексемой и имеет ту же денотативную отнесенность, что и **родственник.** Согласно лексикографическим данным лексема **родные** имеет следующие ЛСВ:

родные 1 – «Люди, состоящие в прямом, кровном родстве» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «прямая линия»)), например: «*Мои родители и бабушка с большим умилением мне это много раз пересказывали. Не могу сказать, что мои* ***родные*** *глубоко религиозные люди, но верующие – да» [Крестьянка, октябрь, 2005:14]*. В данном контексте в числе родных перечисляются мать, отец, бабушка говорящего, которые являются прямыми, кровными родственниками;

родные 2 – «Люди, состоящие вообще в родстве» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная» + СК «некровная»)).

Лексическая единица **близкие** (мн.ч.) имеет следующие ЛСВ:

близкие 1 – «О родстве: кровно связанные, непосредственные» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» + ПС «положительная оценка»), например: «*Только в одном случае он может проявить жестокость: если надо защитить* ***близких»*** *[Крестьянка, апрель, 2005:10]*. В этом контексте под **близкими** людьми понимаются жена и ребенок. Все они являются прямыми родственниками. Следует подчеркнуть достаточно выраженную экспрессивность и позитивную окраску рассматриваемой лексической единицы. **Близкие** представляют собой непосредственную ценность для индивида, которую следует оберегать, защищать. Они также рассматриваются как источник возможной моральной поддержки и эмоций высокого порядка – любви, нежности, дружбы.

Также данная лексема имеет значение **близкие** 2 – «Связанные тесным личным общением, дружбой, любовью» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «некровная») + «чувство» (СК «положительное»)).

Благодаря идентичности первых ЛСВ лексемы **близкие** и **родные** являются синонимами в случае, когда они употребляются самостоятельно, независимо друг от друга. Например: «***Родные*** *и друзья советовали Николаю*

отказаться от наследства. Но Николай ...не хотел слушать об отказе» [Толстой Т1-2,1984:512]; «*Сидевшие за столом* ***близкие*** *невесты встали, очищая место» [Шолохов, 1991:86]*. Иными словами, мы могли бы взаимозаменить слова **родные** и **близкие** без ущерба для передаваемого смысла. Однако при использовании лексических единиц в составе устойчивого выражения **родные и близкие** возникает противопоставление: «*К сожалению или к счастью ... «семейная лодка» все же разбилась и о быт, и о разницу в интересах и воспитании, о которой ей твердили с самого начала* ***родные и близкие»*** *[Крестьянка, декабрь, 2005:17]*. В приведенном словосочетании слово **родные** противопоставляется слову **близкие**, актуализируя оппозицию родства по крови и родства по духу.

Наряду с этим в русском языке и культуре существует еще одна концептуально значимая лексема – **домашние** (мн.ч.). При ее рассмотрении представляется важным раскрыть семантическое влияние на ее смысл понятия **дом**, являющегося корневой морфемой. Лексема **дом** имеет основное значение «Строение, жилое здание», однако культурно маркированным является ее второе значение «Жилье; семья, люди, живущие вместе, их хозяйство». Интересно отметить, что и слово **семья** изначально включало в себя сам человеческий коллектив (группа родственников, слуги, челядь) и жилище, где он жил, а также имущество, ему принадлежавшее [Колесов, 1986:39]. Тождественность и равнозначность слов **семья** и **дом** можно обнаружить в следующих пословицах: ***Дом дому*** *не указывает,* ***дом*** *дело найдет, в* ***дому*** *разлад – и делу не рад*, а также в выражении **Дружить домами**. В данных примерах слово **дом** достаточно легко заменить словом **семья** без изменения их смысла.

Так же доказательством развиваемой мысли могут послужить примеры следующих выражений: **Быть как дома; В гостях хорошо, а дома лучше**. Наречие **дома** означает «у себя, среди своих, абсолютно свободно». То есть в контексте упомянутых выражений «*быть дома*» не означает физическое

присутствие в здании, где ты проживаешь. Такое выражение может интерпретироваться как «находиться в семье, среди людей, воспринимающих тебя как своего, родного и близкого». По мнению В.В. Колесова, неопределенная точность данного наречия свидетельствует о «нерасторжимой цельности человеческого коллектива и его хозяйства» [Колесов, 1986:196].

Таким образом, **дом** в русском лингвистическом этнокультурном пространстве символизирует нечто общее, постоянное, созданное для своих. Это родной кров, включающий в себя хозяйство, бытовую деятельность, и человеческий микросоциум, центром которого является семья, а окружают этот центр люди, принимающие какое-либо участие в ее существовании.

Данное концептуальное содержание непосредственно проецируется на понятие **домашние**. Словарная статья раскрывает следующее значение этого слова – «Члены семьи» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная» + СК «некровная») + ПС «совместное проживание» + ПС «совместное хозяйство»): «*В столовой … ожидали выхода князя* ***домашние*** *и официанты, стоявшие за каждым стулом…*» *[Толстой Т1-2, 1984:123]*; «*Это был прекрасный период моей жизни – период абсолютного умиротворения, но моя душа уже рвалась из этого сладкого плена, и, слава Богу, что мои* ***домашние*** *поняли, что мне надо что-то делать» [Крестьянка, декабрь, 2004:15].*

Существующий синоним данной лексеме – **домочадцы –** означает:

домочадцы 1 – «Люди, живущие в чьей-нибудь семье на правах ее членов» *устар*. («человек» (СК «много») + «связь» (СК «некровная») + «совместное проживание» + ПС «стиль» (СК «устаревшее»));

домочадцы 2 – «Люди, вообще живущие с кем-нибудь, члены семьи» *разг*. («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная» + «общее происхождение»)/ (СК «некровная») + «совместное проживание»).

Например: «*Свекровь, оказавшаяся у больничной постели первой из всех* ***домочадцев****, сдерживалась довольно долго» [Крестьянка, июль, 2005:174]*.

Однако выявленный в ходе работы фактический материал обнаруживает ряд контекстов, в которых слово **домашние** выступает синонимом к ЛСВ 1 лексемы **домочадцы**. Подтверждением этому служит следующий пример: *«…он пришел к обеду и, не успев с глазу на глаз переговорить с женой, сел за длинный стол в двадцать приборов, за который собрались все* ***домашние****. За столом были мать, жившая при ней старушка Белова, жена, трое детей, гувернантка, Соня, Денисов, Наташа, ее трое детей, их гувернантка и старичок Михаил Иваныч, архитектор князя, живший в Лысых Горах на покое» [Толстой Т1-2, 1984:522]*. В данном случае в группу **домашних** включены домашние воспитатели, друг дома, компаньонка, наемный работник. То есть люди, воспринимаемые как члены семьи, деятельность, которых направлена на поддержание существования семьи, либо в их обязанности входит выполнение каких-либо семейно значимых функций (например: учителя и гувернеры осуществляют функцию воспитания и образования). При этом выявляется эмоциональный диссонанс в процессе идентифицирования **домочадцев** и непосредственных членов семьи. Так, первые испытывают, как правило, позитивные чувства – привязанность, благодарность по отношению к семье, в которой они живут; определяют себя как часть семьи, например: «*– Я, двенадцать лет живу в этом доме и могу сказать перед богом, Николай, – продолжал Карл Иваныч, поднимая глаза и табакерку к потолку, –* ***что я их любил и занимался ими больше, чем ежели бы это были мои собственные дети****. Ты помнишь Николай, когда у Володеньки была горячка, помнишь, как я девять ночей, не смыкая глаз, сидел у его постели» [Толстой, 1982:32]*; *«Да, Петр Александрыч, - сказал он сквозь слезы…* ***я так привык к детям, что совсем не знаю, что делать без них****. Лучше я буду без жалования вам служить – прибавил он…» [Толстой, 1982:32]*. В данных примерах домашний

воспитатель говорит о своей любви к господским детям, демонстрируя горячую привязанность к ним, возможно бóльшую, чем к родным детям. То есть он воспринимает семью, по отношению к которой он выступает в роли наемного работника, как свою, и угроза его увольнения понимается им как личная трагедия, опасность потерять близких ему людей.

В свою очередь, члены семьи, принимая формально и эмоционально домашних как родных или равных себе, в некоторых случаях готовы дистанцировать себя от не прямых членов семьи, например: «*Карл Иваныч был смешной старик, ДЯДЬКА, которого я любил от души, но* ***ставил все-таки ниже себя*** *в моем детском понимании общественного положения» [Толстой, 1982:13].*

Приведенные литературные фрагменты хронологически относятся к описанию семейного уклада в девятнадцатом веке. Собранный современный фактический материал не обнаруживает примеров употребления лексемы **домашние** в значении «не члены семьи». Таким образом, в языке на современном этапе произошла его нейтрализация, в связи с устареванием и исчезновением традиции проживания в семье посторонних людей на правах ее членов. Однако, возможна ситуация «возрождения» этого ЛСВ у слова **домашние,** в связи с социальными изменениями, происходящими в настоящий момент, когда семьи прибегают к услугам гувернанток и нянь для воспитания детей.

Рассмотрим адъективные единицы исследуемого поля: **родственный, родной, близкий.**

Прилагательному **родственный** присущи такие ЛСВ как:

родственный 1 – (только в полн. форме) «Относящийся к родственникам, к родству» («имеющий связь» (СК «кровная» + «общее происхождение»)/(СК «некровная») + «человек» (СК «один/много»)), например *«В качестве четвероюродного племянника покойного откупщика*

*он тоже получил пригласительное письмо на **родственный** съезд» [Тургенев И.С. Чертопханов и Недоплюскин (1849) ruscorpora.ru]*;

родственный 2 **–** «Основанный на отношениях родства» («имеющий связь» (СК «кровная» + «общее происхождение»)/(СК «некровная»)), **Родственные связи;**

родственный 3 **–** «Свойственный родственникам, вызванный родством (О чувствах, отношениях)» («свойственный» + «человек» (СК «один/много») + «связь» (СК «кровная» + «общее происхождение»)/(СК «некровная»)), например: «*Чужая она мне, – думает он про дочь. – и я ей чужой. **Родственные** чувства испытывает, поскольку нужны деньги…» [Шолохов, 1991:362]*. Настоящий ЛСВ имеет свое расширение: **родственный** 4 – «Выражающий, содержащий ласку, внимание к родственникам» («выражающий» + «чувство/отношение» (СК «положительное») + «человек» (СК «один/много») + «общее происхождение»); и производное значение: **родственный** 5 – «Такой, как у родственников, душевный, заключающий в себе близость и интимность» («характерный» + «чувство/отношение» (СК «положительное») + «человек» (СК «один/много») + «общее происхождение»), **Быть (с кем-либо) на родственной ноге** – «Общаться с кем-либо как с родственником»;

родственный 6 – «Склонный поддерживать близкие отношения с родственниками; внимательный к родственникам» («имеющий свойство» + «отношение» + «человек» (СК «один/много») + «общее происхождение» + ПС «оценка» (СК «положительная»));

родственный 7 – «Близкий по общности, содержанию, каким-либо признакам» («имеющий свойство» + «сходство»), например: «*В доме Павловых жила бедная родственница Евгения Танненберг. Каролина целыми днями беседовала с ней об искусстве и была счастлива, обретя, как ей показалось **родственную душу» [Космополитен, сентябрь, 2002:264]*. В данном случае выделенное словосочетание представляет собой

фразеологизм, означающий «лицо, имеющее сходный внутренний духовный мир»;

родственный 8 – «Происходящий у родственников, находящийся у них» («совершающийся» + «место» + «человек» (СК «один/много») + «общее происхождение»), например *«Потом у них был **родственный** обед, за которым Фебуфис убедился, что отец его жены не даст дочери ничего, а что все прочие родственники совсем даже и не намерены почитать его за замечательного человека» [Н.С. Лесков. Чертовы куклы (1890) ruscorpora.ru]*.

Адъектив **родной** обнаруживает следующую семантическую структуру:

родной 1 – «Находящийся в родстве первой степени по прямой линии» («имеющий связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «прямая линия») + «человек» (СК «один/много»)), например: *«Ирина не понимала, как можно быть равнодушной к своей крови, к **родной** дочери, тем боле она такая красивая и качественная» [В. Токарева. Своя правда// «Новый мир», №9, 2002, ruscorpora.ru]*. В русском языке существует несколько синонимов к данному ЛСВ: **родимый** *нар.-поэт*.– «Свой, родной», **родный** *обл*. – «То же, что родной»;

родной 2 – «Находящийся в степени родства» («имеющий связь» (СК «кровная» + СК «некровная») + «человек» (СК «один/много»)), например: «*С ним придется искать компромисс. Потому что его нельзя передвинуть, как шкаф, как это было с твоим предыдущим, **родным**, ни кому не нужным мужем, который всю жизнь пролежал на диване» [Крестьянка, октябрь, 2005:17];*

родной 3 – «Близкий, родственный по духу, привычкам, убеждениям и т.п.» («имеющий сходство» + «дух» / «убеждения»). Настоящее значение является производным, оно также реализуется в устойчивых словосочетаниях **Родной по духу, Родной по душе**;

родной 4 – «Близкий по рождению, связанный с местом рождения» («относящийся» + «место» + «сходство» + «происхождение»), например: «*Недавно я была в Ленинграде и поразилась контрасту с Москвой: мой* ***родной город*** *стоит как после наводнения – мрачный, сырой, серый» [Крестьянка, апрель, 2005:76];*

родной 5 – «Ласковое обращение к кому-либо» («отношение» + «человек» (СК «один») + «чувство» (СК «положительное») + ПС «стиль» (СК «разговорное»)). Синонимами к данному ЛСВ являются лексические единицы **родненький** *простор*., **родный** *обл*., **родимый** *нар-поэт., разг*., относящиеся к различным стилям и жанрам языка.

Прилагательное **близкий** в рамках анализируемого поля имеет следующие ЛСВ:

близкий 1 **–** «О родстве: кровно связанный» («имеющий связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «прямая линия») + «человек» (СК «один/много»));

близкий 2 **–** «Связанный тесным личным общением, дружбой, любовью» («имеющий связь» (СК «некровная») + «чувство» (СК «положительное») + «человек» (СК «один/много»)), это значение раскрывается в таких фраземах, как: **Близкая душа –** «О том, кто связан с кем-либо дружбой, симпатией»; и **Быть (находиться) в близких отношениях с кем-либо** – «Состоять в любовной связи»;

К конституентам рассматриваемого семантического поля относятся следующие глагольные единицы: **роднить, родниться**.

роднить 1 (несов.) – «Сближать, делать сходным, подобным» («действие» + «сходство»), например: *«Она должна была не отделять его от мира, как любят делать многие женщины, а* ***роднить*** *его» [Н.С. Лесков. Чертовы куклы (1890) ruscorpora.ru];*

роднить 2 (сов. породнить) – «Создавать между кем-нибудь отношения родства» («действие» + «начало» + «связь» (СК «некровное» + СК «брак») + «человек» (СК «один/много»));

роднить 3 (сов. сроднить) – «Делать близким, устанавливать с кем-либо близкие отношения» («действие» + «начало» + «отношение/сходство»), например: *«Она долго усиливалась **сродниться** с ним свою душу, уверить себя, что с ним ей ничего не нужно…» [Н.А. Добролюбов. Луч света в темном царстве (1860) ruscorpora.ru]*.

Лексическая единица **родниться** обладает следующими ЛСВ:

родниться 1 (несов.) – «Сближаться, приобретать или устанавливать сходство, подобие» («действие» (СК «конверсивное») + «сходство»);

родниться 2 (сов. породниться) – «Вступать в отношения родства» («действие» (СК «конверсивное») + «начало» + «связь» (СК «некровная» + СК «брак»)), например: *«- Да, - отвечал я, - им нужно взять богатую невесту и **породниться** с большими домами» [Н.С. Лесков. Детские годы (1874) ruscorpora.ru]*.

В рамках изучаемого поля представляется возможным рассмотреть семантические характеристики терминогруппировки имен родства. Исследователи выделяют следующие специфические особенности русских терминов родства, среди которых:

– существование специальных лексических единиц для обозначения далеких степеней родства (**троюродный** брат, **внучатый** племянник, **прабабушка**);

– разделение отношения непрямого свойства в зависимости от пола лица соотнесения (**свекр/тесть, зять/невестка**);

– строгое разграничение лиц мужского и женского пола;

– наличие большого количества дублетов синонимов, имеющих различное происхождение (**батя, папа, тятя, отец, родитель, батюшка**) [Юдина Н.В. 2002, Мейланова У.А. 1962, Моисеев А.И. 1963 и др.]. Также к

культурно маркированным характеристикам данного объединения лексики можно отнести употребление в русской речи имен родства по отношению к незнакомым людям в качестве обращений: «*Старуха помолчала, как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед: – Пройдите,* ***батюшка»*** *[Достоевский, 1983:9]*.

Перейдем к изучению семантического поля «родственные отношения» применительно к французскому языку. Ядром поля является лексема **parenté**. Этимологически данная лексическая единица восходит к слову *parentatus* XI века, производному от *parens, parentis* – «Père ou mère», не являвшимся нормативной единицей, и обладавшим значением «Famille, lien du sang» [Baumgartner, Ménard 1996: 566]. Согласно современным лексикографическим данным лексема **parenté** обладает несколькими ЛСВ, в каждом из которых представляется возможным выделить дополнительные, дифференциальные семы:

parenté 1 **–** «Lien unissant des personnes qui descendent les unes des autres» («связь» (СК «кровная») + «человек» (СК «много») + «общее происхождение» (СК «нисходящая линия»)). Синонимами к данному ЛСВ выступают лексические единицы **filiation –** «Ligne de parenté qui unit en ligne directe des générations entre elles, descendance» («связь» (СК «кровная») + «человек» (СК «много») + «общее происхождение» (СК «нисходящая линия»)), **ascendance** – «Ligne généalogique par laquelle on remonte du fils au père, du père à l'aïeul» («связь» (СК «кровная») + «человек» (СК «много») + «общее происхождение» (СК «восходящая линия»));

parenté 2 – «Lien unissant des personnes qui descendent d'un ancêtre commun» («связь» (СК «кровная») + «человек» (СК «много») + «общее происхождение» (СК «нисходящая линия» + СК «боковая линия»)). По степени удаленности одного родственного лица от другого выделяют **parenté proche** – близкое родство; **parenté éloignée** – дальнее родство и **parenté**

collatérale – родство по боковой линии. Синонимичны этому ЛСВ единицы **lignage –** «Ensemble de personnes issues d'un ancêtre commun» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение»), **descendance** – «Fait de tirer son origine familiale de qn, ensemble de ceux qui sont issus de qn» («связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «восходящая линия»)), **cousinage** – «Parenté entre cousins, liens créés par cette parenté» («связь» (СК «кровная») + «человек» (СК «много») + «общее происхождение» (СК «боковая линия»)), **consanguinité** – «Parenté sanguine des personnes ayant un ancêtre immédiat commun» («связь» (СК «кровная») + «человек» (СК «много») + «общее происхождение»), **cognation** – «Lien de parenté entre tous les descendants d'une même souche, consanguinité» («связь» (СК «кровная») + «человек» (СК «много») + «общее происхождение» (СК «нисходящая» + СК «боковая линия») + ПС «стиль» (СК «специальное»)). Последняя лексическая единица имеет словарную помету *antrop*., лимитирующую сферу ее употребления;

parenté 3 – Лексема **parenté** формирует новый ЛСВ при расширении своего значения: **parenté adoptive –** «Parenté légale établie par l'adoption» («связь» (СК «некровная») + «усыновление» + «человек» (СК «много»)). При этом указывается, что родственниками в таком случае, считаются только усыновитель и лицо, им усыновляемое;

parenté 4 – «Rapport entre individus établi par un lien d'alliance» («связь» (СК «брак») + «человек» (СК «много»)), **Parenté artificielle, par alliance**;

parenté 5 – «Ensemble des parents d'une méme personne» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная» + «общее происхождение»)/(СК «некровная») + КС «стиль» (СК «разговорное»)). В словарной статье имеется ряд лимитирующих сем (терм. О.А. Михайлова) – *méton., région*. и *pop*., что указывает на то, что данный ЛСВ образуется в результате метонимического переноса, является разговорным и региональным. Синонимом к данному ЛСВ выступает лексическая единица **famille** в значении – «Groupe constitué

par des familles (branches) et des individus apparentés par des alliances, le sang, descendants d' ancêtres communs», **parents**.

Исследуемая лексическая единица обладает двумя переносными значениями. Первое из них определяется следующим образом **parenté** 6: «Caractères communs à des êtres vivants appartenant à la même espèce» («свойство» + «сходство» + «животное» (СК «много») + «общее происхождение»).

Второе переносное значение **parenté 7** – «Similitude de conception, de comportement, entre personnes, traits communs entre deux choses que l'on compare» («сходство» + «идея/поведение» + «человек» (СК «много»)/«вещи»), **Parenté spirituelle, intellectuelle; parenté d'idées.** Например: «*La mer se traverse aujourd' hui plus aisément que le moindre Sahara, et c' est grâce à elle, comme l' a fort justement dit un savant américain, qu'* ***une parenté universelle*** *s' est établie entre toutes les parties du monde» [Verne , эл.рес.]*.

Приступим к изучению других лексем, принадлежащих полю «родственные отношения» во французском языке: **parent, proche**. Данные слова являются формами субстантивной номинации лиц, находящихся друг с другом в родственных отношениях.

Лексема **parent** имеет следующие ЛСВ:

1) parent 1 – «Celui, celle qui appartient à la même famille qu'une autre personne; l'ensemble des membres de la famille» («человек» + «связь» (СК «кровная» + «общее происхождение»/ СК «некровная») + «человек» (СК «много»)). Например: «*Elle a appris qu'ils sont orphélins depuis l'âge de quatorze ans, qu'****une parente*** *les a pris en charge jusqu'à leur majorité» [Arriba, 1989:23]*. Во французском языке существуют следующие однокоренные синонимы для данного значения: **parenté** (разговорная и региональная единица), **parentèle** (литературная единица). И другие синонимичные единицы: **cognat –** «Personne liée à une autre par un lien de parenté naturelle sans

distinction de lignes» («человек» + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» + «человек»), **consanguin** – «Relatif à l'origine commune, quant au père ou à un autre proche ascendant» («человек» + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «восходящая линия» + СК «мужская линия») + «человек»), **agnat** – «Personne appartenant à une famille au titre de descendant par les mâles d' un même paterfamilias ou au titre d'enfant adopté de celui-ci» («человек» + «связь» (СК «кровная» + «общее происхождение» (СК «восходящая линия» + СК «мужская линия»))/ (СК «усыновление») + «человек» (СК «много»)), **affin** (в осн. во мн.ч.) – «Proche, parent, allié» («человек» (СК «много/один») + «связь» (СК «кровная» + «общее происхождение»/ СК «некровная»)), **descendant** – «Personne considérée par rapport à la personne ou au groupe des personnes dont elle est issue» («человек» + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «восходящая линия») + «человек» (СК «один/много»)), **collatéral** (в юридическом дискурсе) – «Parent en dehors de la descendance directe» («человек» + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «нисходящая линия» + СК «непрямая линия») + КС «стиль» (СК «специальное»)).

2) Также данный ЛСВ имеет свое расширение и может обозначать **parent** 2 – «Personne qui, par suite d'un mariage, le sien ou celui d'un proche parent consanguin, est entré dans une famille différente de sa famille par le sang» («человек» + «связь» (СК «брак»/СК «кровная») + «человек» (СК «много»)). В данном случае единицами синонимического ряда будут лексемы: **allié** – «Parent par alliance» («человек» + «связь» (СК «брак»)), **parent du côté de la mère, du père**. Например: «*Mon frère, si je t'écrivais avec mon sang et mes larmes, il n'y aurait pas autant de douleurs que j'en mets dans cette lettre; car je pleurerais, je saignerais, je serais mort, je ne souffrirais plus; mais je souffre et vois la mort d'un œil sec. Te voilà donc le père de Charles! il n'a point de* ***parents du côté maternel****, tu sais pourquoi» [Balzac[1], эл.рес.]*.

К фразеологическим словосочетаниям, реализующим этот ЛСВ, относятся выражения:

Petit parent, например: «*Par le hasard d'une alliance, le vicomte s'était trouvé **petit parent** de cette famille (...) et c'était ainsi, à titre complaisant d'oncle, qu'il avait séjourné plusieurs fois au palais» [Zola², эл.рес.]*.

Parent pauvre – «Parent qui n'est pas fortuné et dont on ne fait pas beaucoup de cas». **Traiter qqn en parent pauvre**; **considérer qqn/qqc. comme un parent pauvre –** «Ne pas lui laisser la place qui devrait lui revenir; ne pas faire grand cas de quelqu'un, de quelque chose». Данному фразеологизму присуща отрицательная коннотация, которая актуализирует сдержанную негативную оценку: «*On se racontait qu'on avait «vertueusement» employé son dimanche à aller voir le «cousin Charles» que, le croyant un peu envieux et **parent pauvre**, on appelait spirituellement, en jouant sur le titre du roman de Balzac: «Le cousin bête» [Proust, эл.рес.]*.

Родственники подразделяются на **parent éloigné** – «Parent dont on est séparé par beaucoup de degrés» и **proche parent** – «Parent dont on n'est séparé que par très peu de degrés», например: *«A ces mots, la jeune fille releva la tête, interrogea sa mère par un regard, en scruta les secrètes pensées, et lui dit: "Pourquoi l'envoyer aux Indes? S'il est malheureux, ne doit-il pas rester ici, n'est-il pas notre plus **proche parent**?" » [Balzac¹ , эл.рес.]*.

3) parent 3 (для м.р., мн. ч.) – «Ceux dont on descend en ligne directe» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «восходящая линия» + СК «прямая линия»)). Актуализацию настоящего ЛСВ можно проследить в устойчивом словосочетании: **Nos premiers parents –** «прародители». В данном выражении речь идет об Адаме и Еве, как о первых людях, породивших все человечество. Синонимами к данному ЛСВ выступают следующие единицы:

ancêtre – «Aïeul, celui de qui on descend par le sang et qui est plus éloigné que le grand-père» («человек» + «связь» (СК «кровная») + «общее

происхождение» (СК «восходящая линия») + «человек» + ПС «положительная»), в словарной статье указаны коннотации «уважительно и почтительно», например: «*Par la branche matérnelle les Marrions comptaient* ***un ancêtre*** *expéditeur de fruits, à l'époque héroïque où ces commerçants faisaient figure de risque-tout» [Arriba, 1989:108];*

ascendants (чаще во мн.ч.) **–** «Générations dont on est issu en ligne directe» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «прямая линия» + СК «восходящая линия»)). Использование данной лексемы в единственном числе выражает обобщающий смысл;

aïeul – «Ascendant direct d'une même lignée», («человек» + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «восходящая линия» + СК «прямая линия»)), например: «*Les récits de Toni emplissaient son imagination et la décuplaient. Un cousin de leur* ***aïeul*** *Marrion dirigeait l'embarquation de tête d'un convoi de batellerie» [Arriba, 1989:139]*. В узком смысле под этим словом понимаются бабушка и дедушка – **aïeul paternel, aïeul maternel,** либо самый старший член семьи **– aïeul de la famille.** В широком смысле – любой предок, начиная с четвертой степени родтсва: **quatriume aïeul.**

4) parent 4 (для м.р., мн. ч.) – «Ceux qui ont donné la vie» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «прямая линия» + СК «восходящая линия»)). Например: «*A force de s'appliquer, il se maintint toujours vers le milieu de la classe; une fois même, il gagna un premier accessit d'histoire naturelle. Mais à la fin de sa troisième, ses* ***parents*** *le retirèrent du collège pour lui faire étudier la médecine, persuadés qu'il pourrait se pousser seul jusqu'au baccalauréat» [Balzac[1], эл.рес.]; «Ensuite, Alain m'a dit que* ***ses parents*** *passaient me prendre pour m'emmener dans le Midi en voiture» [Paris Match, 2002:52]*. Синонимы: **père** et **mère, géniteur (génitrice) –** «Celui, celle qui a engendré, père ou mère».

5) parent 5 – переносное значение: «Ce qui, sans découler d'une origine commune, présente des traits communs; ce qui a subi des influences communes» («человек» + «связь» (СК «некровная») + «сходство»).

Перейдем к рассмотрению следующей лексемы поля – **proche**. Данная лексема представляет собой адъективное существительное и обладает следующими ЛСВ:

proche 1 – «Le proche parent (de quelqu'un)» («человек» + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение»). Например: «*Ce temps, Indiana, fut le moins sombre que j'aie parcouru. Je fis de vous ma soeur, ma fille, ma compagne, mon élève, ma société. Le besoin que vous aviez de moi fit de ma vie quelque chose de plus que celle d'un animal sauvage; je sortis pour vous de l'abattement où le mépris de* ***mes proches*** *m'avait jeté» [Sand, эл.рес.]; «Quelqu'un a-t-il entendu* ***les proches*** *de la jeune femme ? Ne serait-ce que ses parents» ? [Paris Match, 2002:52]* .

Данный ЛСВ имеет свое расширение: **proches** (мн. ч.) – «Ceux qui vivent sous le même toit» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная/некровная») + «совместное проживание»). «*Les maisons des malades devaient être fermées et désinfectées,* ***les proches*** *soumis à une quarantaine de sécurité» [Camu, эл.рес.]*.

proche 2 – «Avec qui ou avec quoi on a des affinités intellectuelles ou sentimentales, on communique facilement» («отношение» + «сходство» (СК «интеллект/эмоции») + «человек»/«вещь»), **Se sentir proche de qqn**, **amis (très) proches.**

Также к конституентам семантического поля относится прилагательное **parent,** обладающее значениями:

parent 1 **–** «Qui appartient à la même famille, au même genre, à la même espèce» («имеющий связь» (СК «кровная») + «общее происхождение»). Синонимами к данному ЛСВ выступают следующие единицы: **consanguin** (о людях) – «Né du même père (et en général d'une mère differante)» и в

обобщающем смысле – «Né du même ancêtre mâle» («имеющий связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «мужская линия»)); **germain –** прилагательное используется для передачи дальней степени родства и употребляется в составе устойчивых выражений **Cousin (cousine) issu de germains, Cousin (cousine) remué de germains, Cousin (cousine) germain** в значении «Dont l'un des parents est cousin germain (de l'un des parents de l'autre personne)»;

parent 2 (de) **–** «Qui est proche de, semblable à, analogue à» («имеющий сходство»). Синонимом к этому ЛСВ выступает адъектив **congénère –** «Qui est de même nature, de même origine» («имеющий сходство» + «общее происхождение»).

Выявлены также прилагательные, обладающие значениями идентичными для всех ЛСВ единицы **parent**: **apparenté, proche.**

apparenté 1 – «Uni par des lien de parenté à une personne, une famille, une classe sociale, une race» («имеющий связь» + «общее происхождение» + «человек» (СК «один/много»));

apparenté 2 (перен.) – «Proche de qui a des traits communs avec qn ou qch» («имеющий сходство»);

proche 1 (de) **– «**Peu différent (de); qui, par certains aspects ou par l'ensemble des caractères, semble se confondre (avec quelque chose)» («имеющий сходство»).

proche 2 – «Qui est près par la race, les liens du sang, la parenté» («имеющий связь» + «общее происхождение»), **Un cousin proche**. Стоит заметить, что адъектив **proche** выступает синонимом к лексеме **parent** только в своих производно-номинативных значениях.

Что касается терминов родства во французском языке, то представляется возможным выделить следующие специфические особенности данной лексической группы:

– существование «набора» основных терминов (**père/mère, fils/fille, oncle/tante, cousin/cousine, frère/soeur, neveu/nièce, femme/mari**), к которым добавляются описательные элементы, не являющиеся новыми компонентами (**grand(e)/petit(e), beau/belle, arière**) [Голованинская 1997:157];

– использование описательных средств для обозначения далеких степеней родства (**cousin issu de germains –** троюродный, четвероюродный брат);

– использование описательных средств для терминов свойства, то есть употребление прилагательного beau (belle) в качестве классификатора при номинации родственников по браку (**belle-famille (de mari/ de femme –** семья родственников со стороны мужа/жены, **belle-mère** – мать жены, мужа). Подобному обозначению имеется свое историческое обоснование. Э. Бенвенист указывает, что в старофранцузском языке адъектив beau часто употреблялся в речи в качестве эквивалента gentil (милый, любезный), таким образом **belle-mère** – есть ничто иное как вежливая форма обращения, получившая впоследствии свое семантическое расширение [Бенвенист, 1995:168].

Таким образом, лингвокогнитивный анализ семантического поля «родственные отношения» в русском и французском языках позволяет сделать вывод о наличии общих и релевантных характеристиках данных лексических объединений. К универсальным характеристикам можно отнести: сходный состав ядра поля, наличие эквивалентов в обоих языках для всех частей речи.

Специфическими признакам являются:

1. Дробность приядерной и периферийной зон во французском языке за счет большего количества синонимов, номинирующих родственную связь (**le lignage, la filiation, la cognation, la consanguinité, le cousinage, la descendance, l'ascendance**) и лиц состоящих в этих отношениях (**l'allié(e), l'ancêtre, les ancendants, l'aïeul, le géniteur, le descendant, l'affin, l'agnat, le**

cognat, le consanguin), а также их признаковые характеристики. Данные лексические единицы позволяют более точно определить тип родства и положение отдельного родственника в «системе координат» родственных отношений. Напротив, в русском языке наблюдается бóльшая цельность данного участка (**родство, родственность, родня, сродство**)/ (**родственник, родственница, родственники, родные, близкие, родич**). Количественный состав этих экспонентов формируется, в основном, за счет семантического развития основного понятия «род», которое присутствует в качестве корневой морфемы в 19 единицах поля из 24.

2. Периферийная зона во французском языке расширяется за счет разговорных синонимов и лексем специального значения, тогда как в русском языке вместе с разговорными синонимами встречаются устаревшие, просторечные и поэтические лексические единицы.

3. На уровне отдельных конституентов поля, ядерные лексемы поля, в целом, обнаруживают идентичность ЛСВ. Обращает на себя внимание наличие семы «усыновление» в составе ядерной лексемы **parenté** во французском языке, лакунарной для русскоязычного эквивалента **родство.** Также специфичным для русского языка является существование таких субстантивов, как **родные**, **близкие**, **домочадцы**, **домашние,** употребляемые всегда во множественном числе (для сравнения во французском языке только одно существительное **les proches**).

3.2 Семантическое поле «брачные отношения»

Приступим к рассмотрению семантического поля «брачные отношения» применительно к русскому языку. В рамках данного объединения лексических единиц будут исследоваться лексемы, означающие виды брачных отношений, и характеризующие взаимоотношения между сторонами, заключающими брак (жених – невеста, муж – жена).

Ядром поля выступают лексема **брак**. Существует несколько точек зрения на происхождение слова **брак**. Согласно А.И. Соболевскому данная лексическая единица образована от исходной формы глагола языков восточнославянской группы *«borkъ» – «беру»*. Это мнение поддерживает немецкий исследователь Э. Беркнер, понимающий глагол *браться* как *«вступать в брак»*. О. Гуйер полагает, что данная лексема происходит от греческого и латинского языков и обладает значением *«умыкание»* [цит. по Фасмеру 1987:206].

В современных лексикографических источниках фиксируются следующие ЛСВ лексемы **брак:**

брак 1 – «Семейный союз, сожительство мужчины и женщины по взаимному согласию, супружество» («союз» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «человек» + «пол» (СК «женский») + «совместное проживание» + «взаимное согласие»). Например: *«Существует в мире несколько мест, где сочетаться **браком** – все равно, что заказать гамбургер в МакДональдс» [Космополитен, сентябрь, 2002:72]*. Синонимами для ЛСВ **брак** 1 в русском языке выступают лексемы **женитьба**, **замужество**. Данные лексические единицы содержат в своей структуре денотативно-конкретизирующие лимитирующие семы, означающие признак пола человека [Михайлова, 1998:115]:

женитьба – «Вступление в брак (о мужчине), брачный союз мужчины и женщины» («союз» + «начало» + «человек» (СК «мужской пол»)) / («союз» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «человек» + «пол» (СК «женский»)), например: «*В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни после **женитьбы**: “Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель”» [Гоголь 1977: 20]*.

замужество – «Вступление (женщины) в брак, пребывание в браке» («установление/состояние» + «союз» + «человек» + «пол» (СК «женский»)).

Например: *«После двух ночей, проведенных в доме мужа, Юлия Сергеевна уже считала свое **замужество** ошибкой, несчастием …» [Чехов А.П. Три года (1895) ruscorpora.ru]*.

брак 2 – «Форма закрепления и узаконивания супружеских отношений» (*офиц.*) («обряд» + «установление» + «союз» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «человек» + «пол» (СК «женский») + КС «стиль» (СК «официальное»)). В справочной литературе зафиксированы следующие виды брака: **официальный брак, законный брак, гражданский брак –** «Брак, узаконенный и регистрируемый гражданской властью»; **церковный брак –** (в условиях старого быта и права) «Брак, узаконенный церковным венчанием и регистрируемый в «метрической» книге», **фактический брак** – «Официально не зарегистрированный».

Синонимами для данного ЛСВ выступают: однокоренная лексическая единица **бракосочетание** – «Обряд, церемония вступления в брак» («процедура» (СК «официальная») + «установление» + «брак»), **Дворец бракосочетаний; венчание** (церк.) **–** «Обряд, церемония церковного бракосочетания» («процедура» + (СК «религиозная») + «установление» + «брак»). Еще одним синонимом является многозначная лексема **свадьба:**

свадьба 1 – «Брачный обряд» («процедура» (СК «неофициальная») + «установление» + «брак»). Данный ЛСВ актуализируется в таком устойчивом выражении, как **До свадьбы заживет** (разг.) – «Шутливое утешение тому, кто ушибся, порезался»;

свадьба 2 – «Празднество по случаю вступления в брак» («праздник» + «процедура» + «установление» + «брак»). Выявлено следующее идиоматическое выражение, реализующее это значение: **На Маланьину свадьбу (напечь, настряпать)** (простреч.) – «Очень много, так много, что не съесть». Глагольными словосочетаниями, имеющими в своем составе лексему **свадьба** и передающими значение «Праздновать вступление в брак» являются **играть свадьбу** (обл.), **справлять свадьбу**.

свадьба 3 (собир.) – «Люди присутствующие на празднестве заключения брака» (обл.) («человек» (СК «много») + «праздник» + «процедура» + «установление» + «брак»). Например: *«Алеше со скромным его стажем **приходилось уже знавать свадьбы** и в научной библиотеке, и в музыкальном театре, и на теплоходе, качающемся на байкальской волне, а слышал он, не будучи очевидцем, что **гуляла свадьба** и в самолете, в огромном Ту-54, бравшем курс на Владивосток и обратно» [В.Г. Распутин. Новая профессия (1998) ruscorpora.ru]*.

брак 3 – «Семейные отношения между мужчиной и женщиной, супружеские отношения» («отношения» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «человек» + «пол» (СК «женский»)). Например: «*Она терпела его измены, хотя понимала, что их **брак** уже изжил себя» [Космополитен, сентябрь, 2002:76]*. Лексическая единица **супружество** является синонимом для **брак** 3 и понимается как «Брачная жизнь, брак» («отношения» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «человек» + «пол» (СК «женский») + «брак»), например: «*Он хочет связать свое счастие с другою женщиной. Отец не хочет этого, потому что желает для Андрея более знатного **супружества»** [Толстой Т 1-2,1884:26]*. Стоит отметить, что данная лексема для выражения этого была более употребительна в XIX веке (по данным художественной литературы). В современном языке она менее частотна по сравнению с единицей **брак** и выполняет в художественных и публицистических контекстах стилистическую функцию: *«И эти временные просветления совершенно выбивают его из колеи, потому что Елена становится самой собой и даже напоминает скорее себя самое в те мифические времена, когда **супружество** их было полным и счастливым» [Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света (2000) ruscorpora.ru]; «Семья среднего брата Феофана Петровича всячески опекала **супружество** младшего брата с Варварой (отчества не знаю), с которой у Николая были нелады…»[Л. Вертинская. Синяя птица любви (2004) ruscorpora.ru]*. В

приведенных текстовых фрагментах употребление единицы **супружество** придает высказываниям историческую окраску, возвышенность.

Другим синонимом для ЛСВ **брак** 3 является лексема **брачность –** «Состояние в браке» («состояние» + «брак»). Выявленные контексты позволяют говорить об ограниченном употреблении данной единицы, которая приобретает статус термина в социологическом дискурсе, например: *«**Брачность** – один из процессов естественного движения, активно влияющий на воспроизводство населения» [Брачность и брачная рождаемость в республике Беларусь// «Вопросы статистики» (2004) ruscorpora.ru]*.

Проанализируем глагольно-именные сочетания, компонентом которых является лексема **брак.** В русском языке возможны следующие, фиксируемые лексикографическими источниками варианты, которые актуализируют ЛСВ **брак** 1: **регистрировать брак, заключать брак, расторгать брак.** Приведенные словосочетания относят нас к юридическому и деловому дискурсу и их терминосистемам. Синонимичными данным выражениям выступают словосочетания **сочетаться браком, заключать брачный союз, сочетаться брачными узами, вступать в брак, сочетаться узами Гименея.** Данные варианты относятся к более высокому торжественному стилю и употребляются в процессе церемонии бракосочетания. Также существуют и более разговорные выражения, например: **расписаться**, или **расписывать**, например: «*В этом раю для молодоженцев **расписывают** даже тех, кто уже состоит в браке» [Космополитен, сентябрь, 2002:72]*.

ЛСВ **брак** 2 актуализируется в следующих выражениях: **состоять в браке, жить браком.** Таким образом, в русском языке не существует специального глагола, имеющего морфему брак.

Перейдем к рассмотрению предикативных единиц, имеющих семы «содействовать вступлению в брак»/«вступать в брак»: **женить, жениться,**

выдавать, отдавать/выходить замуж, венчать, венчаться. Наиболее частотными в употреблении среди перечисленных глаголов являются лексемы **женить, жениться:**

женить – «Соединять для брачного сожительства мужчину с женщиной, помочь или заставить жениться» («действие» + «брак» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «человек» + «пол» (СК «женский»)), например: «*– Нет, Павел Иванович! как вы себе хотите, это выходит избу только выхолаживать: на порог, да и назад! Нет, вы проведите время с нами! Вот мы вас* ***женим****: не правда ли, Иван Григорьевич,* ***женим*** *его?» [Гоголь, 1977: 140].*

жениться 1 – (о мужчине) «Вступить в брак» («действие» + «конверсивное» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «начало» + «брак»), например: « *– Да, сказал он воротясь, - к чему это вас поведет? Граф на вас* ***не женится****: какие у него намерения?» [Гончаров, 1980:139].*

жениться 2 – (для субъекта во мн. ч.) «Вступить в брак» («действие» + «конверсивное» + «человек» (СК «много») + «пол» (СК «мужской» + СК «женский пол») + «начало» + «брак»), данный вариант употребления глагола является разговорным. Например: «*Мы были студентами. А в 83 мы* ***поженились****. Нашему браку столько же лет, сколько нашей группе» [Крестьянка, июнь, 2005:78].*

Употребление следующих устойчивых глагольно-именных сочетаний ограниченно наличием лимитирующих сем в составе компонента **замуж**:

выдать замуж – «Способствовать чьему-нибудь замужеству, согласиться на чье-нибудь замужество» («действие» + «брак» + «человек» + «пол» (СК «женский ») + «человек» + «пол» (СК «мужской»)). В речи возможно употребление усеченного варианта этого словосочетания: «*Аксинью* ***выдали за*** *Степана семнадцати лет» [Шолохов, 1991:41].*

отдать замуж – «Выдать замуж», данное словосочетание имеет помету *устаревшее.*

выходить замуж (о женщине) – «Стать чьей-либо женой» («действие» + «человек» + «пол» (СК «женский») + «начало» + «брак»), например: «*Постоянная «официальная» молодая подруга художника Арманда Лир на иконе поклялась Елене, что после ее смерти* ***выйдет за него замуж»*** *[Крестьянка, июнь, 2005:76]*.

Употребление глагольных единиц **венчать**, **венчаться** ограничено сферой функционирования:

венчать (несов.) – «Соединять браком по церковному обряду» (церк.);

венчаться (несов.) – «Вступать в брак с выполнением церковного обряда бракосочетания» («действие» + «конверсивное» + «человек» (СК «мужской пол») + «человек» (СК «женский пол») + «начало» + «брак» + «религия»).

Обратимся к рассмотрению лексических единиц, именующих субъектов, вступающих в брак. Примечательно, что в русском языке возможна номинация на трех этапах совершения брачного обряда:

До бракосочетания – **жених** «Мужчина, имеющий невесту, будущий муж» («человек» + «пол» (СК «мужской») + «намерение» + «действие» + «брак»), **невеста** «Девушка, женщина, вступающая в брак» и «Девушка, достигшая брачного возраста» («человек» + «пол» (СК «женский») + «намерение» + «действие» + «брак»); и разговорные варианты данных единиц – **женишок** (ласкат. или уничижит.), **невестушка** (ласкат.).

Во время бракосочетания – **брачующиеся** (только во мн. ч.) «Вступающие в брак» («человек» (СК «много») + «пол» (СК «мужской» + СК «женский») + «действие» + «процесс» + «брак»). Несмотря на словарную помету *церк.-кн. устар.* данная лексема встречается в современных контекстах, хотя стоит отметить ее невысокую частотность, например: *«Разодетые во фраки и смокинги,* ***брачующиеся*** *терпеливо ожидали своей очереди произнести полагающиеся в таких случаях клятву на любовь и*

семейную верность» [В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№501) (1999) ruscorpora.ru];

После бракосочетания – **новобрачные (новобрачный, новобрачная)** «Муж и жена, супружеская пара только что вступивших в брак» («человек» (СК «много/один») + «пол» (СК «мужской пол», СК «женский пол») + «действие» + «результат» + «брак» + «недавно»), **супруги** (только мн.ч.) «Муж и жена», **молодожены** (только мн.ч.) «Только что поженившиеся супруги», **муж** «Мужчина, с которым женщина состоит в браке», **жена** «Замужняя женщина, супруга», лексемы **супруг**, **супруга** отмечены в словаре как *книжн.-устар*. Данные номинативные единицы дублируются в языке разностилевыми однокоренными синонимами: **муженек** (разг. фам.), **женушка** (разг. фам.), **молодожен** (разг.), **супружник** (простореч. шутл.), **супружница** (простореч.).

Также стоит отметить стилистические расхождения между парами единиц **муж-жена** и **супруг-супруга**. Первая пара является наиболее частотными лексемами, которые употребляются в бытовом, повседневном общении. Вторая пара, благодаря коннотации «возвышенно» в составе единиц, широко употребляется в официальном и деловом дискурсах, например: *«В торжественных мероприятиях приняла участие **супруга** Президента Франции Б. Ширак» [«Дипломатический вестник» (2004) ruscorpora.ru]*.

К конституентам анализируемого семантического поля относятся следующие адъективные единицы, представляющие признаковые характеристики вышерассмотренных номинативных единиц:

брачный – «Свойственный браку» («являющийся» + «принадлежность» + «брак»). Данное прилагательное присутствует в качестве компонента в таких устойчивых выражениях как **Брачный союз, Брачный возраст, Брачные узы, Брачное ложе, Брачный контракт**. К периферии семантического поля относятся прилагательные, образованные от

корня *брак* при помощи различных префиксов, – **безбрачный, внебрачный, добрачный, единобрачный, многобрачный, новобрачный, троебрачный**. Синонимами к единице **брачный** выступает адъективы **матримониальный** (книж., уст., шутл.) – «Связанный с женитьбой» и **супружеский** – «Свойственный супругам» («являющийся» + «принадлежность» + «человек» (СК «много») + «пол» (СК «мужской пол», СК «женский пол») + «брак»), **Супружеский долг, Супружеские обязанности**.

К признакам, характеризующим церемонию брака, относятся прилагательные **свадебный** – «Свойственный свадьбе» («характерный» + «свадьба»), **венчальный** – «Свойственный венчанию, употребляемый при венчании» («характерный» / «свойственный» + «венчание»).

Следующие прилагательные передают признаки, относящиеся к субъектам брака: **женатый** – «Имеющий жену, состоящий в браке (о мужчине)», **женатые** (только мн.ч.) – «Вступившие в брак, состоящие в браке (о муже и жене)», **замужняя** (только ж.р.) – «Состоящая в замужестве (о женщине)», **венчанный** – «Соединенный браком по церковному обряду», **женин** (разг.) – «Принадлежащий, относящийся к жене», **мужнин** (разг.), **мужний** (устар.) – «Относящийся к, принадлежащий мужу», **жениховский** (разг.) – «Принадлежащий жениху, свойственный жениху».

Приступим к изучению семантического поля «брачные отношения», на материале французского языка.

Лексема **mariage** фиксируется в текстовых документах, начиная с XII века. Изначально она обозначала «Action de se marier» и «Sacrement de l'Eglise catholique», с XV века данная лексическая единица получает расширение – «Etat de marriage», а с XVII века приобретает еще одно номинативное значение – «Célébration des noces» [Baumgartner, Ménard, 1996: 477].

В современных толковых словарях фиксируются следующие ЛСВ этой лексемы:

mariage 1 – «Union d'un homme et d'une femme, consacrée par un ensemble d'actes civils ou parfois religieux et destinée à la fondation d'une famille» («союз» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «человек» + «пол» (СК «женский») + «создание» + «семья»). Например: *«Monsieur d'Ajuda devait se marier. Il épousait une demoiselle de Rochefilde. Dans toute la haute société une seule personne ignorait encore ce* ***mariage****, cette personne était madame de Beauséant» [Balzac², эл.рес.]*. Брачно-семейное законодательство в дореволюционной Франции характеризовалось большой дробностью и разнообразием, помимо этого оно испытывало влияние со стороны церкви и королевской власти. Вот почему в лексикографических источниках фиксируется достаточно большое количество номинаций брачного союза с лексемой **mariage**: религиозный брак – **mariage catholique, protestant;** сословный брак **– mariage aristocratique, bourgeois, princier;** юридически законный брак **– mariage légitime, régulier, valable.** Значительно позже возникают фиктивный брак **– mariage blanc;** первый (повторный) брак **– premier, second mariage;** гражданский брак **– mariage civil;** смешанный (межнациональный) брак **– mariage mixte;** сожительство **– mariage de la main gauche; mariage libre.**

mariage 2 – (религ., катол.) «Sacrement du mariage» («процедура» (СК «религиозная») + «союз»). Данный ЛСВ имеет свое расширение по аналогии: **mariage mystique** – «Union spirituelle d'un être humain avec Dieu».

mariage 3 – «Célébration de cette union» («праздник» + «процедура» (СК «неофициальная») + «союз»). Например: *«Quinze jours après,* ***un mariage*** *se célébrait à grand fracas, dans la chapelle de Malcolm-Castle. Paganel était magnifique, mais hermétiquement boutonné, et miss Arabella splendide» [Verne, эл.рес.]*

Faire-part de mariage – «Сообщение о браке»;

Anneau de mariage – «Обручальное кольцо», например: *«Il avait fallu échanger des miniatures, on s'était coupé des poignées de cheveux, et elle*

demandait à présent une bague, un véritable ***anneau de mariage****, en signe d'alliance éternelle» [Flaubert, эл.рес.]*;

Liens du mariage – «Узы брака»;

Demande en mariage – «Предложение руки и сердца»;

Bouquet de mariage – «Букет невесты», например: *«Charles s'en aperçut, il le prit et l'alla porter au grenier, tandis qu'assise dans un fauteuil (on disposait ses affaires autour d'elle), Emma songeait à* ***son bouquet de mariage****, qui était emballé dans un carton, et se demandait, en rêvant, ce qu'on en ferait; si par hasard elle venait à mourir» [Flaubert, эл.рес.]*.

mariage 4 – «État qui résulte de cette union» («результат» + «процедура» + «союз»). **Aimer hors mariage; Chaînes du mariage; La sécurité du mariage**.

mariage 5 – (переносное значение) «Association, union intime, harmonieuse de deux entités concrètes ou abstraites, complémentaires ou opposées» («союз» + «элемент» (СК «два», СК «абстрактный/конкретный/противопоставляемый/дополнительный»)), например *«Dans* ***ce mariage*** *des ruines et du printemps, les ruines sont redevenues pierres, et perdant le poli imposé par l'homme, sont rentrées dans la nature. Pour le retour de ces filles prodigues, la nature a prodigué les fleurs» [Camu², эл.рес.]*.

В лексикографических источниках зафиксированы следующие глагольно-именные сочетания, имеющие в своем составе лексему **mariage:**

se décider au mariage, songer au mariage – намереваться вступить в брак; **offrir le mariage, donner qqn en mariage à qqn, promettre le mariage, proposer le mariage à qqn, rechercher qqn en mariage –** сватать; **contracter mariage, conclure un mariage –** заключать брак; **accepter le mariage –** принимать предложение о браке; **annoncer son mariage –** сообщать о бракосочетании; **s'unir par le mariage à qqn, prendre, recevoir –** сочетаться браком**; annuler, dissoudre, empêcher, rompre un mariage –** расторгать брак.

Рассмотрим существующие синонимы для различных ЛСВ лексемы **mariage.** Для **mariage** 1 таковым является лексическая единица **alliance**,

которая обладает следующим значением: «Union par mariage; sorte de parenté ainsi établie entre deux familles» («союз» + «человек» (СК «два») + «семья»), **Cousin par alliance, Parent par alliance, Anneau d'alliance.** Например: *«Je me suis embarqué dans cette affaire sur la parole de ce vieux caïman de Grandet, et j'ai fait des promesses au nom de la famille. Si monsieur le vicomte d'Aubrion se soucie peu de son honneur, le mien m'intéresse fort. Aussi vais-je expliquer ma position aux créanciers. Néanmoins, j'ai trop de respect pour mademoiselle Eugénie, à l'**alliance** de laquelle, en des temps plus heureux, nous avions pensé, pour agir sans que tu lui aies parlé de cette affaire...» [Balzac¹, эл.рес.].*

Синонимом к **mariage** 3 является лексема **épousailles** (мн. ч.) – «Célébration d'un mariage, noces» («праздник» + «процедура» + «союз»), **la cérémonie des épousailles.** Данная лексическая единица имеет свое расширение: «Mariage, union», **Tendres épousailles; Epousailles chrétiennes,** в этом случае она эквивалентна **mariage** 1.

Следующий рассматриваемый синоним – лексема **noces**, которая обладает двумя ЛСВ идентичными **mariage** 1 и **mariage** 3 соответственно:

noces 1 (мн. ч.) – «Mariage, union» («союз» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «человек» + «пол» (СК «женский»)). Данный ЛСВ актуализируется в составе следующих фразеологических выражений: **Se marier en premières (secondes) noces** – сочетаться первым (вторым) браком; **Noces d'argent, d'or, de diamant** – двадцать пятая, пятидесятая и шестидесятая годовщина заключения брака.

noces 2 (ед., мн. ч.) – «Cérémonie du mariage et ensemble de réjouissances qui l'accompagnent» («праздник» + «процедура» + «союз»), например: *«Et, d'un sourire, elle compléta sa pensée. Tatan Néné et Louise Violaine étaient de cet avis; la première raconta qu'elle avait fait **des noces** à tout casser avec des militaires; oh! de bons garçons, et qui auraient commis les cent dix-neuf coups pour les femmes» [Zola¹, эл.рес.].*

Данная лексическая единица, употребляемая только в единственном числе, означает «Ensemble de personnes qui assistent à une noce» («человек» (СК «много») + «праздник» + «процедура» + «брак»), **Le cortège de la noce.** Например: *«Après la formalité de la mairie et la cérémonie religieuse,* ***la noce*** *se dirigea vers la maison d'Anna» [Maupassant², эл.рес.]*. Производно-номинативными значениями лексемы являются **noces** 3 – «Partie de plaisir, de débauche généralement marquée par des excès de table et de boisson» и **noces** 4 – «Vie dissipée, débauchée, consacrée aux plaisirs», например: *«Ils avaient eu un été d'amour charmant, un été d'étudiants qui* ***font la noce****, s'échappant pour aller déjeuner ou dîner à Argenteuil, à Bougival, à Maisons, à Poissy, passant des heures dans un bateau à cueillir des fleurs le long des berges» [Maupassant¹, эл.рес.]*.

Рассмотрим глагольные единицы, обладающие общей семой «unir/ s'unir l'un à l'autre par les liens du mariage»: **marier qnn**, **se marier à/avec qnn, allier, s'allier à/ avec qnn, épouser qnn.** В данном ряду наиболее употребительными являются лексемы **marier** и **se marier.** Глагол **marier** обладает следующими номинативными ЛСВ:

marier 1 – «Unir un homme et une femme par les liens du mariage; consacrer, légaliser leur union» («действие» + «создание» + «брак» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «человек» + «пол» (СК «женский»)). *«Personne ne connaît mon secret que le respectable abbé Pirard. J'irai chez lui; il nous* ***mariera»*** *[Stendhal, эл.рес.]*. Синонимом для данного ЛСВ выступает глагол **allier,** обладающий значением «Unir des personnes, des familles par les liens du mariage».

marier 2 – «Donner un époux/une épouse à quelqu'un» («действие» + «каузирование» + «брак» + «человек» + «пол» (СК «мужской»/«женский»)). *«Madame des Grassins, mère d'un fils de vingt-trois ans venait très assidûment faire la partie de madame Grandet, espérant* ***marier*** *son cher Adolphe avec mademoiselle Eugénie» [Balzac¹, эл.рес.]*.

marier 3 – «Prendre quelqu'un pour époux/épouse» («действие» + «конверсивное» + «брак» + «человек» + «пол» (СК «мужской»/«женский»)). *«Il ne faut plus penser au douzain. Quand je te **marierai**, ce qui sera bientôt, je te trouverai un futur qui pourra t'offrir le plus beau douzain dont on aura jamais parlé dans la province» [Balzac[1], эл.рес.]*. Синонимом для данного ЛСВ выступает единица **épouser,** имеющая значение **«**Prendre pour époux, pour épouse», например: *«Enfin je vous ai dit un jour, chez vous, que mon rêve le plus cher aurait été d'**épouser** une femme comme vous» [Maupassant[1], эл.рес.]*.

То есть глагол **marier** сочетает в себе значения, указывающие на роль супруга, функцию родителей при заключении брака и действия третьего лица (группы лиц), осуществляющего бракосочетание. При этом формами этого глагола передаются действия субъекта направленные на объект, которым может являться один или оба молодожена.

Глагол **se marier** является возвратным, однако прономинальная частичка **se** не несет в себе синтаксической нагрузки, поскольку действие субъекта направленно на объект:

se marier 1 (при подлежащем, означающим обоих супругов) – **«**S'unir l'un à l'autre par les liens du mariage» («действие» + «конверсивное» + «брак» + «человек» + «пол» (СК «мужской») + «человек» + «пол» (СК«женский»)). Предикат **s'allier** имеющий значение «S'unir à une personne, à une famille par les liens du mariage» («действие» + «конверсивное» + «брак» + «человек» + «пол» (СК «мужской»/«женский»)) выступает синонимом к ЛСВ 1 единицы **se marier**. Например: *«Il est maire d'un arrondissement, député, colonel de la garde nationale, juge au tribunal de commerce; il renie les Grandet de Saumur, et prétend **s'allier** à quelque famille ducale par la grâce de Napoléon» [Balzac[1], эл.рес.]*. Данное значение глагола **s'allier** имеет пометку *устаревшее*, и в современном языке употребляется достаточно редко.

se marier 2 (при подлежащем, означающим одного из супругов) – «Contracter mariage» («действие» + «конверсивное» + «процедура» + «союз»

+ «человек» + «пол» (СК «мужской»/«женский»)). Например: *«Le père Grandet pensait alors à **se marier** et, voulait déjà monter son ménage» [Balzac[1], эл.рес.]*.

Во Франции, как и в других европейских странах, была распространена традиция заключения предварительного договора между семьями жениха и невесты о бракосочетании, что нашло отражение в существовании в лексической системе французского языка следующих глагольных единиц: **fiancer** – «Faire s'engager quelqu'un par une promesse solennelle de mariage», **accorder** (субъектом действия является отец невесты) – «Promettre sa fille en mariage au demandeur», **se fiancer** – «S'engager par une promesse solennelle de mariage; échanger solenellement des promesses de mariage»; и субстантивных единиц: **fiançailles** (мн.ч.) – «Promesse solennelle de mariage échangée entre futurs époux et marquée par une cérémonie religieuse ou une petite fête familiale, période qui s'écoule entre cette promesse et le mariage»; **accordailles** (простореч.) – «Réunion de caractère généralement familial au cours de laquelle sont conclus les accords et échanges les promesses préliminaires à un mariage».

К конституентам семантического поля «брачные отношения» относятся субтантивные единицы, номинирующие лиц, вступающих в брак. На стадии подготовки церемонии молодые люди именуются **fiancé, fiancée –** «Personne engagée par une promesse solennelle de mariage» («человек» + «пол» (СК «мужской/женский») + «намерение» + «действие» + «брак»), и **marié**, **marieé –** «Celui, celle qui va/vient de se marier», **mariés** (мн.ч.) – «Ceux qui vont/viennent de se marier» («человек» (СК «много») + «пол» (СК «мужской», СК «женский») + «действие» + «намерение»/ «результат» + «брак»). При этом последние однокоренные лексемы означают также лиц, только что вступивших в брак.

Следующие субстантивные единицы номинируют субъектов, заключивших брачный союз: **mari** – «Homme uni à une femme par les liens du mariage»; **femme** – «Personne du sexe feminin qui est ou a été mariée» (стоит

отметить, что основное значение этой лексемы «Etre humain adulte de sexe féminin»); **époux**, **épouse** – «Personne unie à une autre personne par les liens du mariage»; **conjoint**, **conjointe** – «Chacun des époux considéré en fonction de l'autre».

К адъективным единицам поля относятся прилагательные:

matrimonial 1 – «Qui concerne le mariage» («являющийся» + «принадлежность» + «брак»), например: **agence matrimoniale;**

matrimonial 2 – «Qui a rapport à la vie conjugale» («характерный» + «супружеские отношения»);

matrimonial 3 – «Qui a rapport aux fonctions de fécondation» («характерный» + «деторождение»).

Синонимичны ему единицы: **conjugal** – «Relatif aux liens qui unissent les époux au regard de la loi ou même de la religion» («характерный» + «брак» + «закон» + «религия»), например **Amour conjugal** (супружеская любовь)**, Foyer conjugal** (семейный очаг), **Devoir conjugal** (супружеский долг); и **nuptial – «**Relatif à la cérémonie du mariage, aux noces» / «Qui concerne le mariage, l'union entre époux» («характерный» + «процедура» + «брак»)/ («характерный» + «брак»), **Bénédiction nuptiale** (благословение)**, Marche nuptiale** (свадебный марш), **Anneau nuptial** (обручальное кольцо).

Следующие адъективные единицы передают признаки лиц, состоящих в браке: **conjoint** – «Uni par les liens du mariage»; **marié** – «Qui vit dans les liens du mariage», например: **couple marié, personne bien (mal, nouvellement) mariée; alliancé** – «Uni par une alliance».

Таким образом, лингвогнитивный анализ семантического поля «брачные отношения» в русском и французском языках позволяет сделать вывод о наличии общих и релевантных характеристик данных лексических объединений.

К универсальным характеристикам рассматриваемого сегмента относится способность исследуемых лингвосоциумов вербализировать

национальные представления о браке, что выражается в наличии языковых эквивалентов в ядерной и приядерной зонах поля. К общим чертам можно отнести и близкий семантический состав ядерных лексем **брак – le mariage**, наличие большого количества равнозначных глагольных словосочетаний с компонентом **брак/mariage**.

К дифференциальным признакам можно отнести выделение лексических единиц в русском языке, употребление которых ограничено лимитирующей семой «пол человека», входящей в их состав: **женитьба, жениться, женатый –** лексемы применимы только к мужчине, как действующему субъекту; **замужество, выдавать/отдавать замуж, выходить замуж, замужняя –** лексемы применимы только по отношению к женщине (ср. французские лексемы **le mariage, marier, se marier** не предусматривают подобного разделения).

Различие исторических традиций между французским и русским социумами в подготовке и заключении брака обусловили наличие в семантических системах данных языков таких специфических лексем как **les fiançailles, les accordailles –** «обряд обручения, помолвка» (существовавшие ранее в русской культуре подобные ритуалы были упразднены во времена Петра I, а современные попытки организации помолвки являются копированием западной модели обряда), **венчание** – «церковный брак» (во французском языке данное значение входит в состав многозначных лексем **le mariage, les noces**).

3.3 Семантическое поле «родительские отношения»

Приступим к анализу семантического поля «родительские отношения». В рамках данного объединения лексических единиц исследуются межличностные отношения внутри семьи, возникающие между

представителями разных поколений. То есть рассматриваются параллели «родители – дети»; «старшее поколение – младшее поколение».

Смыслообразующей единицей поля является лексема **семья.** Поскольку появление у супругов детей и выполнение ими родительской функции переводит брачную пару в статус семьи. В современный русский язык данное слово перешло из древнерусского, в котором оно фиксировалось с XI-XII веков в форме *с(ять)мья* – «челядь, домочадцы, семья, муж, жена». Древнерусская лексическая единица восходит к общеславянскому слову и далее к индоевропейскому корню *к'ei-m* – «лежать», подразумевавшим «то, что находится в общем стане» [Фасмер, 1987:134]. В.В. Колесов отмечает нестабильность и неопределенность содержания понятия древнерусской лексической единицы, иллюстрируя это утверждение примером существования лексемы *сЪминъ*. Словом *сЪминъ* называли раба, что доказывает статус семы «общее дело», «совместная работа» как одной из базовых сем этого понятия. То есть семья как совокупная множественность родственников постепенно стала включать в себя и «других», — людей разной степени зависимости, находящихся на службе или помогавших в общем труде. В средние века семья стала включать в себя дворовых, разнообразную челядь и дальних родичей, которые также становились работниками данного дома, во главе которого оставался один хозяин (и одна хозяйка) [Колесов 1986:40]. В узком смысле слова лексическая единица **семья** применялась для номинации одного супруга (жены) в качестве прямого обращения: *дорогая моя* ***семеюшка,*** таковым было былинное обращение мужа к своей жене. В дальнейшем значение слова расширилось и семьей стали считаться оба супруга, а так же их дети, а впоследствии и другие родственники. Именно от такого представления о семье родилось переносное представление о семье как о группе единомышленников [Колесов, 1986:41].

В современных лексикографических источниках даются следующие нетерминологические ЛСВ лексемы **семья**:

семья 1 – «Группа живущих вместе близких родственников» [СОШ], «Группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т.д.)» [ССРЛЯ]. Некоторыми лексикографическими источниками дается более конкретный состав семьи: «Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других родственников, живущих вместе» [СРЯ] («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная» + СК «брак») + «совместное проживание» + «общее хозяйство»).

семья 2 – (перен.) «Объединение людей, сплоченных общими интересами» [СОШ], «О группе, организации людей, спаянных дружбой и объединенных общими интересами» [ССРЛЯ] («человек» (СК «много») + «отношение» (СК «дружба», СК «общие интересы»)), например: *«Мужья сразу приходят в коллектив, знакомятся с ребятами, у них своя большая* ***семья****»; «В Митино…давали квартиры многим ребятам из команды. Два этажа футболистов…получилась одна* ***семья****. Праздники справляли вместе. Двери не закрывали – начинались в одной квартире, следом – другая и так далее» [Крестьянка, апрель, 2005:10]*. В приведенных примерах футбольная команда расценивается как семья, поскольку подобная группа людей объединена едиными профессиональными интересами.

семья 3 – «Род, поколение» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение»), например: «*Выбирая на престол Михаила Федоровича, выбрали, в сущности,* ***семью*** *Романовых» [Крестьянка, апрель, 2005:45]*.

К терминологическим значениям относятся следующие ЛСВ анализируемой лексемы:

семья 4 – «Группа животных, птиц, состоящая из самца, одной или нескольких самок и детенышей», например: **семья медведей, семья бобров**;

«Группа растений одного вида, растущих рядом, часто имеющих общий корень, грибницу», например: **семья кактусов**.

семья 5 – «Группа родственных языков, объединенных общностью происхождения», например: **семья романских языков**.

В русском языке существуют синонимы к ЛСВ **семья 1,** имеющие ту же денотативную отнесенность: **семейка** (разг.), **фамилия** (устар.) – «Семья, члены семьи», **семейство**:

семейство 1 **–** «То же, что семья (в 1 знач.)» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная» + СК «брак») + «совместное проживание» + «общее хозяйство»), например: *«Граф встречал и провожал гостей, приглашая всех к обеду. – Смотрите же приезжайте обедать. Вы меня обидите, mon cher. Душевно прошу вас от всего* ***семейства»*** *[Толстой Т. 1-2, 1984:43]*. Настоящее значение реализуется в таких устойчивых выражениях, как: **Отец семейства**, **Мать семейства**, **Ждать прибавления в семействе**, например: «*В школе она училась совсем не долго. Там знали, где живет девочка, и* ***отцы приличных семейств*** *не пожелали такой сомнительной компании для своих детей» [Крестьянка, октябрь, 2005:14]*.

Другие ЛСВ лексемы **семейство** относятся к терминологическим:

семейство 2 – «То же, что семья (в 4 знач.)», **семейство волков**.

семейство 3 – «Объединение нескольких родов, сходных по происхождению (о животных, растениях)», например: **семейство злаковых**.

семейство 4 – (В классификационных системах некоторых наук (физика, геология и т.п.)) «Группа однородных предметов, явлений и т.п.», например: **радиоактивное семейство**.

Адъективы **семейный** и **семейственный** обладают следующей семантической структурой:

семейный 1 **–** «Относящийся к семье, связанный с жизнью семьи, в семье» («имеющий отношение» + «семья»), например: *«Тем более что есть, кому продолжить – наш Гриша, хотя и не стал артистом, но работает в*

театре администратором. И теперь театр – это наше ***семейное дело»*** *[Крестьянка, сентябрь, 2005:17].* Данное значение раскрывается в таких устойчивых сочетаниях слов, как: **Семейные узы, связи; Семейный союз; Семейное счастье; Семейный круг; Семейный очаг; Семейная честь; Семейная ссора, сцена.** Синонимом к данному ЛСВ выступает прилагательное **фамильный.**

семейный 2 **–** (полн. ф.) «Имеющий семью» («имеющий» + «семья»), например: «*Вилиарский был женатый,* ***семейный человек****, занятый и делами имения жены, и службой, и семьей» [Толстой Т3-4. 1984:483].* Синонимами для этого ЛСВ являются единицы **семейский** (простореч.), **семьяный** (устар.), **семьянистый** (устар.).

семейный 3 **–** (полн. ф.) «Предназначенный для семьи, семей» («предназначенный» + «семья»), например: *«…Или наше любимое* ***семейное развлечение*** *– поход в лес. Примерно час мы ходили, собирая землянику в ладони» [Крестьянка, декабрь, 2005:5].*

семейный 4 **–** (неодобр.) «Основанный на предоставлении льгот родственникам, устройстве их на работу под своим начальством» («имеющий характер» + «отношение» + «человек» (СК «много») + «связь» + ПС «оценка» (СК «отрицательная»));

семейный 5 – (перен.) «Частный, внутренний» («имеющий характер» + «сходство» + «семья»).

Лексическая единица **семейственный** выступает синонимом для ЛСВ 1,4 прилагательного **семейный**:

семейственный 1 **–** «Приверженный к семье, к семейной жизни» («имеющий отношение» + «семья»);

семейственный 2 **–** (неодобр.) «Основанный на предоставлении льгот родственникам, устройстве их на работу под своим начальством» » («имеющий характер» + «отношение» + «человек» (СК «много») + «связь» + ПС «оценка» (СК «отрицательная»)).

Данные прилагательные формируют субстантивы разговорные **семейность** и **семейственность**, имеющие ЛСВ сходные с адъективами: «Приверженность к семье, свойство семьянина, любовь к семейной жизни»; «Ведение дел по своекорыстному сговору, негласно и антиобщественными методами, по-семейному» (неодобр.).

Также к полю «родительские отношения» принадлежат единицы **семьянин (семьянинка):**

семьянин 1 – «Тот, кто имеет семью» («человек» + «имеющий» + «семья»);

семьянин 2 – «Тот, кто обладает необходимыми для семейной жизни качествами» («человек» + «имеющий» + «качество» + «семья»);

семьянин 3 (устар.) **–** «Член семьи» («человек» + «состоящий» + «семья» + КС «стиль» (СК «устаревшее»)).

Минимальную семейную группу составляют родители и их дети. В русском языке выделяются следующие субстантивные единицы, номинирующие этих субъектов:

родители (мн.ч.) – «Отец и мать (по отношению к детям)»/ «Предки, деды» (простореч.) («человек» (СК «много») + «пол» (СК «мужской», СК «женский») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «нисходящая линия»)); **родитель** (синоним **отец**); **родительница** (синоним **мать**); **дети** – «Мальчики и (или) девочки в раннем возрасте»/ «Сыновья и дочери» (синонимы **ребятки** (простореч., фам.), **ребятушки** (простореч.), **ребятишки** (простореч.), **детвора** (разг.), **ребенок**, **сын**, **дочь**, **ребятенок** (простореч., обл.), **дитя** (книж., устар.), **детка** (разг., ласкат.), **дитё** (простореч.), **дитятко** (разг., ласкат.)).

К адъективным единицам поля относятся следующие прилагательные: **родительский** (синонимы **отцовский, отецкий** (обл.), **отеческий** (устар.), **материнский, материн** (простореч.)), **детский** (синонимы **ребяческий** (разг.), **ребячий** (разг., фам.), **ребячливый** (разг.)).

Перейдем к изучению лексического состава семантического поля «родительские отношения» во французском языке. Лексическая единица **famille** является заимствованием латинского слова **familia,** означавшим «Ensemble des serviteurs vivant sous le même toit, maison de famille». В лексикографических источниках отмечается, что данное слово регистрируется во французском языке с XVI века. Оно не было общеупотребительным и означало «Serviteurs» и «Ensemble des personnes unies par les liens du sang ou par alliance et vivant sous le même toit» [Baumgartner, Ménard 1996: 316].

Согласно современным толковым словарям **famille** имеет следующие ЛСВ:

famille 1 – (юр.) «Institution juridique qui groupe des personnes unies par les liens du mariage, par les liens du sang, éventuellement, en vertu d'un pacte, par des liens d'adoption» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная» + СК «брак» + «усыновление») + «закон»). **Famille légitime; base, code de la famille.**

famille 2 – «Groupe constitué par des familles (branches) et des individus apparentés par des alliances, par le sang, descendant d'ancêtres communs» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная» + СК «брак») + «общее происхождение»). **Illustre famille; famille princière, régnante; aîné de la famille; cadet de famille; traditions de famille.** Например: «*Dans trois jours devait commencer une terrible action, une tragédie bourgeoise sans poison, ni poignard, ni sang répandu; mais, relativement aux acteurs, plus cruelle que tous les drames accomplis dans* ***l'illustre famille*** *des Atrides» [Balzac[1], эл.рес.]*. В данном случае речь идет о роде, семейном клане Атридов, куда входят несколько семей, связанных между собой родственными, либо брачными отношениями. Синонимами к этому ЛСВ выступают лексемы **clan** – «Une famille ou un groupe d'individus unis par des intêrets communs», **dynastie** – «Suite de souverains de même famille».

Данный ЛСВ находит выражение в следующих фразеологических единицах:

De bonne famille – «происходить из хорошей семьи». Например: «*Il épouse une jeune fille* ***de bonne famille****, riche, jolie» [Maupassant¹, эл.рес.]*.

Être de la famille – Например: «- *Hein? Vous avez cru que c'était arrivé... Dame! puisque c'est Nana qui a fait le mariage. D'ailleurs, elle* ***est de la famille»****. [Zola¹, эл.рес.]*.

Air famille – «фамильное сходство». Например: «*Malgré ses quarante ans, malgré sa figure brune et rébarbative, flétrie comme le sont presque toutes les physionomies judiciaires, il se mettait en jeune homme, badinait avec un jonc, ne prenait point de tabac chez mademoiselle de Froidfond, y arrivait toujours en cravate blanche, et en chemise dont le jabot à gros plis lui donnait* ***un air de famille*** *avec les individus du genre dindon» [Balzac¹, эл.рес.]*.

Un fils de famille – «сын богатых родителей». Например: «*Sa tournure, ses manières, sa pose habituelle dénotaient* ***le fils d'une famille noble****, où l'éducation première n'avait comporté que des traditions de bon goût» [Balzac¹, эл.рес.]*.

famille 3 – «Ensemble constitué par un couple de parents et leurs enfants» («человек» (СК «много») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «прямая линия», СК «восходящая/нисходящая линия»). **La famille X; famille nombreuse; affaire, cercle, deuil de famille; sens de la famille; avec sa petite famille; abandonner sa famille, fonder, nourrir une famille.** Например: «*Ma bonne mère, vends quelques-uns de tes anciens bijoux, je les remplacerai bientôt. Je connais assez la situation de notre* ***famille*** *pour savoir apprécier de tels sacrifices, et tu dois croire que je ne te demande pas de les faire en vain, sinon je serais un monstre. Ne vois dans ma prière que le cri d'une impérieuse nécessité» [Balzac², эл.рес]*.

Данный ЛСВ находит выражение в следующих фразеологических единицах:

Chef de famille – «глава семьи». Например: «***Les chefs des deux familles*** *rivales s'en allèrent ensemble. Ni les uns ni les autres ne songeaient plus à la trahison dont s'était rendu coupable Grandet le matin envers le pays vignoble, et se sondèrent mutuellement, mais en vain, pour connaître ce qu'ils pensaient sur les intentions réelles du bonhomme en cette nouvelle affaire» [Balzac[1], эл.рес.]*.

Père de famille – «отец семейства». Например: **«***Des Grassins demeurait à Paris. Voici pourquoi. D'abord il fut nommé député; puis il s'amouracha, lui* ***père de famille****, mais ennuyé par l'ennuyeuse vie saumuroise, de Florine, une des plus jolies actrices du théâtre de Madame, et il y eut recrudescence du quartier-maître chez le banquier» [Balzac[1], эл.рес.]*.

Mère de famille – «мать семейства». Например: «*Elle aurait dû sentir, lui semblait-il, qu'il faut en amour, un tact, une adresse, une prudence et une justesse extrêmes, que s'étant donnée à lui, elle, mûre,* ***mère de famille****, femme du monde, elle devait se livrer gravement, avec une sorte d'emportement contenu, sévère, avec des larmes peut-être, mais avec les larmes de Didon, non plus avec celles de Juliette» [Maupassant[1], эл.рес.]*.

Charges de famille – «расходы на содержание семьи»;

Conseil de famille – «семейный совет»;

Enfant de famille – «законнорожденный»;

Livret de famille – «свидетельство о заключении брака»;

Soutien de famille – «кормилец семьи». Например: «*Mon frère, voici bientôt vingt-trois ans que nous ne nous sommes vus. Mon mariage a été l'objet de notre dernière entrevue, après laquelle nous nous sommes quittés joyeux l'un et l'autre. Certes je ne pouvais guère prévoir que tu serais un jour* ***le seul soutien de la famille,*** *à la prospérité de laquelle tu applaudissais alors» [Balzac[1], эл.рес]*. Из данного примера следует, что кормильцем семьи может считаться любой ее член, действительно материально ее обеспечивающий, в данном случае это сын.

Faire partie de la famille – «стать членом семьи». Например: «*Si Grandet coupait le pain avec un peu trop de parcimonie, elle ne s'en plaignait pas; elle participait gaiement aux profits hygiéniques que procurait le régime sévère de la maison où jamais personne n'était malade. Puis la Nanon* ***faisait partie de la famille****: elle riait quand riait Grandet, s'attristait, gelait, se chauffait, travaillait avec lui» [Balzac¹, эл.рес.].*

Следующие фразеологические единицы передают значение семьи как сплоченной группы близких людей, связанных родственными узами:

En famille – «в семейном кругу». Достаточно распространенное выражение, способное сочетаться с большим количеством глаголов: dîner/ vivre/passer le temps en famille и т.д. Например: «*Après dîner, on jouait aux cartes, on donnait à manger aux poissons chinois, on* ***vivait*** *et on* ***s'amusait en famille»*** *[Maupassant Guy de. Bel-Ami, эл.рес.];* «*Après déjeuner, mon cher John, répondit Glenarvan, nous* ***discuterons en famille*** *le programme de notre nouvelle expedition» [Verne, эл.рес.].* Либо оно может употребляться без глагольной составляющей: «*La journée s'est terminée par un repas d'anniversaire* ***en famille*** *où quatre générations étaient reunies» [Le Figaro,2001:32].*

Au sein de la famille – «в семейном кругу». Например: «*Pour ne point interrompre le cours des événements qui se passèrent* ***au sein de la famille*** *Grandet, il est nécessaire de jeter par anticipation un coup d'œil sur les opérations que le bonhomme fit à Paris par l'entremise de des Grassins» [Balzac. Eugénie Grandet]; «Ses illusions d'enfance, ses idées de province avaient disparu. Son intelligence modifiée, son ambition exaltée lui firent voir juste au milieu du manoir paternel,* ***au sein de la famille»*** *[Balzac², эл.рес.].*

Laver son linge sale en famille – буквально это выражение переводится как «стирать свое грязное белье в своей семье», в качестве эквивалента ему в русском языке можно привести выражение «не выносить сор из избы». Например: *«Je n'osais vous le proposer, répondit Charles; mais il me répugnait de brocanter mes bijoux dans la ville que vous habitez.* ***Il faut laver son linge sale***

***en famille**, disait Napoléon. Je vous remercie donc de votre complaisance» [Balzac[1], эл.рес.].*

famille 4 (переносное значение) – «Ensemble d'individus apparentés par des similitudes dans les croyances, l'idéologie, le tempérament, la technique artistique» («человек» (СК «много») + «отношение» (СК «убеждения», СК «общие интересы», СК «темперамент»)). **Famille artistique, intellectuelle, politique,** например: **«***Il ne m'a jamais caché que la Legion serait toujours sa première **famille»** [Elle, 1999:26].*

К терминологическим значениям данной лексемы относятся:

1) В зоологии и ботанике: **Famille des ombellifère** – семейство зонтичных.

2) В лингвистике: **Famille de langues** – языковая семья, группа языков; **Famille de mots** – гнездо слов.

3) В музыке: **Famille instrumentale, d'accords, de voix, des violes**.

4) В философских и гуманитарных науках: **Famille des sciences historiques –** исторические науки.

5) В химии: **Famille de l'uranium, du thorium; famille radioactive**

6) Другие технические науки: **Famille d'exécution, de gammes, d'opérations, de phases** (archit., construction, technol.).

Также во французском языке существует два концептуально важных, с точки зрения нашего исследования, понятия **foyer** и **ménage,** относящихся к периферии поля, которые ассоциативно передают значение **famille.** По своему прямому номинативному значению **foyer** толкуется как: **foyer 1**– «Lieu où l'on fait du feu».

Производно-номинативные значения **foyer:**

1) «Lieu servant d'abri à des personnes», **Foyer conjugal, familial.** Например: «*Sa pensée le reporta au sein de sa famille. Il se souvint des pures émotions de cette vie calme, il se rappela les jours passés au milieu des êtres dont il était chéri. En se conformant aux lois naturelles **du foyer domestique**, ces chères*

créatures y trouvaient un bonheur plein, continu, sans angoisses» [Balzac², эл.рес.]; «Elle vit à Rouen des dames qui portaient à leur montre un paquet de breloques; elle acheta des breloques. Elle voulut sur sa cheminée deux grands vases de verre bleu, et, quelque temps après, un nécessaire d'ivoire, avec un dé de vermeil. Moins Charles comprenait ces élégances, plus il en subissait la séduction. Elles ajoutaient quelque chose au plaisir de ses sens et à la douceur de ***son foyer****. C'était comme une Poussière d'or qui sablait tout du long le petit sentier de sa vie» [Flaubert, эл.рес.];*

2) «Ensemble des personnes qui composent la famille (vivant sous le même toit); la vie familiale», например: «*Sabine, gâtée par la promiscuité de cette fille, poussée à tout, devenait l'effondrement final, la moisissure même* ***du foyer»*** *[Zola¹, эл.рес.]*; «*Elle t'a ensorcélé, dit la mère. Mariée à l'église ou pas, pour moi ça ne fait pas de différence. – Mais tu disais...Que le seul mariage valable est celui qui a été béni par Dieu ! – Je le pense toujours, mais je crois aussi aux lois des hommes. Tu brise* ***un foyer****, Fanfan !» [Arriba, 1989:108]*;

3) «Pays natal, domicile habituel» (чаще во мн.ч.), **Réintégrer ses foyers; rentrer dans ses foyers**.

Таким образом, выделяются следующие производно-номинативные значения лексемы **foyer:** среда обитания семьи, домашний очаг, семья, родина, при этом последнее значение, по всей видимости, является символическим. В целом, употребление данной лексической единицы в приведенных примерах актуализирует образ семьи как чего-то теплого, дающего жизнь и одновременно родного дома, где тебя всегда ждут близкие и дорогие люди.

Что касается второго анализируемого понятия **ménage,** обозначая «Ensemble des tâches domestiques (notamment organisation du budget, entretien du logement, du linge, préparation des repas) se rapportant à l'entretien d'une famille», оно обладает такими производно-номинативными значениями как:

1) «Cohabitation d'un couple uni légitimement ou non», **Entrer, se mettre en ménage; être heureux/malheureux en ménage**, **querelle, scène de ménage**. Например: «- *Peut-être! Mais non, reprit-elle, c'est* ***des querelles de ménage*** *qui doivent être ensevelies au fond du coeur. Ne vous le disais-je pas avant-hier? je ne suis point heureuse. Les chaînes d'or sont les plus pesantes» [Balzac[1], эл.рес.]; «Nous sommes mariés depuis 11 ans, mais on* ***était en ménage*** *depuis plus longtemps» [Figaro, 2001:32]*.

2) «Couple uni légitimement ou non». Например: «*Or, les cerisiers poussaient mal à la Vaubyessard, M. le Marquis demanda quelques boutures à Bovary, se fit un devoir de l'en remercier lui-même, aperçut Emma, trouva qu'elle avait une jolie taille et qu'elle ne saluait point en paysanne; si bien qu'on ne crut pas au château outrepasser les bornes de la condescendance, ni d'autre part commettre une maladresse, en invitant* ***le jeune ménage»*** *[Flaubert, эл.рес.]; «Georges Duroy partit pour Cannes le lendemain par le rapide de sept heures, après avoir prévenu* ***le ménage de Marelle*** *par un télégramme» [Maupassant[1], эл.рес.]*.

3) «Le couple et ses enfants, ou l'ensemble des personnes vivant dans un même foyer». Например: «*Sa maison haute de six étages, était peuplée par* ***vingt petits ménages*** *ouvriers et bourgeois, et il éprouva, en montant l'escalier, dont il éclairait avec des allumettes-bougies les marches sales où traînaient des bouts de papiers, des bouts de cigarettes, des épluchures de cuisine, une écoeurante sensation de dégoût et une hâte de sortir de là, de loger comme les hommes riches, en des demeures propres, avec des tapis» [Maupassant[1], эл.рес.]*.

Также описанные выше значения можно обнаружить в следующих фразеологических сочетаниях: **Faux ménage** – «неофициальный брак»; **Faire bon/mauvais ménage avec qqn** – «ладить/ не ладить с кем-либо», например: «*J'ai même trouvé moyen de lui apprendre que madame était votre cousine; que vous aviez quarante ans et elle trente-sept; que vous faisiez très bon* ***ménage»*** *[Zola[1], эл.рес.]*.

Итак, рассмотрев производно-номинативные значения **ménage,** можно обнаружить процесс метонимизации в цепочке последовательно актуализируемых сем: совместное проживание семейной пары > семейная пара > группа людей (чаще семейная пара и ее дети), ведущая совместное хозяйство.

Рассмотрим субстантивные единицы, номинирующие субъектов, составляющих семейную группу:

Père – «Homme qui a engendré, qui a un ou plusieurs enfants» (синонимы **papa** (разг.), **vieux**(арг., простореч.), **parent**, **paternel** (арг., простореч.), **pépère** (разг.)); **mère** – «Femme qui a mis au monde, élève ou élevé un ou plusiers enfants» (синонимы **maman**, **matrice** (шутл.), **parent**); **parents** – «Le père et la mère» (синонимы **père et mère**, **vieux** (разг.)) («человек» (СК «много») + «пол» (СК «мужской», СК «женский») + «связь» (СК «кровная») + «общее происхождение» (СК «нисходящая линия»)).

Enfant – «Etre humain sans différenciation du sexe dans les premiers années de sa vie»/«Fils ou fille» (синонимы **bébé**, **enfançon** (устар. и лит.) **enfantelet** (**enfantelette**), **fille**, **fillette**, **fils**, **gosse** (простореч.), **mignard** (простореч.), **petit**, **mioche** (фам.), **rejeton** (устар. и лит.).

К числу конституентов изучаемого семантического поля относятся следующие прилагательные:

familial 1 – «Relatif à la famille considérée comme une cellule sociale» («имеющий отношение» + «семья»);

familial 2 – «Qui a rapport, trait à la famille» («имеющий отношение»/ «характерный» + «семья»), **Demeure familiale, Repas familial, Vie familiale**;

familial 3 – «Intime, paisible, calme» («имеющий характер» + «сходство» + «семья»). Синонимом к этому ЛСВ выступает адъектив **domestique** – (о конкретных вещах) «Qui appartient à l’ environnement familial, au patrimoine».

parental – «Qui appartient aux parents qui leur est propre», например: **Autorité parentale**. Синонимами к этому прилагательному являются **maternel**

– «Qui physiologiquement et psychologiquement est propre à la mère, appartient ou est naturel à sa fonction et à son état» (это прилагательное встречается в следующих устойчивых словосочетаниях **Ecole maternelle** – «детский сад», **Langue maternelle** – «родной язык») и **paternel** – «Qui appartient au père, qui concerne le père».

enfantin – «Qui est propre à l'enfant».

Таким образом, к общим характеристиками поля «родительские отношения» на материале русского и французского языков относятся сходный состав ядерной и приядерной зон, наличие общих сем у ядерных конституентов.

К специфическим относятся следующие признаки. На уровне отдельных единиц поля стоит отметить существование ряда субстантивов лакунарных для сравниваемого языка: в русском языке – **семейность, семейственность**, во французском языке – **le foyer** и **le ménage.** Во французском языке выделяется большое количество устойчивых словосочетаний с компонентом famille.

3.4 Терминал «родственные отношения»

Обратимся к изучению культурологических особенностей взаимоотношений между родственниками, складывающимися в русском социуме. Социологами отмечается, что родственные связи отличаются прочностью и играют важную роль во внутрисемейных отношениях в русской культуре. О значимости родственных отношений косвенно свидетельствует очень сложная, разветвленная и многочисленная (более 90 единиц) терминосистема родства в русском языке.

Что касается аксиологического статуса отдельных слотов фрейма «родственные отношения», то наблюдается следующая картина.

Слот «дальнее родство / ближнее родство».

Дальнее родство, часто трудно устанавливаемое в силу чрезвычайно развитой парадигмы терминов родства в русском языке, нередко сопровождается отрицательными коннотациями, и проявлением негативных эмоций, демонстрирующих его фактическую несостоятельность: *Двоюродный кисель на троюродной воде; Нашему забору двоюродный плетень; Нашему самовару двоюродный подсвечник; Лучше добрые соседи, чем* ***далекая родня****; «Прошу любить старую тетку, - говорила она, целуя Володю в волосы, хотя я и* ***дальняя родня****, но я считаю по дружеским связям, а не по степеням родства, - прибавила она, относясь преимущественно к бабушке; но бабушка продолжала быть недовольной ею и отвечала: Э! Моя милая,* ***разве нынче считается такое родство»*** *[Толстой, 1982:50]*.

Люди, состоящие в родственных отношениях, могут принадлежать к разным социальным группам и иметь отличный от других материальный достаток. Однако родство в русской культуре «обязывает» их оказывать помощь и покровительство нуждающимся родственникам*: «Если вы живете в большом городе к вам регулярно приезжают* ***родственники****. Увы, жители большого города почти поголовно боятся этого» [Крестьянка, апрель, 2005:77]*; «*На нем повисла куча ее* ***родственников****, которых он не подписывался кормить» [Крестьянка, октябрь, 2005:21]*. Важным представляется отметить выраженную отрицательную коннотацию, присутствующую в данных контекстах. Повторяющиеся визиты родственников и вызываемые этим неудобства предстают источником фобии для большинства жителей мегаполисов. В другом случае родня жены воспринимается супругом как обуза. Чувства, которые он испытывает от наличия перспективы ее содержания, сравнимы с негативными эмоциями человека, заключившего сомнительную сделку. Об этом свидетельствует употребление в данном примере жаргонизма «он не подписывался».

Слот «кровное родство / некровное родство».

Родственники это также люди, породнившиеся посредством брачных отношений. Зачастую данная категория людей, являющихся в прямом смысле чужими для одного из супругов, остается чужой и в духовном понимании этого слова: *Жениха **родня**, как зубная боль; **Зять** мил по дочери, а сын постыл по **невестке**.*

Родственные отношения часто используются в корыстных целях с целью получения какой-либо выгоды, чаще материальной: *Пошел бы в племянники к богатому дяде*; *«Он выразился осторожно и сказал, что конечно, так как ему без секретаря не обойтись нельзя, то, разумеется, **лучше платить родственнику, чем чужому»** [Достоевский, 1983:34]*; «*Милая, милая Леночка! Посылаю к вам моего мальчика. Прямо **по-родственному приютите, согрейте** его как вы умеете делать… мне бы не хотелось, чтобы мальчуган, привыкший к семье, жил **у чужих людей**…» [Булгаков, 1962:28].* В последнем примере родственные отношения эксплуатируются со стороны провинциальной родни с определенной целью – заиметь бесплатное место проживания на неопределенный срок. Указанием на это служат выражение «приютите по-родственному» и упоминание о «чужих людях», ссылаясь на которых адресат идентифицирует себя как часть семьи адресанта, дает понять, что «мы свои, близкие люди».

В целом, доказательство того факта, что понятие родства является важным в архетипе русской культуры, может быть подтверждено так же выделенной в примерах оппозицией **родственник ≠ чужие.** Иначе говоря, каким бы дальним ни был родственник, и какими бы человеческими качествами он ни обладал, в нашем восприятии он имеет большую ценность, чем неродственник.

Однако в случае, когда речь идет о помощи близким родственникам, чаще всего родителей детям, такая ситуация воспринимается положительно: «*В Спартаке москвич только Егор Титов, а остальные из провинции. И все*

содержат не только свои семьи, а родителей, да еще помогают ***родным****. Я не знаю ни одного, кто бы ни помогал своим* ***родственникам****, которые остались на Родине» [Крестьянка, апрель, 2005:15]*. В данном контексте лексема **родственники** обладает положительной коннотацией, что сближает ее по эмоциональному восприятию с лексемой **родные**.

Различие в оценочных компонентах этих двух лексем более наглядно демонстрируется в следующем отрывке: «*Столичные жители боятся как огня приезда провинциальных* ***родственников****. Провинция более радушна, но все равно присутствием в доме* ***родни*** *люди теперь, как правило, тяготятся...* ***Родные*** *во время войны списывались, съезжались туда, где жизнь не была такая голодная, поддерживали друг друга» [Крестьянка, апрель, 2005: 19]*. В этом примере отмеченные лексические единицы имеют одну денотативную отнесенность, но отличаются оценочными компонентами. Автор высказывания сравнивает отношение к родственникам, противопоставляя два временных отрезка – «современность» и «период войны». Оценивая взаимоотношения на сегодняшний момент отрицательно, он использует лексемы **родственники, родня.** В третьем предложении, погрузившись в воспоминания, и приводя в пример, теплые отношения между родственниками как некий эталон, говорящий употребляет лексему потенциально более расположенную к положительной коннотации.

Родственная связь между людьми не всегда является гарантом добросердечных взаимоотношений между ними: *Иная* ***родня*** *только до черного дня; Коли есть* ***родня****, есть с ней и возня; Есть и братья у меня, да не свои – чужие*; «*– Бессовестный! – перебил Петр Иваныч, – а? Лиза! И не краснеет! А я как довожусь тебе, позволь спросить! – Вы ...****родственник****.*
– Важный титул! Нет, я думал больше» [Гончаров, 1980:182]. В данном случае в беседе, происходящей между племянником и дядей, статус родственника обижает и оскорбляет чувства последнего, поскольку сам факт

родства не подразумевает дружеских отношений и духовной близости между ними.

Вместе с этим жизнь в русском социуме предполагает наличие у индивида большого количества дружеских, приятельских контактов, с характерной высокой эмоциональной вовлеченностью в них. Поэтому часто русский человек идентифицирует своих друзей как «родных», что закреплено в таких паремиях как: *Крови не родной, а души одной; Не брат, не* ***родня*** *– лишь бы добр до меня.* И в литературном контексте: «*С этого дня между княжной Марьей и Наташей установилась та страстная и нежная дружба, которая бывает только между женщинами. Они беспрестанно целовались, говорили друг другу нежные слова и большую часть времени проводили вместе...* ***Между ними установилось чувство сильнейшее, чем дружба: это было исключительное чувство возможности жизни только в присутствии друг друга»*** *[Толстой Т. 3-4, 1984:459]*. Несмотря на то, что в последнем примере отсутствует лексическая единица **родные,** на наш взгляд ее понятийное содержание выражено в полной мере.

Объединение всех родственников происходит при важных событиях в жизни всей семьи: рождение ребенка, смерть члена семьи, заключение брака и т.п.: «*Обязательно приглашу на новоселье всех своих* ***многочисленных родственников*** *и друзей» [Крестьянка, июль, 2005:10]*; «*Кстати, потом я устроила встречу в Чикаго, куда пригласила* ***всех родственников*** *и по «белой», и по «черной» линии» [Крестьянка, январь, 2005:12]*. А также мнение родственников является значимым для принятия важных семейных решений, например рассмотрение завещания или предстоящая женитьба, как в следующих примерах: *«– Пьер, подойдите сюда, мой друг. Я думаю, что вы не лишний в* ***родственном совете****...» [Толстой Т. 1-2, 1984: 102]*; «*Это были настоящие смотрины, собрались вся семья, все* ***родственники»*** *[Крестьянка, сентябрь, 2005:14]*.

Представляется важным отметить наличие разновекторных семантических компонентов в семантической структуре лексем **родственники** и **родные.** В первом случае это СК – «большое количество представителей», выражающийся в приведенных примерах посредством прилагательного *многочисленные* и упоминанием двух линий родства. В семантике лексемы **родные** содержится СК «малое количество представителей»: «*В День именин Элен у князя Василия ужинало* ***маленькое общество людей самых близких****, как говорила княгиня, –* ***родные и друзья»*** *[Толстой Т. 1-2, 1984:254]*. Помимо представленного отрывка реализацию этого СК можно проследить в устойчивом выражении **в кругу родных,** которое передает ограниченность представителей данной категории людей. А. Вежбицкая для характеристики содержания данного понятия использует образ «бытийного гнезда», в котором родные человека дают ему экзистенциальную и эмоциональную поддержку, закладывают основы ориентации и связей на всю последующую жизнь [Вежбицкая, 2001:137].

Прейдем к анализу терминала «родственные отношения» во французском языке.

Слот «дальнее родство / ближнее родство»

В ходе исследования были обнаружены следующие пословицы и поговорки, в которых актуализируется следующая идиоэтническая информация:

De mal fièvre se sent saisi, qui n'a dernier ***parent*** *n'ami* – дискомфортное состояние одиночества для индивидуума, не имеющего родственников и друзей;

Bonne amitié, excuse ***parenté****; Il n'est si bon* ***parent*** *qu'un bon ami; Il n'y a meilleur* ***parent****, que l'ami fidel et prudent* – данные паремические единицы демонстрируют большую значимость дружбы, доброжелательных отношений, духовных связей между людьми, чем отношений кровного родства. Примерно тем же смыслом обладают пословицы *Mieux vaut bon*

prochain voisin, que ***parent lointain*** *ne cousin; Mieux vaut prochain ami que* ***lointain parent****; Mieux vaut un bon voisin, qu'un* ***mauvais parent****; Mieux vaut un proche voisin, qu'un* ***lointain parent****.* В данном случае добрососедские отношения ценятся выше, чем отношения с дальними родственниками. Так же обнаружена одна пословица, в которой «добрый сосед» ценится выше «близкого родственника»: *Il vaut mieux un bon voisin proche, qu'un proche* ***parent****.*

Родственные отношения могут использоваться в корыстных целях, в особенности тогда, когда речь идет о богатых родственниках, которые могли оставить наследство – *Ceux qui ont quelque chose à leguer, ont tous assez* ***parenté****;* оказать финансовую поддержку – *À l'opulent chacun est* ***parent****; Au riche et opulent, chacun est ami et* ***parent****; Chacun est ami et* ***parent****, du prospère et opulent; Du riche prospère et opulent, chacun est cousin et* ***parent****.*

В период Нового времени протекция родственника, имевшего связи при дворе была незаменима для «карьерного роста» молодых людей, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из художественной литературы:

«Sa tante, madame de Marcillac, autrefois présentée à la Cour, y avait connu les sommités aristocratiques. Tout à coup le jeune ambitieux reconnut, dans les souvenirs dont sa tante l'avait si souvent bercé, les éléments de plusieurs conquêtes sociales, au moins aussi importantes que celles qu'il entreprenait à l'Ecole de Droit; il la questionna sur les liens de parenté qui pouvaient encore se renouer. ***Après avoir secoué les branches de l'arbre généalogique, la vieille dame estima que, de toutes les personnes qui pouvaient servir son neveu parmi la gent égoïste des parents riches, madame la vicomtesse de Beauséant serait la moins récalcitrante****. Elle écrivit à cette jeune femme une lettre dans l'ancien style, et la remit à Eugène, en lui disant que, s'il réussissait auprès de la vicomtesse, elle lui ferait retrouver ses autres parents.* ***Quelques jours après son arrivée, Rastignac envoya la lettre de sa tante à madame de Beauséant. La vicomtesse répondit par une invitation de bal pour le lendemain»*** *[Balzac[1], эл.рес.].*

Слот «кровное родство / некровное родство».

Что касается соотношения кровного/некровного родства, то социологами указывается, что в XVIII-XIX веках во Франции родственники нередко брали на себя заботу о племянниках-сиротах, чье положение в семье было не ниже родных детей, например: «***Parente éloignée de la mère de Victorine, qui jadis était venue mourir de désespoir chez elle, madame Couture prenait soin de l'orpheline comme de son enfant.*** *Malheureusement la veuve du Commissaire-Ordonnateur des armées de la République ne possédait rien au monde que son douaire et sa pension; elle pouvait laisser un jour cette pauvre fille, sans expérience et sans ressources, à la merci du monde. La bonne femme menait Victorine à la messe tous les dimanches, à confesse tous les quinze jours, afin d'en faire à tout hasard une fille pieuse» [Balzac², эл.рес.]*.

О распространенности этого явления косвенно свидетельствуют подробная разработанность во французском законодательстве института опекунства и существование специальных органов контроля – опекунских советов. Опека над обездоленными родственниками поднимало авторитет этой семьи в общественном мнении и соответствовало представлениям о христианском долге и благотворительности, особо распространенном среди женщин [Любарт, 2005:142]. И сегодня подобное отношение к усыновлению ребенка-родственника сохраняется.

Изучение терминала «родственные отношения» фрейма «Семья», реализующего образную составляющую концепта в русской и французской культурах, делает возможным представить следующие выводы.

Для русской и французской лингвокультур характерна ценность контактов с близкими родственниками, хотя их состав отличается в рассматриваемых социумах. Если для французских носителей круг близких родственников, как правило, ограничивается членами нуклеарной семьи (отец, мать и их дети), то для представителей российского общества к числу близких родственников относится старшее поколение.

Примечательно, что в обеих культурах выявляется потенциально негативное отношение к дальним родственникам. Однако в русском социуме отмечается приоритетное отношение к родственнику вне зависимости от степени родства по сравнению с человеком, не имеющего этого статуса.

В сопоставляемых культурах одинаково возможно использование родственных связей для карьерного продвижения, личного обогащения, и получения каких-либо услуг, но в лексико-семантической системе русского языка присутствуют лексические единицы, передающие это значение: **родственность, семейственность,** лакунарные для французского языка.

Соотношение кровного и некровного родства схоже для сравниваемых культур: ценность добрых, дружеских чувств между людьми, не являющихся родственниками, выше, чем неприятельские отношения между родными.

3.5 Терминал «брачные отношения»

Рассмотрим культурологические особенности терминала «брачные отношения» в системе ценностей русской ментальности на материале паремических единиц, литературных текстовых фрагментов и данных публицистики. Брачная пара, заключившая союз, представляет собой новую общественную единицу, органично вплетенную в культурогенную систему социума. Следовательно, формирование внутренних взаимоотношений партнеров происходит под влиянием национально-культурных поведенческих установок сообщества, которые не могут существовать вне семантической парадигмы национального языка.

Слот «брак»

Брак в традиционной русской культуре представляется несомненной ценностью: *Здоровье – первое богатство, а второе – счастливое* ***супружество***. *Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки* – кошка (как образ жены) метафорически означает уют в доме, а собака (как

образ мужа) передает идею защищенности от внешней потенциально недоброжелательной действительности, общий же смысл поговорки заключается в порицании безбрачной одинокой жизни.

Принципиальным культурологическим отличием брачных отношений, потенциально выраженным в лексической системе русского языка, является иерархически построенные отношения супругов, в которых доминирующее положение занимает мужчина. Женщину *отдают/выдают замуж*, она (живет) *замужем* – префикс *за*, и значение глаголов передают пассивность роли женщины в процедуре бракосочетания и супружеской жизни, тогда как мужчина *берет замуж, женится,* то есть действует активно. Единственной лексической единицей в русском языке, предполагающей равноправие партнеров в браке является *супружество* от древнерусского *супруг(а)* – «упряжка» [Фасмер, 1987:805]. В данном случае образ упряжки представляет метафору семейной жизни, которую словно телегу тянут муж и жена, работа которых абсолютно равнозначна. Подобное положение неравенства является традиционным и исторически обусловленным, однако в последнее время в российском обществе женщины все больше играют активные социальные роли и стремятся к эгалитарным отношениям в семье: *«Просто я теперь знаю, что не хочу больше замуж, не хочу быть замужем, а хочу быть в* ***супружестве*** *с человеком, которого буду любить» [Крестьянка, октябрь, 2005:73]; «Влюбляйся, говорили мне, – но серьезные отношения, только, когда станешь кем-то, замужество должно быть союзом равных партнеров» [Крестьянка, январь, 2005: 12]*. В данных текстовых фрагментах можно отметить и моральный аспект супружества как союза равновеликих личностей, и материальный аспект – брак, как отношения, в которых супруги профессионально относительно равны.

Данные пословичного материала вслед за текстовыми фрагментами демонстрируют пассивность и второстепенность роли женщины в бракосочетании в традиционной русской культуре: *Не всякий жених, кто*

посватался; Не всякий женится, кто присватается. Выявлена только одна паремическая единица, характеризующая брак со стороны будущей жены, – ***Замужество**, что жребий: кто что вытащит.* Вполне закономерно, что в патриархальной системе ценностей благополучие предстоящей супружеской жизни для женщины предопределяется фатумом. После обряда бракосочетания для девушки начиналась новая жизнь, в которой она уже являлась частью семьи мужа – *Выбранная **замуж** – отрезанный ломоть,* и эта новая жизнь не всегда была счастливой: *В девках сижено – горе мыкано, замуж выдано – вдвое прибыло.*

Традиционно в русском культурном пространстве брак заключался один раз, и повторный брак был возможен только после смерти одного из супругов. Расторжение брака для молодых людей, прошедших церковный обряд венчания, было недопустимо: ***Жениться** – на век заложиться; Дай бог – с кем венчаться, с тем и кончаться; **Женитьба** есть, а разженитьбы нет; Дай бог раз **жениться**, раз креститься и раз умирать*; *Милый дружок – на месяц, а муж – на всю жизнь.*

Обряд бракосочетания в русской традиции являлся ярким событием, в котором принимало участие большое количество людей, а потому свадьба была широко обсуждаема: ***Жениться** – за углы не хорониться, будь весь на виду; Всякую **свадьбу** три дня хвалят да три дня хают.* Свадебный обряд состоял из множества элементов (девичник, сговор, первый и второй день свадьбы и т.п.), поэтому торжество могло праздноваться длительное время: *Добрая **свадьба** – неделю.* Свадьба отличалась размахом, и сопровождается весельем, иногда приводящим к казусным ситуациям: *Красны похороны плачем, а **свадьба** – песням; **Свадьба** без дива не бывает; **Свадьба** без пороку не бывает.*

В русском культурном пространстве принято участвовать в жизни своих родственников и друзей, в том числе и «заниматься устройством» их личной жизни: *«Женщины страх как любят женить мужчин; иногда они*

видят, что брак как-то не клеится и не должен бы клеиться, но всячески помогают делу. Им лишь бы устроить свадьбу, а там новобрачные как себе хотят» [Гончаров, 1980: 224].

Слот «жених / невеста»

Следующие пословицы служат своего рода предостережением для молодого человека, намеренного вступить в брак, и призывают его к ответственности, взвешенности принятия решения: ***Женитьба*** *не гоньба, поспеешь;* ***Жениться*** *– не лапоть надеть;* ***Женись*** *не торопись: хорошо – наживешься, худо – наплачешься;* ***Жениться*** *– легко ошибиться;* ***Жениться*** *не все веселиться;* ***Жениться*** *не напасть, как бы, женившись не пропасть*; и, в противном случае поспешности бракосочетания, предупреждают о незавидных последствиях: ***Женился*** *на скорую руку да на долгую муку; Кто* ***женится*** *скоро, у того редко бывает в доме споро;* ***Женился*** *скоро, да на долгое горе; Брал жену денечек, а плакал годочек; Свадьба скорая что вода полая.*

Жениться *– перемениться;* ***Жениться*** *– переродиться* – в данных пословицах подчеркивается важность вступления в брак для мужчины, для которого это событие есть в каком-то смысле переломный момент, после которого он обретает новый статус главы семьи.

В связи с этим вопрос о выборе брачного партнера представлялся серьезным моментом и в этом случае поощряется самостоятельность жениха в принятии решения: *Всякий выбирает невесту по своему разумению; По себе дерево руби, по себе жену бери; Невесту выбирай собою, а не Федулом да Фомою; Где кому любо* ***жениться****, тот там и женись.*

Девушка могла только повлиять на решение родителей о возможном браке и впоследствии ответственность этого шага лежала на ней: *Выбрала молодца, так уж после не пеняй на отца; Любо – так к венцу, не любо – к отцу.*

При выборе будущего супруга не приветствуется излишняя придирчивость: *Много невест разбирать, так женатому век не бывать; Все выбирать – женатым не бывать; Долго выбирать – замужем не бывать.*

Выявлены также паремические единицы, представляющие собой советы жениху по выбору возможной супруги, в которых можно выделить определенные ее моральные качества: трудолюбие – *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде; Гляди невесту не в народе, а в ляде (пашне); Не ищи жену модницу, а ищи заботницу;* доброта – *Бери жену добрую, ищи друга честного;* красота внутреннего мира – *Выбирай жену не глазами, а ушами;* целомудрие – *Не богатство, а честь невесту красит.* Чувство взаимной симпатии и любви также имели значение: *Бери жену не каяться, жить в любви да не маяться; На немилой жениться – сердце озлобится.* Выявлена одна пословичная единица, где в качестве критерия выбора будущей супруги указывается ее материальный достаток: *Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога.*

В пословицах, являющихся рекомендациями девушкам по выбору жениха, демонстрируется приоритет чувства, которым должна руководствоваться невеста: *За богатство пойдешь – добра не найдешь; За красивого пойдешь – лиха наживешь; За немилого идти – горя не снести; За плохим жить – только век дожить; За любимого идти – счастье найти.* Указывается второстепенность внешней красоты жениха в сравнении с его характером, моральными качествами: *Жениха не смотрят глазами, а слушают ушами; Яр муж не благообразен.*

В литературных отрывках нередко отношение к браку как сделке, при заключении которой чувства являются помехой: *«Конечно, ни с ее, ни с его стороны особенной любви тут нет, но Дуня, кроме того что девушка умная, - в то же время и существо благородное, как ангел, и за долг*

поставит себе составить счастье мужа, который в свою очередь стал бы заботиться о ее счастье» [Достоевский, 1983: 33];

«– Я думал, что супружества без любви не должно быть.

– Супружество супружеством, а любовь любовью, - сказал Петр Иваныч.

– Как же жениться … по расчету?

– С расчетом, а не по расчету» [Гончаров, 1980:89].

И на современном этапе существования российского лингвосоциума такой подход становится все более распространенным: *«Сегодня женихи и невесты по-другому смотрят на брак. Не так романтично, как в свое время смотрели их родители. Хотя, оговорюсь, есть и сегодня люди, вступающие в брак по любви и живущие вместе до старости, хочется в это верить. Но для основной массы брак – это приобретенное удобство, экономическое, потому что жить вместе дешевле. Психологическое: «Мне с ней удобнее»» [Крестьянка, февраль, 2005: 18]*. Кроме того продолжает развиваться механизм брачного контракта, хотя обращение к нему происходит не так часто как в западном обществе, и характерно для определенных социальных кругов (шоу-бизнес, финансовая элита): *«Все-таки женщина тоже может выставить при заключении брака свои условия – у нас появился институт брачных контрактов. Теперь без контрактов обеспеченные мужчины и не женятся. Он хочет обезопасить свой бизнес и капитал в случае развода. Она хочет гарантии для себя и будущего ребенка» [Крестьянка, октябрь, 2005: 22].*

Традиционно на Руси мужчина в брачной паре был старше женщины, ранние браки не приветствовались, равно как и союзы неравные по возрасту:

*Молодому **жениться** рано, а старому – поздно; У старого мужа молодая жена – чужая корысть; Не откладывай работу на субботу, а **женитьбу** – на старость; Не надолго старый **женится**: либо сам умрет, либо жена уйдет; На молодой **жениться** – с молодцами не водиться.*

Слот «муж / жена»

Традиционные отношения в русской семье между мужем и женой можно оценить как приверженность к патриархальному типу, в котором позиции главы семьи занимает мужчина: *За мужниной спиной, как за каменной стеной; За мужнину жену есть кому вступиться; Не та счастлива, что у отца, а та, что у мужа; Дом стоит хозяином.* В традиционном обществе женщина, овдовев, чувствовала себя незащищенной: *Жена без мужа – что хомут без гужа; Без мужа жена всегда сирота.* Впрочем, и мужчина с потерей жены заслуживал сочувствия: *Муж без жены пуще малых деток сирота; Муж без жены, что гусь без воды; Без жены, что без шапки.*

В традиционной модели русской семьи наблюдается четкое разделение социальных ролей: муж – кормилец, защитник; жена – хозяйка, мать. Подобное разграничение демонстрируется в следующих паремиях: *Баба да кошка в избе, а мужик да собака на дворе; Без жены дом – содом; Добрая жена дом сбережет, а худая – рукавом растрясет; Без мужа, что без головы, а без жены, что без рук.*

Примечательно, что иерархическая модель не распространялась на межличностные отношения между супругами. В этой сфере жена могла быть достойным партнером своему мужу: *Муж да жена – одна душа; Муж да жена – одна сатана; Два сапога пара (о супругах); Жена красна мужем, а муж – женой, да детьми; Муж жене отец, а жена мужу венец;* другом, который поможет в трудную минуту советом и делом: *Где муж не может; там жена поможет; Добрая жена мужа на ноги поставит, а злая и щей на стол не поставит; Жена мужу – подруга, а не прислуга; Без мужа, что без головы, без жены, что без ума;* а могла и подчинить его себе: *Жена не башмак, с ноги не снимешь; Жена не рукавица: с руки не смахнешь, за пояс не заткнешь; Жена не седло со спины не скинешь; Взял жену забудь тишину.*

Благополучие семейной жизни, гармоничная атмосфера в доме зависели от жены, ее терпения и мудрости: *Доброю женою и муж честен; Добрая жена веселье, а плохая – злое зелье; Доброй жене домоседство не мука; Красна пава пером, а жена нравом; Всех злее злых злая жена.* На что муж отвечал своим вниманием и заботой: *Всякому мужу своя жена милее; Своя жена – своя и краса; Всего милее у кого жена белее.* В случае возникновения семейных трений между супругами предпочтительно было не вмешиваться, предоставив возможность мужу и жене самим разрешить конфликт: *Жену с мужем бог разбирает; Жену с мужем некому судить, кроме бога; Муж с женой ругайся, а третий не мешайся.*

Итак, традиционный образ «идеальной жены» по мнению А.В. Сергеевой можно ассоциировать с героиней сказок Василисой Премудрой, которая красива, умна и выполняет по просьбе мужа сложнейшие задачи, оставаясь в тени мужа [Сергеева, 2003: 106]. Примечательно, что национальные стереотипы актуальны и в наше время. Согласно статистическим опросам российские мужчины, перечисляя важные качества будущей супруги, называют: ум (27%), сексуальность (26%), доброта (24%).

В современном российском обществе традиционная модель супружеских отношений сохраняется, что выражается в «системе приоритетных возможностей для мужчин» [Сергеева, 2003: 107]. Речь идет о том, что, несмотря на высокий социальный статус, который может иметь женщина (уровень образования, высокий пост и т.п.), в семье она сохраняет роли хозяйки и матери. Действительно, в большинстве российских семей родительские и бытовые заботы лежат на плечах жены. В качестве одного из факторов сохраняющих такой тип отношений можно считать экономическую зависимость женщины, поскольку в современной действительности именно муж чаще всего обеспечивает большую часть семейного бюджета.

Обратимся к рассмотрению терминала «брачные отношения» на материале французской лингвокультуры.

Заключение брачного союза во французском обществе на протяжении длительного времени расценивалось как явление естественное и необходимое, хотя отношение к нему менялось в зависимости от распространенных в то, или иное время воззрений [Любарт, 2005:90]. Однако в целом, брак признавался нормой существования семьи в обществе, а также признаком возрастной, моральной и юридической самостоятельности личности. Бракосочетание означало вступление молодой пары на легитимный, признанный социумом путь к добродетельной, добропорядочной жизни.

Слот «брак»

Перейдем к культурологической оценке феномена «брак» во французском лингвосоциуме. В культурном пространстве французского общества взаимоотношения мужа и жены можно охарактеризовать как более чем партнерские, хотя исторически подобное соотношение социальной активности супругов эволюционировало из традиционного патернального брака. Французские глаголы *marier* и *se marier* имеют в качестве этимологического источника латинскую единицу *maritare*. *Maritare* как активный глагол означал «соединять в пару», а как непереходный глагол употреблялся скорее в отношении мужчины, чем женщины [Бенвенист, 19995:165]. Данные значения наследуются лексическими единицами французского языка и далее в ходе расширения значения приобретают новые ЛСВ: «contracter mariage» (при субъекте ед.ч.), регистрируемый с 1170 года, и «s'unir par le mariage» (при субъекте мн.ч.), фиксируемый с 1220 года [LTLFI]. Стоит отметить отсутствие ограничительных сем «пол человека» в семантической структуре данных единиц, релевантных для русской лингвистической культуры.

Женитьба в ментальном пространстве населения Франции представлялась одним из ключевых жизненных моментов, который определял дальнейшее существование индивида в обществе, и являлся проявлением естественной потребности человека: *Désir de **se marier** et de vivre longtemps tourmente tout Jean et Catherine, ils sont mariés, ils vivent longtemps tous voudraient revenir sur leur pas; Envie de **se marier** et de vivre longtemps tourmente tout Jean et Catherine, ils sont mariés, ils vivent longtemps tous voudraient revenir sur leur pas; Il vaut mieux **se marier** que brouter sur les autres; Mieux vaut péter que crever et **se marier** que de se brûler; La mort et **mariage** dépecent tout.* Жизнь в супружестве казалась залогом благополучия *Le jour du **mariage** est le lendemain du bien être;* и одним из факторов обеспеченной старости: *L'argent et l'épouse sont nécessaire pour la vieillesse.* Отношение общества к людям, не образующим семью, было в целом, отрицательным: *La fille se fait dévote, quand elle ne peut **se marier;** Mal **se marier**, mal **se pas marier.***

Бракосочетание становилось социально значимым событием, которое вызывало интерес со стороны окружающих и часто провоцировало пересуды: *Celui qui va **se marier** met son dos au jour; Celui qui va **se marier** met son cul dans sa vue; Il faut mourir pour qu'on dise du bien et **se marier** pour qu'on dise du mal; Il faut mourir pour se faire regretter il faut **se marier** pour se faire mépriser; Il faut mourir pour être loué et **se marier** pour être décrit; Il faut **se marier** pour se faire critiquer; Il faut **se marier** pour se faire à blâmer, il faut mourir pour se faire à louer.*

Косвенно о значимости брака для исследуемой языковой культуры свидетельствует достаточное число паремических единиц, представляющих собой своего рода установок или примет, соблюдение которых способствовало в «наивном представлении» счастливой семейной жизни: *Amourettes de janvier, pour Pâques **mariage**, pour Noël langes; Beau temps le jour du **mariage**, bonheur certain jusqu'au grand âge; De **marriage** en mai ne*

naissent que des filles; ***Mariage*** *du lundi au bout d'un an ou un enfant ou un decès;* ***Mariage*** *du mois de mai fleurit tard ou jamais;* ***Mariage*** *en août enfants morveux;* ***Mariage*** *de mai ne fleurit jamais;* ***Mariage*** *entre parents vie courte et longs tourments.*

Также о важности брака для французского общества можно судить по большому количеству номинаций союза, описанных выше, а также по хорошо сформированным нормам семейного права: Франция стала страной, где впервые была введена гражданская форма брака (1803 год), позже был узаконен развод, который был возможен как по вине одного из супругов, так и по взаимному согласию [Любарт, 2005:86].

На отношение к браку во французской культуре повлияла сословная раздробленность общества, которая сужала возможность выбора партнера. Образовывались даже своеобразные «брачные круги» внутри некоторых социальных групп населения. Хорошим признавался выбор, при котором молодая пара составлялась из двух равноценных в социальном отношении супругов. Но для каждой отдельной семьи было характерно стремление не только сохранить свое положение в обществе, но и повысить его: *Il faut naître pour être joli,* ***se marier*** *pour être riche et mourir pour être honnête; Il faut naître pour être joli,* ***se marier*** *pour être riche et mourir pour être bon; Pour être beau il faut naître, pour être riche il faut* ***se marier,*** *pour être brave il faut mourir.*

В связи с важностью земельного фактора среди крестьянского населения Франции наблюдалась предпочтительность, оказывавшаяся бракам с людьми из одной и той же местности – своей деревни или близлежащих селений: *Celui qui va* ***se marier*** *au loin ou il est trompé ou il va tromper; Qui va loin* ***se marier*** *sera trompé ou veut tromper; Qui va* ***se marier*** *au loin ou est trompé ou va tromper; Celui qui va* ***se marier*** *au loin le fait par nécessité.*

В случае, когда разница в имущественном или социальном положении мужа и жены была очевидна и достаточно велика, говорили о мезальянсе

(**mésalliance**) – «alliance par mariage entre deux personnes dont l'une est jugée de condition inférieure». Например: «*Raymon était un homme d'intelligence exacte, et il se méfiait plus qu'un autre de la coquetterie des femmes; plus qu'un autre il haïssait l'égoïsme, parce qu'il savait qu'il n'y avait là rien à recueillir pour son bonheur. Et puis Raymon était aussi embarrassé pour le choix d'une femme que pour celui d'une couleur politique. Les mêmes raisons lui imposaient la lenteur et la prudence. Il appartenait à une haute et rigide famille qui ne souffrirait point de* ***mésalliance****, et pourtant la fortune ne résidait plus avec sécurité que chez les plébéiens. Selon toute apparence, cette classe allait s'élever sur les débris de l'autre, et, pour se maintenir à la surface du mouvement, il fallait être le gendre d'un industriel ou d'un agioteur. Raymon pensa donc qu'il était sage d'attendre de quel côté viendrait le vent pour s'engager dans une démarche qui déciderait de tout son avenir» [Sand, эл.рес.]*. В данном отрывке описывается персонаж Реймон, происходящий из знатной семьи, для которого ситуация выбора будущей жены осложнена сословными условностями – его супруга не должна принадлежать более низкой по положению социальной группе. Также в данном примере можно проследить прогрессивные веяния того времени, когда мысль о возможном мезальянсе не пугает Реймона, а является лишь трезвым предположение о лучшей устроенности своего будущего. Среди главных недостатков неравного союза – приниженное положение того супруга, чей статус повышался вследствие этого союза. По свидетельству социологов таковым партнером чаще оказывался муж [Любарт, 2005:117]. Об это свидетельствуют следующие пословичные единицы: *Qui* ***se marie*** *par intérêt de sa femme est la valet; A la maison de la femme riche, elle commande et elle crie; Si voulez vraiment être le maître, prenez une femme moindre; Garçon si tu veux vivre sûr n'****épouse*** *pas une fille au dessus de toi.*

В социальной среде среднего класса (les bourgeois) брак рассматривался как своего рода «сделка» [Любарт, 2005:91]. Для заключения союза изучалось финансовое состояние семей со стороны жениха и невесты,

оговаривались вопросы приданого, составлялся брачный контракт: «*Le marquis de Rouvray, fort jeune aussi, avait tout l'amour niais qui prend un homme qui, faisant un* ***mariage de convenance uniquement arrangé par les notaires****, trouve une personne parfaitement belle» [Stendhal, эл. рес.]*. В следующем текстовом фрагменте возможно проследить жертвование молодым человеком своими чувствами, любовью к своей кузине, ради выгодной партии с наследницей богатой и титулованной семьи. Подобный союз гарантирует молодому юноше положение в обществе, титул, должность при дворе и финансовое благополучие: «*Aussi, ne veux-je pas trahir une amitié sacrée pour moi; non, je ne dois point vous tromper. Il s'agit, en ce moment, pour moi,* ***d'une alliance*** *qui satisfait à toutes les idées que je me suis formées sur le mariage. L'amour, dans le* ***mariage****, est une chimère. Aujourd'hui mon expérience me dit qu'il faut* ***obéir à toutes les lois sociales et réunir toutes les convenances voulues par le monde en se mariant****. Or, déjà se trouve entre nous une différence d'âge qui, peut-être, influerait plus sur votre avenir, ma chère cousine, que sur le mien. Je ne vous parlerai ni de vos moeurs, ni de votre éducation, ni de vos habitudes, qui ne sont nullement en rapport avec la vie de Paris, et ne cadreraient sans doute point avec mes projets ultérieurs. Il entre dans mes plans de tenir un grand état de maison, de recevoir beaucoup de monde, et je crois me souvenir que vous aimez une vie douce et tranquille. Non, je serai plus franc, et veux vous faire arbitre de ma situation; il vous appartient de la connaître, et vous avez le droit de la juger. Aujourd'hui je possède quatre-vingt mille livres de rente. Cette fortune me permet de* ***m'unir à la famille*** *d'Aubrion, dont l'héritière, jeune personne de dix-neuf ans,* ***m'apporte en mariage son nom, un titre, la place de gentilhomme honoraire de la chambre de Sa Majesté, et une position des plus brillantes.*** *Je vous avouerai, ma chère cousine, que* ***je n'aime pas le moins du monde mademoiselle d'Aubrion****, mais,* ***par son alliance, j'assure à mes enfants une situation sociale dont un jour les avantages seront incalculables****: de jour en jour, les idées monarchiques reprennent faveur. Donc, quelques années plus tard, mon fils, devenu marquis*

d'Aubrion, ayant un majorat de quarante mille livres de rente, pourra prendre dans l'Etat telle place qu'il lui conviendra de choisir» [Balzac [1], эл.рес.].

Достаточно часто в буржуазном и дворянском сословиях брак рассматривался как социальная необходимость, ограниченичивающая личную свободу, в частности для мужчины: *Le **mariage** est la corde au cou donne à tirer à l'amour qui attache homme à la femme; **Mariage** – corde à tout âge cornes.* Однако, если брачный союз не оправдывал ожиданий супругов, то имелось немало средств для каждого из них вести независимый образ жизни: *Mademoiselle de Nangy était donc bien résolue **à subir le mariage comme une nécessité sociale; mais elle se faisait un malin plaisir d'user de cette liberté qui lui appartenait encore, et de faire sentir quelque temps son autorité à l'homme qui aspirait à la lui ôter.** Point de jeunesse, point de doux rêves, point d'avenir brillant et menteur pour cette jeune fille condamnée à subir toutes les misères de la fortune [Sand, эл.рес.].*

М.К. Любарт указывает, что отношение к браку людей творческих или представителей свободных профессий значительно отличалось от того, что почиталось в буржуазной среде [Любарт, 2005:93]. В этом социальном слое легитимный брак не пользовался уважением. Вступление в официальный брак считалось обузой, особенно для женщины, которая попадала в экономическую зависимость от супруга. Альтернативой законному супружеству были внебрачные связи, длительные неоформленные союзы: *Boire et manger, coucher ensemble c'est le **mariage** ce me semble; «Je ne crois pas avoir jamais rien écrit sous l'influence d'une passion égoïste; je n'ai même jamais songé à m'en défendre. Ceux qui m'ont lu sans prévention comprennent que j'ai écrit Indiana avec le sentiment non raisonné, il est vrai, mais profond et légitime, **de l'injustice et de la barbarie des lois qui régissent encore l'existence de la femme dans le mariage, dans la famille et la société.** Je n'avais point à faire un traité de jurisprudence, mais à guerroyer contre l'opinion; car c'est elle qui retarde ou prépare les améliorations sociales. La guerre sera longue et rude; mais*

je ne suis ni le premier, ni le seul, ni le dernier champion d'une si belle cause, et je la défendrai tant qu'il me restera un souffle de vie» [Sand, эл.рес.].

Что касается моральной стороны отношения к браку, то в целом во французской лингвокультуре наблюдается тенденция к разделению чувств, любви и супружеских взаимоотношений, что можно проследить в таких паремических единицах как: *Le* ***mariage*** *est toujours le tombeau de l'amour; Il vaut mieux voller en amour qu'en* ***mariage;*** *Le* ***mariage*** *est toujours un sacrement qui abolit bien des gens; Entre* ***marriage*** *et regret il n'y a que l'épaisseur d'une haie, si l'on y regarde de près il n'y a que l'épaisseur d'un sabot.* Брак по любви оценивается негативно: ***Mariage*** *d'amour bonnes nuits mauvais jours;* ***Mariage*** *d'amour marriage d'un jour;* ***Mariage*** *d'amour vie de douleur; Le* ***mariage*** *d'amour et le repentir sont de la même année; Le* ***mariage*** *fait par amourettes, et le repentir, naissent tous deux en une même année.* А также в текстовом примере: «*Etrange effet du* ***mariage****, tel que l'a fait le XIXe siècle!* ***L'ennui de la vie matrimoniale fait périr l'amour sûrement, quand l'amour a précédé le mariage****. Et cependant, dirait un philosophe, il amène bientôt, chez les gens assez riches pour ne pas travailler, l'ennui profond de toutes les jouissances tranquilles. Et ce n'est que les âmes sèches, parmi les femmes, qu'il ne prédispose pas à l'amour» [Stendhal, эл.рес.].*

Однако выявлен ряд пословиц, в которых наоборот порицается материальный аспект брачного союза, а любовь признается его важным условием: ***Mariage*** *d'argent,* ***mariage*** *de rien;* ***Mariage*** *d'intêret n'est jamais heureux; Argent fait rage, amour fait* ***mariage****; Argent fait rage et amour* ***mariage****; Le* ***mariage*** *n'empeche pas la tendresse; On dort avec* ***l'épouse*** *et non avec la fortune.*

Свадьба, равно как и другие значимые церемонии – крещение, отпевание усопшего, носила ритуальный характер, выражавшийся в четком следовании этикетных норм и правил. В паремических единицах закреплены некоторые из них: *A baptême et* ***marriage*** *ne vas pas si tu n'es pas invite; Au*

mariage *du fille qui ne t'y invite pas ne t'y veut pas; Qui va à la noce sans être invité s'en retourne sans diner; Celui qui va à la* ***noce*** *doit sembler un jeune marié.* Следующие пословицы отражают бытовые сцены, характерные для бракосочетания: *A la* ***noce****, c'est la jeune mariée qui mange le moins; Beau chanteur n'est bon qu'à une* ***noce;*** *Celui qui va à la* ***noce*** *sans être invité est difficile à rassasier; La veuve pleure et les autres rient à la* ***noce.***

Расторжение брака стало возможным во Франции начиная с XIX века, что автоматически повлекло за собой официальное признание повторных союзов, которые могли с учетом предыдущего опыта оказаться удачными: *A la première* ***noce*** *les douleurs, à la seconde les amours; A la première* ***épouse*** *les douleurs, à la deusième les honneurs; La première* ***épouse*** *bergère, la seconde* ***épouse*** *dame.* Однако в аксиологической системе французской лингвокультуры положительно оценивается только первый брак: *Il n'y a de* ***mariage*** *qu'une seule fois ni de paradis qu'en un seul endroit; Il n'y a qu'un bon* ***mariage*** *et c'est le premier;* ***Se marier*** *et mourir une fois suffit.* Примечательно также то, что особенно порицались женщины, выходившие замуж второй или третий раз: *Au premier* ***mariage*** *fille trompée, au second dévergondée, au troisième putain.*

Слот «жених/невеста»

Для выбора будущего супруга большое значение имело финансовое благосостояние его семьи: *Même laide, si elle a des écus une jeune fille trouve à* ***se marier;*** *Avant* ***d'épouser*** *aie une maison ou loger; Qui* ***épouse*** *la femme* ***épouse*** *les dettes.* Также важен был «моральный» статус семьи, приобретавшийся в течение поколений, то есть тот авторитет, который заслужило данное семейство в социуме. Важными оказывались такие факторы, как достойное и нравственное поведение членов той семьи, с которой намеревались породниться. Такие установки отображены в следующих пословицах: *Avant de prendre la fille, sache ce qu'est la mère; D'après la mère choisissez la fille pour n'avoir pas à regretter ensuite; De bonne mère prenez la fille; D'un bon*

plante plante ta vigne et d'une bonne mère prends la fille; De bon plante plante ta vigne et de bonne mère prends ta femme; De bon planton plante tes choux, de bonne mère prends la fille; De bon plante plante ta vigne, de bonne mère maries la fille, de bonne vache nourris le veau. Обращает на себя внимание тот факт, что подобные рекомендации адресуются молодым людям или их родителям, устраивающим брак.

Еще одним значительным аспектом при выборе брачного партнера был возраст будущих супругов, при этом поощрялась молодость жениха и невесты, тогда как брак с партнером намного старше порицался: ***Mariage*** *de jeune et jeune* ***mariage*** *de bon dieu,* ***mariage*** *de jeune et vieux* ***mariage*** *du diable,* ***mariage*** *de deux vieux* ***mariage*** *de merde;* ***Mariage*** *de jeune homme avec jeune fille est de Dieu,* ***mariage*** *de jeune home avec vieille femme est de rien,* ***marriage*** *de vieillard avec jeune fille est du diable;* ***Mariage*** *de jeunes gens est de Dieu,* ***mariage*** *de vieux est de rien,* ***mariage*** *de vieille avec jeune est du diable;* ***Mariage*** *de jeunes mariage de joie,* ***mariage*** *de vieux avec jeune* ***mariage*** *dépouilleux,* ***mariage*** *de vieux avec vieux marriage de sots; Jeune et jeune* ***mariage*** *de Dieu, jeune et vieux* ***mariage*** *du diable, vieux et vieille de rien; Homme pauvre et* ***se marier*** *vieux mauvais remède;* ***De se marier jeune*** *et de se lever matin personne n'a du s'en repentir.*

Красота не номинировалась важным качеством будущей супруги: ***Epouse*** *la femme et non son visage.* Поощряемой чертой характера являлось трудолюбие: *La fille à* ***épouser*** *est celle qui veut gagner son pain qui aime le travail.* Также выражалась надежда на взаимопонимание мужа и жены, что могло способствовать улучшению семейной жизни: *Celui qui veut une bonne* ***épouse*** *doit se la faire.*

Выявлено всего одна паремия, представляющая собой рекомендацию девушке по выбору жениха: ***Epouse*** *un buveur si tu veux mais jamais un coureur, si tu peux*. Такое малое количество косвенно подтверждает

бесправное положение женщины, которая являлась объектом «сделки», в традиционном браке.

Молодому человеку, желавшему найти для себя выгодную партию надлежало обладать привлекательной внешностью и происходить из семьи, пользовавшейся уважением: *Belle carrure, belle prestance, bonne famille, les trois ensemble trouvent riche femme.*

Также выявлены паремии, в которых закреплено наличие обоюдного желания молодых людей соединиться в пару: *C'est pas le tout de penser à* ***se marier****, faut être deux pour le faire; Pour pouvoir* ***se marier*** *il faut être deux; Pour se marier faut être deux.* В следующих пословицах отражено отношение к браку как к делу, требующему подготовки, времени: ***Se marier*** *c' est vite dit mais non aussi vite fait; Se marier n' est pas changer de bonnet;* а также взвешенности принятия решения: *Faut être quatre jours pendu, quatre jours dependu, avant de* ***se marier****; Il faut penser sept fois avant de se mettre en colère et soixante dix sept fois avant de* ***se marier; Se marier*** *en hâte à loisir se repentir; Se pendre et* ***se marier*** *sont deux choses à conseiller.* С другой стороны фактический материал отражает отрицательное отношение к слишком долгому обдумыванию возможности брака: *Pour se pendre et* ***se marier*** *il ne faut pas longtemps penser; Pour se pendre et* ***se marier*** *il n' y a pas longtemps penser; Il ne lui a fallu plus de temps pour* ***se marier*** *que pour péter; Quand on a besoin de* ***se marier*** *c'est comme quand on a besoin de chier on peut pas retenir; Qui demeure trop à se marier il s'avance d'être cocu.* При этом поощряется самостоятельность осуществления выбора: *En fait de semailles et de* ***mariage*** *garde toi de conseiller; En voyage et en* ***mariage*** *ne prends conseil de personne;* ***Se marier*** *à son goût et s'habiller à la mode.*

Несмотря на достаточную меру ответственности и озабоченности, проявляемую семьями будущих супругов в подготовке союза, успешность брака считалась вопросом везения: *Le melon et le* ***mariage*** *question de chance; Le* ***mariage*** *est une loterie; En* ***mariage*** *trompe qui peut; Semer de la terre sur la*

neige et ***se marier*** *sont deux choses que l' on fait au hasard; Qui ne veut pas pas se tromper doit* ***se marier*** *le 30 février;* ***Se marier*** *c'est tirer au sort.* Следующие паремии передают спонтанность женитьбы, что признается положительным фактором, в сравнении с затягиванием организации данной церемонии: *Le* ***mariage*** *vient comme le chier, vient à l'improviste; Le* ***mariage*** *vient tout à coup, comme le besoin de chier; Le* ***mariage*** *d'un jour vaut mieux que celui d'un an; Le* ***mariage*** *et le linceul tombent du ciel.*

Слот «муж / жена»

Традиционно во французской лингвокультуре женщине отводилась второстепенная роль, тогда как мужчина являлся главой семьи: *A la table et au lit, la droite appartient au mari; Qui a mari a seigneur; Une femme qui ne craint pas son mari ne craint pas Dieu.* Образ «хорошей жены» складывался из почитания и уважения мужа – *Plus la femme aime son mari, plus elle corriges ses vices, plus un mari aime sa femme, plus il augmente ses caprices; Femme qui a son mari repond à la voix écho; La bonne femme fait le bon mari;* умения вести хозяйство – *La femme doit tenir le lit bien propre à son mari; A la cuisine et à la maison, on sait ce que vaut femme; Femme sage reste à son ménage; Femme travailleuse homme content; Femme vaillante, maison d'or; La femme est le bon Dieu de la maison;* верности и целомудрия – *La femme bonne et fidèle est un tresor sans pareil; La femme prudente et sage est l'ornement du ménage; Femme mariée doit être simple et porter la guimpe;* обладания житейской мудрости – *Chance pour le mari lorsque sa femme l'aide; Qui écoute sa femme et son cure ne manquent point de pauvrété.*

При этом порицались болтливость и сварливость жены – *A femme bavarde mari sourd; La femme qui dit tout à son mari pleure plus qu'elle ne rit; Méchante femme fait mauvais ménage;* не приветствовалось, если женщина поучала мужа, открыто проявляла свои интеллектуальные способности – *La bonne femme est celle qui n'a pas de tête; Garde toi d'une femme savante comme d'une méchante mule; A femme qui a trop d'esprit, il faut galant avec mari;*

порицалось желание женщины быть главной в семье – *La maison où gouverne la femme ne va pas bien; Quand la femme est maitresse à la maison le diable y gouverne;* осуждалось распутство – *Quand une femme est putain le mary est en grand peril.* Определенные опасения возникали у мужа, чья жена была привлекательна внешне: *Quand on a une jolie femme, tout le monde est son cousin; Qui a belle femme, ne l'a jamais toute à lui.*

Выделенный пословичный материал не выявляет какие-то определенные позитивные качества мужа, но указывает на некоторые отрицательные черты, которые могут омрачить семейную жизнь: *A mari jaloux, cornes au front; Femme jolie et mari jaloux n'ont pas de repos* (ревность)*; Mari ivrogne et femme joueuse chassent vite les biens de la maison* (пьянство). Муж не должен был потакать жене, баловать ее: *Celui qui gâte sa femme gâte sa vie.*

В нижеприведенных пословичных единицах отражены сложности межличностных отношений, складывающихся между мужем и женой после женитьбы: *Il faut sept ans pour rattrapper la première année de* ***mariage****; La première année du* ***mariage****, les bonbons dans la poche, et la seconde année, la merde à sa place; Jeunes gens ne songent que de* ***se marier*** *et maints mariés qu'à* ***se demarier ;*** *Avant le* ***mariage*** *il manque rien que cela, après il manque tout sauf cela; A beaucoup de femme, le* ***mariage*** *leur allonge la langue et leur coupe les bras; Les femmes avant de* ***se marier*** *arracheraient un chêne, une fois qu'elles sont mariées c'est à peine si elles arracheraient une rave; Autant de folies avant le* ***mariage****, autant de larmes après; Ce n'est pas le tout de se fiancer, d'aller à l'église* ***se marier****, de mettre un doigt au bénitier et de sortir pour rire;* ***Se marier*** *n'est pas se reposer ni demeurer sans rien faire ;* ***Epouser*** *n'est pas une plaisantrie.* Впрочем, к различного рода разногласиям в семье относились как к временному явлению: *Les querelles entre époux ne durent que de la table au lit; Disputes de femme et de mari de la porte à la rue; Entre mari et femme ne t'y mets pas même pour un bien.*

Идеал семьи составляла гармоничная пара, в которой муж любил и ценил жену, а супруга уважала и почитала супруга: *Au mari prudence, a la femme patience; Mari et femme tiennent dans un pot; La plus belle tapisserie de la maison est l'homme et la femme; Qui a une femme de bien, vit long temps bien.*

В современном французском обществе традиционная модель уступила свои позиции эгалитарному типу супружеских отношений. Подобная трансформация обусловлена экономическими и историческими изменениями. Социальная активность женщины, сексуальная революция, феминистское движение и другие факторы привели к тому, что современная француженка чувствует себя относительно независимой и не стремится пожертвовать своей свободой ради семейной жизни. Это не значит, что женщина утратила желание жить в браке, но она более требовательно относится к качеству супружеских отношений, в которых ее ценили бы не только как хозяйку и мать: «Le modèle de la femme au foyer se sacrifiant pour mari et enfant ne leur convient plus. Elles veulent bien être en couple mais elles deviennent exigeantes sur la qualité de la relation» [Hirigoyen, эл.рес.].

Среди молодежи все более распространяется тенденция «гражданских браков», в которых пара не оформляет имущественные и финансовые отношения, и каждый сохраняет право на личную независимость.

Таким образом, брак представляется значимым явлением для русской и французской лингвокультур. Слот «брак» во французском языке акцентирует такие дифференциальные признаки этого явления: «естественность» брака в жизни каждого человека, брак признается гарантом жизненной устроенности человека в старости. В русской культуре этот феномен ассоциируется с образом, сочетающим бытовой комфорт, привносимый женщиной, и безопасность, обеспечиваемую мужчиной.

Традиционная модель брака в сравниваемых обществах во многом схожа. Она представляет собой патернальный союз, то есть брак, в котором позиции лидера занимает мужчина. Для такой модели супружеских

отношений характерно четкое разделение социальных ролей: муж – «добытчик», обеспечивающий семью, общественно активный, имеющий более высокий уровень образования; жена – «хозяйка» и «мать». Положение женщины полностью зависело от мужчины, хотя русский брачный союз допускал партнерство в сфере межличностных отношений между супругами. Иерархия устанавливалась часто с первых дней брака, и поддерживалась религиозным (Домострой в России, католицизм во Франции) и политическим (монархия) институтами. Брак во многом ассоциировался со сделкой, призванной породнить семьи равные по положению, либо улучшить социальный статус одного из супругов. В лексико-семантической системе французского языка фиксируется специальная единица **le mésalliance,** для передачи этого значения, а контекстуальный анализ показывает, что достаточно часто лицом, стремившимся повысить свое общественное положение, был мужчина.

На современном этапе развития российского и французского лингвосоциумов, традиционная модель брака претерпела коренные изменения. Для французского общества характерно наличие множества вариантов совместного проживания, являющихся легитимными и распространенными, – PACS, l'union libre, la cohabitation. Тип супружеских отношений во французской семье можно назвать эквалитарным, иначе говоря, контроль в ней разделен между мужем и женой, оба они на равных участвуют в принятии семейных решений. Это не отменяет прав мужа принимать принципиальные решения (после совместного обсуждения) в одной сфере, например, экономической, а жене - в другой, скажем, бытовой. Для русского общества традиционная модель брака остается актуальной, хотя появляются признаки начинающихся преобразований. Так, все больше растет активность женщины в обществе: она может занимать ведущие должности, экономически не зависит от мужа, ее занятость увеличивается. Следовательно, ее роли в семье подвергаются деформации. Однако эти

тенденции не являются массовыми. Для русской женщины актуален стереотип «женщина должна быть замужем», поддерживаемый социумом. Тогда как француженка абсолютно не боится оставаться одна, более того социологи утверждают, что французские женщины после первого развода не предпринимают активных действий для повторного замужества.

3.6 Терминал «родительские отношения»

Семья в русской ментальности представляется безусловным компонентом счастливой, спокойной и безмятежной жизни, а так же рассматривается как одна, возможно самая главная жизненная цель. Языковыми примерами, иллюстрирующими данные утверждения, могут служить следующие пословицы: *Без **семьи** нет счастья; Земля без воды мертва, человек без **семьи** – пустоцвет; В родной **семье** и каша гуще; Вся **семья** вместе так и душа на месте* и т.п.

Слот «родители/дети»

Перейдем к изучению культурологической информации, раскрывающей особенности внутрисемейных отношений, характерных для русского социума. Ядро семейной группы составляет семейная пара и их дети. Дети являются важной частью семьи, ее будущим, обеспечивающим репродукцию рода и преемственность наследственных черт: *Какие корешки такие и ветки, какие **родители** такие и **детки**; Каков сам, такие и **дети**; Какова **матка**, такие и **детки**; Каков **отец**, таков и молодец; Яблоко от яблони не далеко падает* и т.п.

Также наличие потомства дает родителям ощущение уверенности и гармонии: ***Детей** нет – в семье пустоцвет; **Дети** – божья благодать; Когда в **детях** лад, не надо и клад.* При этом важно отметить, что архетипом русской культуры поощряется большое количество детей, расцениваемое как богатство и успех семейной пары: *Богат **сынами**, славен **дочерьми**; У кого*

детей *много, тот не забыт от бога; Один* ***сын*** *– не* ***сын****, два – полсына; три* ***сына*** *–* ***сын;*** *Много бывает, а лишних не бывает* (о детях). Эта стереотипная установка активна и в наши дни. Малое число детей в современных семьях объясняется экономическими причинами (небольшая зарплата, жилищные проблемы и т.п.), хотя, как признают многие пары, при устранении данных трудностей они бы хотели иметь больше детей.

Взаимоотношения, складывающиеся между родителями и детьми, также детерминируются культурными факторами. В частности обращает на себя внимание процесс воспитания младшего поколения, который имеет ряд специфических, культурно маркированных особенностей, отраженных в следующих пословицах:

Высидела курица утят, да и плачется с ними; ***Детушек*** *воспитать, не курочек пересчитать;* ***Детки*** *– радость,* ***детки*** *ж и горе; Без* ***детей*** *тоскливо, а с* ***детьми*** *водливо* и т.п. То есть взращивание детей представляется достаточно трудоемким делом, требующим затрат физических и моральных сил.

Воспитать ***ребенка*** *– не выпустить цыпленка;* ***Дети****, что цветы, уход любят; Дай* ***детям*** *полную волю – сам наплачешься; Кто* ***детям*** *потакает, тот сам плачет; Не наказанный* ***сын*** *– бесчестье отцу* и т.д. Таким образом, воспитание детей в русской культуре носит выраженный строгий, авторитарный стиль, направленный на ограничение личного волеизъявления, и характеризуется гиперопекой подрастающего поколения. Особенно иллюстративным в этом отношении является сравнение ребенка с цыпленком, которого нужно не выпускать из-под родительского крыла, дабы не подвергнуть некой опасности.

Забота о детях в русских семьях продолжается и тогда когда они уже стали взрослыми людьми, например: *Для матушки* ***ребенок*** *до ста лет дитенок; У матери* ***дочь*** *до тридцати лет* ***дочурка***; *Кормил до усов, корми и до бороды* (из сказки: сын отцу)*; «Недавно одна приятельница спросила у*

Даши: до какого возраста вас с Антоном воспитывали родители? Даша ненадолго задумалась и сказала: «Последний раз – семь минут назад». А ведь они взрослые и самостоятельные люди» [Крестьянка, июль, 2005:15]. Родители принимают активное участие во многих жизненных моментах детей, переживают все их проблемы, стараются быть им полезными и оказать посильную помощь. Например: «*В последние годы не редкость, когда родители не только не приучают своих детей к домашнему труду, а даже наоборот, всемерно оберегают от него, приводя в оправдание очень веские, как им кажется, доводы: «Жизнь заставит – всему научится», «Он еще у плиты настоится – пусть хоть у родителей понежится»» [Копеечка, 2006: 24]*. При этом если подросток или взрослый человек пытается сохранить свою независимость (приобретает свое жилье, не посвящает родителей в свои дела и т.д.), такое поведение может быть воспринято как эгоизм, неуважение родителей, неблагодарность.

А.В. Сергеева считает, что существует несколько причин, объясняющих традицию такого отношения к детям. В их числе исторические потрясения, особенно произошедшие в 20 веке, речь идет о нескольких революциях, войнах, голоде, сменах политического строя и т.п. «В генетической памяти русского человека сложился стереотип: «Да, моя жизнь была трудна. Так пусть хотя бы мои дети будут счастливы». Поэтому каждый родитель подсознательно хочет сделать жизнь своего ребенка более комфортной, зачастую жертвуя своими интересами» – полагает исследователь [Сергеева, 2003:101].

Отношение детей к родителям, отражается в нижеприведенных пословицах и также представляет интерес для концептуального понимания семейных взаимоотношений. Например: *Золото и серебро не стареют,* ***отец*** *с* ***матерью*** *цены не имеют;* ***Отец*** *и* ***мать*** *– священные слова; Все на свете купишь, а* ***отца-матери*** *не купишь*. То есть родители, старшее поколение представляются значимой ценностью, святыней для детей. *Кто* ***родителей***

почитает, тот век счастливо живет; Кто ***родителей*** *почитает, тот вовеки не погибает; Дурак хвалится женой, глупый – деньгами, умный –* ***отцом*** *с* ***матерью****; Кто* ***отца*** *жалеет, тот и детям хорошую долю готовит; Жалей* ***отца*** *с* ***матерью****, других не найдешь; Не оставляй* ***отца*** *с* ***матерью*** *на старости лет, и бог тебя не оставит.* Уважительное отношение к родителям, предписываемое данными пословицами, является залогом счастливой жизни. Потеря родителей привносит в жизнь младшего поколения чувство одиночества, которое не компенсируется общением с другими людьми: *Не ясен день без солнца, не весело житье без* ***родителей***.

Слот «мать / отец»

Рассмотрим концептуальный образ каждого родителя, с целью проанализировать его эмоциональное и социальное значение для ребенка. Итак, перейдем к рассмотрению образа «матери» в русском языке и культуре. Отличительными чертами материнского отношения к детям, акцентируемыми во многих примерах, являются нежность, ласка, доброта, например: *В* ***материнском*** *сердце про всех детей ласки хватит; Жена с советом, теща с приветом, а родимая* ***матушка*** *с лаской; Дитя плачет, а у* ***матери*** *сердце болит; Сердце* ***матери*** *лучше солнца греет;* ***Материнская*** *ласка конца не знает; «Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была в это время, мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую* ***доброту*** *и* ***любовь****, родинка на шее…* ***нежная*** *сухая рука, которая часто меня* ***ласкала****, и которую я так часто целовал…» [Толстой, 1982:8].*

Мать окружает ребенка заботой, опекает его: *У родной* ***матушки*** *овсянничек как пряничек; У кого* ***мать*** *родненька, у того и сорочка беленька; Что* ***материнской*** *рукой дано, то впрок пойдет.*

Мать воспринимается ребенком как самый близкий человек: *Роднее* ***матери*** *родни нет; Сыр калача белее, а* ***мать*** *всех друзей милее; Лучше* ***матери*** *друга не сыщешь; «Он попал в водоворот, который тянет его на*

дно. И в эту минуту он только о том, чтобы водоворот не втянул и ***маму*** *– доброе, самое дорогое ему существо» [Рыбаков, 1989:78].*

Смерть матери может стать невосполнимой утратой: *Без* ***матушки*** *родной и цветы не цветно цветут; Без* ***отца*** *– пол сироты, а без* ***матери*** *вся сирота;* ***Отцов*** *много, а* ***мать*** *одна.* В последних пословицах примечательно то, что смерть отца не настолько трагична для ребенка, сколько потеря матери.

Отношение матери к ребенку можно охарактеризовать как всепоглощающая любовь: «*В том то и дело, что матери не ожидают наград.* ***Мать любит без толку и без разбору****… Нищи ли вы духом и умом, отметила ли вас природа клеймом безобразия, точит ли жало недуга ваше сердце или тело, наконец, отталкивают вас от себя люди и нет вам места между ними – тем более места в сердце матери» [Гончаров, 1980:22].* И даже наказание со стороны матери не вызывает страха: ***Материнский*** *гнев, что весенний снег – и много выпадает, да скоро растает;* ***Мать*** *и побьет, не прибьет, а чужая погладит, да проглядит;* ***Мать*** *и бия не бьет.*

Перейдем к изучению образа «отца», сложившимся в русской культуре. В русской семье, патриархальной с исторической точки зрения, фигура отца выступала прообразом Бога, Отца небесного, а потому предполагала уважение, полное послушание, лишенных каких бы то ни было проявлений эмоций: *Бог до людей, а* ***отец*** *до детей;* ***Отец*** *наказывает,* ***отец*** *и хвалит;* ***Отца*** *бойся, а* ***мать*** *уважай; «Детское чувство безусловного уважения ко всем старшим, и в особенности к папá было так сильно во мне…» [Толстой, 1982:127].*

Отец также воспринимается как близкий, родной человек: *Нет дружка, как* ***батюшка; Отцово*** *сердце не надолго немо*. Кроме этого отец, занимаясь трудовым воспитанием детей, социализирует свое потомство, ориентирует его с профессиональной точки зрения: ***Отец*** *- рыбак, и дети в воду смотрят; За что* ***отец****, за то и детки;* ***Отец*** *сына не на худо учит.*

Следует отметить, что в ходе исследования количество пословиц и литературных контекстов, посвященных матери превышает число единиц фактического материала, раскрывающих образ отца: 65 и 25 соответственно. Данное положение можно связать с культурными традициями русского народа, а именно с тем, что воспитание детей считается приоритетной женской обязанностью, тогда как отцу отводится роль «добытчика», «кормильца» семьи.

Слот «другие члены семьи»

В традиционной русской семье сосуществует несколько поколений, обычно это родители одного из супругов. Бабушкам и дедушкам, которые имеют больше времени для общения с внуками по сравнению с работающими родителями, отводится большая роль в передаче и закреплении семейных традиций у младшего поколения: *Бабушка – вторая мать; Бабушка походит – всему делу пособит; «Для пасхи у Маши есть старые деревенские формы, а главное, талант печь от бабушки из старого купеческого рода» [Крестьянка, февраль, 2005:15]*; «*Мне любовь к рыбалке передалась с генами, – говорит Ирина. – Мой дедушка – заядлый рыбак. Ему сейчас 74 года и лишь недавно он перестал ходить на рыбалку» [Крестьянка, ноябрь, 2004: 20]*. Именно родители, старшее поколение играет объединяющую роль в семье: *«Лучшее детское воспоминание – бабушкин дом в подмосковной Перловке. Он стоял в глубине. Пока идешь от калитки, кругом – сирень, черемуха…Это было наше родовое гнездо, вся родня туда съезжается по праздникам» [Крестьянка, июнь, 2005: 14]; «Ничто так не помогает человеку, как наивная, нерассуждающая любовь близких. Внуки должны впитать эту любовь, вместить в себя и бабушку, и дедушку» [Крестьянка, апрель, 2005: 76]*. Однако к числу представителей семьи могут причисляться и домашние любимцы – кошки, собаки, например: «*С каждым годом она (собака Глаша) все больше похожа на человека. (А ведь не о любом из друзей это скажешь). Когда она рядом, я уже стесняюсь переодеваться. Мой приятель Севастьянов говорит: - Она у*

вас единственный нормальный ***член семьи»*** *[Довлатов, 2003: 114]*. Такое широкое понимание количественного состава семьи обусловлено совокупностью многих причин: экономических, социальных и культурологических. Под последними нами понимаются ряд коммуникативных установок, присущих русской культуре и определяющих поведение и ценностные ориентации ее носителей. Таковыми многими социологами и культурологами признаются национальные коммуникативные установки «коллективизм», «соборность» [Язык и национальное сознание, 2002:44], «быть как все», «быть вместе со всеми» [Сергеева, 2003:103]. Данные стереотипы обуславливают положительное восприятие жизни в коллективе, обеспечивая его членам взаимопомощь в трудных ситуациях. Негативным моментом действия упомянутых установок является снижение личной инициативы и ответственности у членов группы.

Вместе с этим детьми наследуются не просто бытовые привычки, но и модели стереотипного восприятия тех или иных жизненных обстоятельств. «В семье живут привычки, обычаи, манеры поведения, способы реагирования на хорошее — плохое, характеры, сложившиеся спонтанно, по закону подражания или в результате воспитания» [Гаспарян, 1999:101]. Иными словами детям передается «дух семьи» или индивидуальный комплекс нравственных, психологических и социализирующих принципов, присутствующий в каждой семье, который в последствие во многом определяет самостоятельную, взрослую жизнь: «*Она* ***следовала традициям своей семьи*** *и всю себя отдавала детям и дому» [Крестьянка, октябрь, 2005:18]; «У меня четверо детей и четверо внуков. И все очень похожи на меня. Я сам мутант какой-то: не похож ни на мать, ни на отца…Но в тоже время я* ***носитель именно своей семьи»*** *[Крестьянка, февраль, 2005:79]*.

Для русской культуры характерно уважительное отношение к старшим: *корми деда на печи – сам там будешь; Посади деде на печь, тебя внуки*

посадят. Как следует из этих примеров, помощь старшему поколению несет свою моральную ценность как средство воспитания детей.

Приступим к рассмотрению терминала «родительские отношения», позволяющего установить специфику взаимоотношений между родителями и детьми, воспитательные установоки, и особенности концептуального образа каждого из родителей во французской культуре.

Слот «родители / дети»

Несомненно, дети являются необходимой составляющей любой семьи, ведь в них родители видят свое продолжение: *Se marier ne serait rien si au bout d'un an on ne se retrouvait trois; Qui n'a pas* ***d'enfant*** *n'a pas de lumière dans les yeux,* которое проявляется как в физическом сходстве, так и в наследовании черт характера: *Quel* ***père*** *tel* ***fils****; Tel* ***père****, tel* ***enfant****; Tel* ***père****, tel* ***fils****; Telle* ***mère****, telle* ***fille****; De bon* ***père*** *et de bonne* ***mère****, ne sort* ***enfant*** *vicieux;* ***Enfant****, de bonne race par elle sait tout faire; De bon* ***père*** *et bonne* ***mère*** *ne sort enfant vicieux; L'****enfant*** *qui ressemble au* ***père*** *est l'honneure de la* ***mère****.* При этом хочется отметить достаточно устойчивую закономерность сравнения детей и родителей по половому признаку: отец – сын, мать – дочь.

Далее, выявленный фактический материал косвенно свидетельствует о том, что во французской лингвокультуре не приветствовалось большое количество детей в семье: ***Enfant****, richesse de pauvre;* ***Enfant*** *et rire, richesse de pauvre*. Причиной этому социологи полагают социально-экономические условия, складывавшиеся в период XVIII-XIX веков: возрастание косвенных налогов пропорционально числу детей, дороговизна жизни, стремление поддерживать определенный материальный уровень семьи, согласно ее общественному положению. В этом случае, имея одного ребенка в семье, родители могли обеспечить ему достойный уровень образования и устроенности в жизни: *Quand on se marie avec un* ***enfant*** *unique on se couche dans un lit tout fait.*

В особенности прослеживалась дискриминация девочек: *De deux **soeurs**, la famille est très chargée; Trois **filles** dans une famille c'est une famille ruinée; Dans une maison une **fille** c'est bien, deux c'est assez, trois c'est trop, quatre et la mère c'est cinq diables contre le père.* Такое положение может быть объяснено несколькими причинами. Так при замужестве девушка получала из родительского дома приданое (dot), как правило, это были деньги или движимое имущество, поступавшее в ведение мужа, поэтому наличие в семье двух или трех дочерей, по достижении им брачного возраста, могло достаточно сильно поколебать финансовое благосостояние семьи: *Le père nourrit la **fille** et le voisin la marie.* Тогда как рождение мальчиков давало семье относительную уверенность в своем материальном благополучии, поскольку старший сын являлся основным наследником родителей: *La **mère** la plus heureuse en filles, c'est celle qui n'a que des garçons.* В современной Франции тенденция снижения рождаемости сохраняется и выходит на уровень национальной проблемы. Многочисленные общественные издания предоставляют статистические данные, в которых процент рождений падает год от года: в 1994 году естественный прирост населения составил 1,45 [J. Commaille, эл.рес.]. Основную причину такой ситуации социологи видят в возрастающей социальной активности женщин – процент работающих женщин увеличился с 35 % (1968 г.) до 45% [J. Commaille, эл.рес.].

Взаимоотношения между детьми и родителями, отраженные в паремических единицах, также обнаруживают культурно маркированные особенности. Например: *Qui a **père** et **mère** est toujours enfant* – забота родителей о детях на протяжении всей их жизни; *Qui tient de **père** et **mère** n'est pas bâtard* – в данной пословице отражается положительное восприятие обществом детей, рожденных вне легитимного брака, поскольку «процент внебрачных детей в целом по стране был самый высокий в Европе» [Любарт, 2005: 150].

Детям надлежит уважать своих родителей, дабы быть уверенным в собственной благополучной старости: *Etant **enfant** tu as respecté tes parents, etant vieux tu seras respecté des tiens; La bonté et miséricorde dont **l'enfant** aura usé envers ses parents ne seront jamais oubliées.* Общественное мнение сурово порицало недостойное отношение к родителям, непослушание, особенно если они принародно заявляли об этом [Любарт, 2005:144], что отображено в следующих паремиях: *Qui n'obéit à **père** et **mère** doit mourir de mort amère; Celui qui n'a pas voulu obéir à sa **mère** obéira par force à sa marâtre; Qui n'obéit à sa bonne **mère** il obéit à sa male marâtre.* А также реализацию подобной поведенческой установки можно проследить в следующем фрагменте: *«Hein? quoi? pas gai! cria-t-elle en le foudroyant d'un regard. Je crois bien que ce n'est pas gai!... Il fallait nous apporter du pain, mon cher... Oh! moi, vous savez, je suis une bonne fille, je dis les choses comme elles sont. Maman était blanchisseuse, papa se soûlait, et il en est mort. Voilà! Si ça ne vous convient pas, si vous avez honte de ma famille...*

*Tous protestèrent. Qu'allait-elle chercher là! on respectait sa famille. Mais elle continuait: – Si vous avez honte de ma famille, eh bien! laissez-moi, parce que **je ne suis pas une de ces femmes qui renient leur père et leur mère**... Il faut me prendre avec eux, entendez-vous!» [Zola¹,эл.рес.].* В данном случае девушка, героиня сюжета, в разговоре с родственниками мужа настаивает на том, чтобы новая семья уважала ее отца и мать, несмотря на их низкий социальный статус (прачка и пьяница).

Однако социологами указывается, что притеснение родителей не было редкостью, что фиксируется также в таких пословицах как: *Souvent un **père** et une **mère** en nourrissent dix et dix enfants ne peuvent pas les assister; Un **père** et une **mère** peuvent nourrir dix enfants et dix enfants souvent, ne peuvent s'occuper d'eux; Bon temps et bon vie, **père** et **mère** oubliés; Joyeuse vie **père** et **mère** oubliés.*

Рассмотрим воспитательные установки, закрепившиеся в следующих паремиях: *Il est mieux de voir un **enfant** sauter qu'assis* – эту пословицу можно трактовать, как поощрение активности ребенка. ***Enfant** par trop caressé, mal appris et pis réglé; Il n'y a rien de moindre qu'un **enfant** gaté; Il ne faut pas excuser un **enfant** qui agit mal; L'**enfant** sans discipline en sa jeunesse fera rarement fruit en sa vieillesse; L'enfant bien instruit donne espoire de bon fruit; Qui n'est pas éduqué de la famille en fait peu ou trop.* То есть, можно сказать, что воспитание во французской лингвокультуре характеризуется как строгое, баловство детей не поощряется, дисциплинированность и образованность ребенка рассматриваются как возможные условия его дальнейшего успешного существования в обществе. Хотя в литературе фиксируются ситуации проявления чрезмерной опеки по отношению к ребенку, которому позволяется практически все, что можно проследить в нижеследующем отрывке: «*Quand elle eut un enfant, il le fallut mettre en nourrice. Rentré chez eux, **le marmot fut gâté comme un prince. Sa mère le nourrissait de confitures; son père le laissait courir sans souliers**, **et, pour faire le philosophe, disait même qu'il pouvait bien aller tout nu, comme les enfants des bêtes**. A l'encontre des tendances maternelles, il avait en tête un certain idéal viril de l'enfance, d'après lequel il tâchait de former son fils, voulant qu'on l'élevât durement, à la spartiate, pour lui faire une bonne constitution. Il l'envoyait se coucher sans feu, lui apprenait à boire de grands coups de rhum et à insulter les processions. Mais, naturellement paisible, le petit répondait mal à ses efforts. **Sa mère le traînait toujours après elle; elle lui découpait des cartons, lui racontait des histoires, s'entretenait avec lui dans des monologues sans fin, pleins de gaietés mélancoliques et de chatteries babillardes.** Dans l'isolement de sa vie, elle reporta sur cette tête d'enfant toutes ses vanités éparses, brisées» [Flaubert, эл.рес.]*. Стоит отметить, что в данном случае речь идет о единственном ребенке, воспитываемом в обеспеченной семье, и основным лицом, реализующим такую воспитательную линию, является мать.

Вопросы обеспечения детей достаточно остро стояли для французской семьи, в частности для простого сословья, что отражено в следующих пословицах: *Quand l'**enfant** est fait, il faut le nourrir; Gros **bébé**, mauvaise année pour la mère.* В тоже время в фактическом материале прослеживается упование родителей на Бога и природные силы, которые позволят им взрастить детей: *Entre la merde et l'urine le bel **enfant** se nourrit; **Enfant** de bonne nature, de Dieu a sa nourriture.*

После рождения ребенка его должно было окрестить, с этого момента в его жизни принимали участие и крестные мать и отец: *Des sept qualités d'un enfant, l'une vient toujours de son parrain; Quand l'**enfant** est baptisé, les parrains et les marraines ne manquent pas; Quand l'**enfant** est baptisé, les parrains ne manquent pas.*

В следующих паремиях собран родительский опыт наблюдений за особенностями роста и развития ребенка, выражающих «наивные», донаучные знания: *Pied ouvert, bon **enfant**; Plus un **enfant** dort, mieux il profite; Quand un **enfant** a trop d'esprit, il rit peu; **Enfant** nourri de vin et femme qui parle latin ne font jamais bonne fin; **Enfant** nourri de vin, fait rarement bonne fin; Mal d'**enfant** se guérit seul; Mal de dents et mal d'**enfant** sont les plus grands; Mieux vaut laisser son **enfant** morveux que de lui arracher le nez; Mieux vaut un **enfant** morveux qu'un enfant sans nez; Nez morveux, nez d'**enfant.***

Также в фактическом материале закреплены установки, направленные на отображение образа поведения «хорошего ребенка» и «плохого ребенка»: *Le bon **fils** rejouit son **père** et le fol contriste sa **mère**; Mauvaise **fille** se moque de sa **mère**; Mauvaise **fille** à sa **mère** fait la nique.*

Рассмотрим концептуальный образ каждого из родителей, «отца» (père) и «матери» (mère) соответственно, складывающийся в паремических единицах.

Слот «мать / отец»

Традиционно в семейных отношениях французов вплоть до Великой французской революции господствовал принцип патернализма, но даже и в XIX веке, в период развития идей феминизма, главой семьи признавался мужчина [Любарт, 2005:156]. Данная идея отображена в таких пословицах как: *A Dieu, à* ***père*** *et à maître nul ne peut rendre équivalent; A* ***père****, à maître et à Dieu tout puissant, nul ne peut equivalent,* то есть авторитет мужа-отца в семье приравнивался ко власти Бога и влиятельности учителя. Для детей уважение воли отца было абсолютным: *Si ton* ***père*** *est bon tu doit l'aimer, et si autre, le souffrir et tolérer; Tenez,* ***je crois qu' il faut être petit pour bien aimer son père ! - et grand pour le vénérer, mon enfant****, répondit Glenarvan, tout ému des paroles échappées de ce jeune coeur [Verne, эл. рес.].*

Основной функцией мужчины в традиционной французской семье оставалась экономическая и зарабатывание денег требовало от него много сил и времени: *Un bon* ***père de famille*** *doit être partout, dernier couche et le premier debout*. Воспитание детей отцом было достаточно жестким: *Le* ***père*** *trop gentil rend l'enfant trop hardi;* ***Père*** *doux et piteux fait ses enfants malheureux et paresseux;* ***Père*** *trop piteux rend ses enfants malheureux* . Однако, безусловно, отец выражал заботу о благополучии и обеспечении своих детей: *Le bon* ***père*** *ne donnera pas chose mauvaise à son enfant; La gelée ne faut au gré non plus que le* ***père*** *au fils; Un bon* ***père*** *ne peut méconnaître son bon enfant; Celui est bien* ***père*** *qui nourit.* Также в следующей пословице зафиксирована ответственность отца за детей и за семью в целом: *Il vaut mieux être fils que* ***père.***

Имущественные отношения играли важную роль в семье, поскольку именно отец решал вопрос о распределении наследства (зачастую практически всю собственность семьи получал старший сын), что так же отражено в паремических единицах: *Le bon* ***père*** *peut deshériter son enfant.* Также отец семейства нес ответственность за дочерей, проявлявшуюся в устройстве их брака: «*Mais il savait être fort; et quand il lui dit: - Nous*

retournons à Paris demain, ***votre père m'accorde votre main*** *-, elle murmura naïvement: - Déjà? Ça m'amusait tant d'être votre femme!» [Maupassant [1], эл.рес.]; Cette fille aimerait mieux que son* ***père*** *ait un gendre qu'un chapeau neuf.*

В корпусе фактического материала выявлен ряд паремий, отражающих несхожесть черт характера отца и сына, в которых отец имеет положительный образ (бережливость, трудолюбие), а его наследних отличается отрицательными качествами (расточительность, мотовство): *A un* ***père*** *qui amasse du bien succède un* ***fils*** *qui le dissipe; A* ***père*** *amasseur,* ***fils*** *gaspilleur;* ***Père*** *gagneur et gardeur* ***fils*** *gaspilleur et gasteur;* ***Père*** *gagneur,* ***enfant*** *gaspilleur; De* ***père*** *amasseur,* ***enfant*** *gaspilleur; De* ***père*** *saintelot* ***enfant*** *diabolot; A père avare, fils prodigue.*

Перейдем к рассмотрению образа «матери» во французской лингвокультуре. Мать является хранителем духовного начала семьи: *La* ***mère*** *doit être la conscience et la dignité de la famille.*

Обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество паремий, посвященных этой тематике, а также их однообразие. В целом, можно сказать, что в следующих пословицах порицается, такое отношение матери к детям, при которых она их жалеет, выражает сочуствие: ***Mère*** *trop piteuse, fait sa famille teigneuse;* ***Mère*** *compatissante fait fille teigneuse;* ***Mère*** *compatissante fait les enfants crasseux;* ***Mère*** *compatissante, enfant foireux;* ***Mère*** *pleureuse, enfant hardi;* ***Mère*** *piteuse fille teigneuse; De* ***mère*** *piteuse fille teigneuse.* Выявлено несколько паремических единиц, передающих такие качества матери, как нежность, забота: *A l'enfant il faut la chaleur de la* ***mère****; La bonne* ***mère*** *ne dit pas, veux-tu?*

Фактический материал, извлеченный из художественной литературы, свидетельствует о более тесном общении матери с детьми по сравнению с отцом, в особенности подобные близкие отношения прослеживаются между матерью и дочерями: *Rien de plus belle parenté que la* ***mère*** *et la* ***fille; «****Une travailleuse en bois de merisier déteint remplissait l'embrasure, et le petit fauteuil*

d'Eugénie Grandet était placé tout auprès. ***Depuis quinze ans, toutes les journées de la mère et de la fille s'étaient paisiblement écoulées à cette place****, dans un travail constant, à compter du mois d'avril jusqu'au mois de novembre» [Balzac [1], эл.рес.].*

С потерей матери человек лишается материнской ласки и любви: *Qui perd sa* ***mère*** *il perd d'amour l'accueil; Qui perd son* ***père*** *il perd honneur, qui perd sa* ***mère*** *il perd douceur.* Смерть двух родителей является невосполнимой утратой: *Double doeuil,* ***père*** *et* ***mère*** *morts; «Mes* ***parents*** *sont morts il y a 18 mois et depuis, je ne sais plus vers qui aller pour avoir du soutien» [Marie Claire, novembre, 2004:88].*

На современном этапе, во французском лингвосоциуме происходит трансформация «авторитарного отца», исполнявшего доминирующую роль в семье: «Leur rôle n'était plus « vertical », tenant leur pouvoir de leur statut de chef de famille, mais horizontal, partageant, les taches familiales, créant des liens et apportant de la tendresse» [Hirigoyen Marie-France, эл. рес.] [их (отцов) роль не является уже «вертикальной», реализующей их статус главы семьи, но «горизонтальной», исполняя которую, они делят с женой решение бытовых вопросов и привносят лояльность в отношения (перевод наш)]. В ходе исследования был выявлен контекст, содержащий в себе выражение «papa poule» (отец-наседка): *«…il est de plus en plus courant de rencontrer ce que les sociologues appellent* ***des papas poules*** *un terme…qui résulte d'un veritable changement du comportement du père vis à vis de ses enfants… »[Le Français dans le monde, 1993:32].* Появление такой лексической единицы свидетельствует о серьезности социальных изменений, которым подвергается институт семьи.

Слот «другие члены семьи»

Для французской культуры не характерны близкие, в понимании русских, отношения. Французская нуклеарная семья, как правило, замкнута на себе: *«Dix ans plus tard, ils sont toujours ensemble. Ils ont deux enfants et*

vivent comme tous les amoureux: un week-end à deux de temps en temps, des sorties au restaurant entre copains et bien sûr le plaisir de veiller sur les deux enfants … voilà qui suffit au bonheur de ce couple sage» [Paris Match, 2002:52]. Исторически роль бабушек и дедушек в воспитании внуков была ослаблена в связи с распространением тенденции привлечения к этому процессу гувернеров, частных учителей, воспитателей. Конечно, родственные связи поддерживаются, но их можно охарактеризовать как прохладно-корректные. То есть часто устанавливаются специальные дни, в которые надлежит навещать старшее поколение. При этом длительность этих визитов также заранее оговаривается.

Таким образом, культурологические характеристики функционирования нуклеарной семьи в рассматриваемых социумах существенно разнятся. Для русской ментальности свойственно включать в состав семейной группы старшее поколение. Бабушки и дедушки играют важную роль в передаче семейных традиций внукам. Для французской культуры подобные отношения со старшим поколением не свойственны.

Дети являются основной ценностью семьи. Традиционно в русской культуре поощрялось их большое количество, без разделения по половому признаку. Во Франции же существовали стереотипы, согласно которым большое количество детей вызывало экономические трудности в семье, особенно если рождались девочки. На современном этапе в сопоставляемых культурах наблюдается снижение рождаемости. Однако, если в российском обществе малое количество детей в семье связано в основном с экономическими сложностями, которые сейчас активно разрешаются «сверху», посредством поддерживающих программ, национальных проектов, то во французской культуре существует большее число сдерживающих факторов. К ним относятся поздний возраст создания семьи (25-28 лет), социальная активность женщины и стереотип «повышения заботы о ребенке», согласно которому родители затрачивали много сил и средств на

качество социализации подрастающего поколения – образование, развитие, материальная обеспеченность.

Принципиально отличаются подходы к воспитанию детей. Для русского языкового социума характерен авторитарный стиль отношений родителей к детям, выражающийся в чрезмерной опеке, контроле всех действий ребенка, часто продолжающимся до достижения им зрелого возраста. Для французской культуры свойственно более либеральное воспитание, при котором не принято ограничивать личную свободу ребенка.

Что касается сопоставления аксиологического статуса каждого родителя в системе ценностей ребенка, то для русского носителя ключевой фигурой является мать, а для представителя французского общества – отец. Образ матери, которая вынашивает, вскармливает, оберегает и заботится, репрезентирует «комфортный архетип». Сфера его действия – бессознательное в психике человека, которое находится по ту сторону рациональности и никогда не может быть удовлетворено [Седых, 2002:55]. Отец в качестве архетипа родителя для французского носителя символизирует общественный порядок: «через данную архетипическую инстанцию приобретаются навыки культурного существования, усваиваются национально обусловленные социальные законы» [Седых, 2002:55]. Отец, таким образом, реализует регулирующую функцию, выступает в роли относительно жесткого культурного канона, неявное воздействие которого продолжается в течение всей жизни.

Выводы

1. Лингвокогнитивный анализ семантических полей «родственные отношения», «брачные отношения», «родительские отношения», реализующих понятийную составляющую концепта «Семья» в русском и французском социумах, дает основание полагать о достаточной мере их схожести. Семантическая близость этих участков концепта проявляется в

составе конституентов полей, четкости выделения ядерной, приядерной и периферийной зон, лексико-семантической структуре ядерных лексем (см. Приложение 2). Национально-специфические признаки отмечены на периферии семантических полей. В целом, подобное общих и специальных характеристик подтверждает статус концепта «Семья» как общечеловеческой универсалии.

2. Лингвокультурный анализ терминалов «родственные отношения», «брачные отношения», «родительские отношения», актуализирующих фрейм «Семья», свидетельствует о культурном своеобразии подходов русского и французского общества к формированию семьи, внутрисемейных моделей поведения, взаимоотношений между родственниками.

3. Универсальный концепт «Семья» не смотря на длительное существование нельзя признать сформировавшимся. Постоянные экономические, идеологические и культурные изменения в социуме обуславливают преобразования семьи как социального феномена, что в свою очередь ведет к трансформации концепта (см. Приложение 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, концепт «Семья» является многоуровневым, устойчивым, обладающим социальной обусловленностью макроконцептом, который репрезентирует концептуальную универсалию в картине мира человечества. Являясь одним из общечеловеческих концептов, он присутствует во всех известных языковых культурах и имеет регулярную лексикализацию.

В рамках концептосферы отдельно взятой лингвокультуры концепт «Семья» отражает представления членов этих лингвосоциумов о присущей ему нормативной форме существования индивидуумов в обществе, которые актуализируются в национально-специфических характеристиках концепта, обусловленных историческими, этническими, экономическими и другими факторами развития социума.

Концепт «Семья» представляет собой концепт высшего уровня, «мировоззренческую универсалию», функционирующую в различных типах дискурса и в различных сферах общественного сознания. Для проведения лингвокогнитивного и лингвокультурного анализа концепта была разработана этнокультурно-нейтральная, структурно-пространственная модель, являющаяся «прототипом» концепта. Данная модель представляет собой динамическое сочетание трех сегментов, составляющих обязательные компоненты социального феномена семья и реализующие основные функции социального института семья: родственные отношения, брачные отношения, родительские отношения.

Семантический анализ лексического материала позволил описать понятийную составляющую концепта «Семья», которая представлена в виде трех перекрещивающихся семантических полей: семантическое поле «родственные отношения» – раскрывающее содержание и определяющее виды отношений родства; семантическое поле «брачные отношения» –

детерминирующее отношения супругов; семантическое поле «родительские отношения» – репрезентирующее отношения родителей и детей.

Универсальными характеристиками концепта «Семья» являются: структура выделенных семантических полей, сходный состав ядра данных семантических полей, наличие общих сем у ядерных конституентов. Национально-специфические черты исследуемого концепта определяются влиянием этнокультурных характеристик самих социумов: разница в количественном составе исследуемых семантических полей, дробность приядерной и периферийной зон, лакунарность отдельных экспонентов семантического поля, различия в семантическом составе лексем.

Прототипическая модель концепта «Семья» структурируется в виде фрейма с терминально-слотовым устройством, и представлена тремя терминалами «родственные отношения», «брачные отношения», «родительские отношения», подразделяющимися на слоты: «дальнее родство / ближнее родство», «кровное родство / некровное родство», «брак», «жених / невеста», «муж / жена», «родители / дети», «мать / отец», «другие члены семьи». Выделение данных слотов не является окончательным и всеобъемлющим.

Образная составляющая концептов актуализирует их национальную специфику, и содержит дифференциальные, идиоэтнические признаки. Концепты «Семья» / «Famille» существенно отличаются в рассматриваемых языках в количественном и качественном планах, что свидетельствует о влиянии национальной специфики, определяемой историческими, географическими, социо-культурными особенностями искомых социумов.

Лингвокультурный концепт «Семья», функционирующий в русской концептосфере можно представить в виде нуклеарной семьи с расширенным составом. Ядро этой семьи составляют супружеская пара и их дети. Тип отношений между мужем и женой определяются как иерархически; доминирующую позицию занимает мужчина. Такое положение отражено в

лексической системе русского языка: женщину **отдают/выдают замуж**, она (живет) **замужем** – префикс *за*, и значение глаголов передают пассивность роли женщины в процедуре бракосочетания и супружеской жизни, тогда как мужчина **берет замуж, женится**, то есть действует активно. Единственной лексической единицей в русском языке, предполагающей равноправие партнеров в браке является **супружество.** Нуклеарная семья в русской лингвокультуре тесно вплетена в систему родственных отношений. Образно это можно представить в виде звена в вертикальной цепи, являющей собой череду поколений, объединенных кровным родством и происхождением от общего предка. Доказательством данной мысли может служить существование в русском языке таких субстантивов, как **родные**, **близкие**, **домочадцы**, **домашние,** употребляемые всегда во множественном числе, в семантической структуре которых присутствуют компоненты «совместное проживание» и «положительное чувство».

Во французском ментальном пространстве лингвокультурный концепт «Famille» изначально складывается как некоторая замкнутая общность, состоящая из членов нуклеарной семьи (отец, мать, ребенок). О чем свидетельствует этимология слова **parenté.** В современном французском языке данное значение – «родители», сохранилось в структуре лексемы **les parents**. Также важно отметить включение усыновленных детей в состав нуклеарной семьи, о чем свидетельствует семантика лексемы **parenté.**

Вместе с тем, лексический состав единиц, номинирующий типы родственных связей во французском языке более дифференцирован (**le lignage, la filiation, la cognation, la consanguinité, le cousinage, la descendance, l'ascendance; l'allié(e), l'ancêtre, les ancendants, l'aïeul, le géniteur, le descendant, l'affin, l'agnat, le cognat, le consanguin**). Данное положение исторически и культурно оправданно: во французском социуме, в котором институты наследования собственности были рано сформированы,

знание подобных деталей представлялись необходимыми. Для русской картины мира такое различие нехарактерно.

Универсальный концепт «Семья» не смотря на длительное существование нельзя признать сформировавшимся, поскольку экономические, идеологические и культурные изменения в социуме ведут к трансформации концепта. Так в культурном пространстве французского общества взаимоотношения мужа и жены можно охарактеризовать как более чем партнерские. Исторически подобное соотношение социальной активности супругов эволюционировало из традиционного патернального брака.

В целом, сегментированность и многоуровневость концепта «Семья», различные варианты языковой репрезентации фреймов, а также активность лексики, вербализующей концепты, свидетельствует о значимости данных фрагментов национальных картин в сознании носителей русского и французского языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Л/К – Лингвокультурный концепт
2. ЛСВ – Лексико-семантический вариант
3. СК – Семантический компонент
4. ПС – Потенциальная сема
5. СРЯ – Словарь русского языка
6. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка
7. DdS de L. Crisco – Dictionnaire des synonymes du laboratoire Crisco
8. LTLFI – Le Trésor de la Langue Française Informatisé
9. Larousse – Le Petit Larousse illustré

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высш. уч. заведений. – 5-е изд. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 365 с.

2. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): уч. пособие для вузов. – М.: Изд. дом «Nota Bene», 1998. – 360 с.

3. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.

4. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995а – 472 с.

5. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995б. – №1. – С. 37-68.

6. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. – М., 2000. – 506 с.

7. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – 158 с.

8. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

9. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры»,1999. – 896 с.

11. Арутюнян Ю.В., Дрогибиева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: уч. пособ. для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1998. –271 с.

12. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж.: ВГУ, 2001а. – 86 с.

13. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж: Изд-во Ворон. Ун-та, 2001б. – С.52-57.

14. Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. – М.:ИКЦ «Академ-книга», 2002. – 455с.

15. Белецкая А.Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе: Автореферат дис…канд. филол. наук. – Самара: Самарский гос. университет, 2002.

16. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I Хозяйство, семья, общество. / пер. с фр. – М.: «Прогресс-Универс», 1995. – 456 с.

17. Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. Диалектные концепты и категории//Филологические науки. – 2006. – №3. – С.41-50.

18. Болотнова Н.С. Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века. – Томск, 2004. – С. 7-17.

19. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Воспроизводимые сочетания слов как лингвокогнитивная и терминологическая проблема // Филологические науки. – 2006. – №2. – С. 45-54.

20. Вайсгербер Й.Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – 1993. – №2. – С. 64-74.

21. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначений в языках разных систем). – М.: Наука, 1987. – 215 с.

22. Васильев Л.Г. Кто мы такие?// Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сб. науч. тр./ под ред. Л.И.Гришаева. – Воронеж: ВГУ, 2002. – с.48-55.

23. Васильев Л.М. Методы современной лингвистики. – Уфа: Изд-во БГУ, 1997. – 182 с.

24. Васильев Л.М. Семантические классы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи и поведения): Автореф. Дис. … д-ра филол. наук. – Л., 1971а.

25. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.

26. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Выпуск 5. Ментальные предикаты. Модальные предикаты. Предикаты восприятия: Учебное пособие. – Уфа: РИО БГУ, 2003. – 126 с.

27. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

28. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971б. – №4. – С. 106-111.

29. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 230 с.

30. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева, под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.

31. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 158 с.

32. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

33. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред.: Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.

34. Винтгенштейн Л. Философские работы: Ч.1. – М., 1994. – 322 с.

35. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентричной парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-73.

36. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеомных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): Монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.

37. Гайсина Р.М. Категория отношения в языке: аспекты рассмотрения // Исследования по семантике: семантика языка и речи. – Уфа: Изд-во БГУ, 1991. – 324 с.

38. Гак В.Г. Беседы о французком слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков). – М.: Меджународные отношения, 1966. – 335 с.

39. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов// Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 260-265.

40. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Сб.: Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М.: Наука,1972. – С. 78-96.

41. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Знание, 1982. – 245 с.

42. Гаспарян Ю.А. Семья на пороге 21 века (социологические проблемы). – С-П.: ТООТК «Петрополис», 1999. – 320 с.

43. Гачев Г.Д. Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1993. – 320 с.

44. Голованинская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. – М.: Наука, 1997 – 120 с.

45. Горелов И.И., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.

46. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – 322 с.

47. Гуревич А. Ментальность // Опыт словаря нового мышления/ Под ред. Ю. Афанасьева. – М.: Ферро,1989. – С. 454-458.

48. Денисенко В.Н. Функциональная структура семантического поля // Филологические науки. – 1999. – №1. – С.3-9.

49. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социальные институты и процессы. Т.3. – М.: МГУ, 2000. – 215 с.

50. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // ВЯ. 1997. № 6. С. 37–48.

51. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. – Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1990. – 186 с.

52. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001. – 156 с.

53. Зализняк А.А., Левонтина И.Б. Отражение национального характера в лексике русского языка // Russian linguistics. – Vol. 20. – 1996. – 122 p.

54. Звегенцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий//Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Наука, 1981. – С.3-15.

55. Звегенцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд-во Московского университета, 1976. – 308 с.

56. Звегенцев В.А. Семасиология. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 323 с.

57. Исследования по семантике. Теоретические и прикладные аспекты. – Уфа: Изд-во БГУ, 1988. – 80 с.

58. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж: Изд -во Воронеж. Ун-та, 2001. – С. 75-80.

59. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

60. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 266 с.

61. Кармин А.С. Культурология: Уч. 3-е изд. – СПб.: Изд-во «Лань», 2004. – 928 с.

62. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.

63. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.-Л.: Наука, 1965. – 105 с.

64. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

65. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.:Изд-во Ленинградского Университета, 1986. – 305 с.

66. Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского Ун-та , 1995. – С.13-25.

67. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языка. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

68. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

69. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 56-63.

70. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Сер. Литература и язык. – 1993. – №1. – С.52 - 64.

71. Любарт М.К. Семья во французском обществе: XVIII- начало XX в. – М.: Наука, 2005. – 296 с.

72. Маковский М.С., Бодрова В.В. Ценность семьи в сознании различных слоев населения // Семья в представлении современного человека. – М., 1990. – С. 154-166.

73. Марковская Н.Г., Мытыль А.В. О некоторых подходах к изучению образа семьи //Семья в представлении современного человека. – М., 1990. – С. 77-86.

74. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта:Наука, 2006. – 296 с.

75. Маслова В.А. Образ человека в наивной картине мира (на фразеологическом материале и материале ассоциативного словаря) // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы II Международной научной конф., 7-9 апр. 1997 г. – Минск, 1999. – Ч.1. – С. 16-19.

76. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.:Академия, 2001. – 208 с.

77. Маловицкий Л.Я. История предметно-личных местоимений русского языка в семантико-синтаксическом аспекте. – Л., 1972. – 146 с.

78. Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и метода. – М.: Наука, 1989. – 112 с.

79. Медведева А.В. Концепт ДОМ в русской и английской концептосферах//Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. издание – Воронеж: ВГУ, 2001. – с. 102-106.

80. Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сб. в честь Ю.В.Арутюнова/под ред. М.Н. Губогло – М.: Наука, 2005. – 406 с.

81. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сб. науч. тр./ под ред. Л.И.Гришаева. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 648 с.

82. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных в поле «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 355 с.

83. Михайлова О.А. К вопросу об изучении глаголов с предметными семами // Проблемы глагольной семантики. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. – С.64-70.

84. Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике. Семасиологические и лингвокультурологические аспекты. – Екатеринбург: УрГУ, 1998. – 238 с.

85. Михайлова Т.А. Судьба и доля: к проблеме лексического оформления детерминистичеких представлений в раннеирландской традиции // Вопросы языкознания. – 2001. – №6. – С. 68-85.

86. Михайлова Ю.Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка): Автореф. Дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург.: Изд-во УрГУ, 2004.

87. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.,1988. – 268 с.

88. Николаева Т.М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы //Вопросы языкознания. – 2002. – №4. – С. 25-42.

89. Новиков Л.А. Избранные труды. Т.1. Проблемы языкового значения. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 672 с.

90. Павловская А.В. Национальный характер в условиях глобализации: перспективы изучения //Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №1. – С. 108-118.

91. Полевые структуры в системе языка / под ред. З.Д. Поповой. – Воронеж: Изд-во Ворон. Ун-та, 1989. – 198 с.

92. Попова З.Д. Из истории когнитивного анализа в лингвистике // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж: Воронежский государственный ун-т, 2001. – С.7-17.

93. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. – Воронеж: Изд-во Ворон. Ун-та,1984. – 148 с.

94. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. – 1996. – №5. – С.45-52.

95. Седых А.П. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы //Филологические науки. – 2002. – №3. – С.51-56.

96. Селиверстова О.Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу // Филологические науки. – 1967. – №5. – С.34-37.

97. Селиверстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. – 2002. – №6. – С. 12-26.

98. Семантика и категоризация/ под ред. Ю.А. Шрейдер. – М.: Наука, 1991. – 168 с.

99. Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность.- 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

100. Сергеева Л.А. Семантическая категория оценки в современном русском языке // Исследования по семантике: Семантика языка и речи. – Уфа: Изд-во Башкир. Ун-та, 1991. – С. 15-23.

101. Сергеева О.Н. Англо-русские параллели метафор, описывающие концепт «любовь»//Вестник С-Пб. Университета. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. Вып. 2. – С-Пб,1996. – С. 97-101.

102. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи. – М., 1993. – 432 с.

103. Социология семьи/под ред. А.И. Антонова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 640 с.

104. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореферат дис….док. фил. наук. – Волгоград: Волгоградский гос. педагогический университет, 2004.

105. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М.,1981. – 422 с.

106. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: «Академия проект», 2001. – 973 с.

107. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Наука, 1975. – 312 с.

108. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1979. – 120 с.

109. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1985. – 112 с.

110. Сулимов В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филологические науки. – 2006. – №2. – С. 40-47.

111. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 129-222.

112. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры//Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 13-24.

113. Туркина Р.В. Семантическая структура слова. – Калинин: Изд-во Калининского Ун-та, 1977. – 84 с.

114. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира. // Вопросы языкознания. – 1996. – №4. – С. 25-38.

115. Урысон Е.В. Союз *хотя* сквозь призму семантических примитивов // Вопросы языкознания. – 2002. – №6. – С.35-55.

116. Урысон Е.В. Языковая картина мира обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – №2. – С. 3-21.

117. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 288 с.

118. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семасиологического описания лексики. – М.: Едиторал УРСС, 2002. – 168 с.

119. Уфимцева А.А. Менталитет, образ себя и языковое сознание русских // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы II Международной науч. конф., 7-9 апр. 1997 г. – Минск, 1999. – Ч.1. – С. 26-27.

120. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. – 206 с.

121. Филлмор Ч. Дж. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 12. – М.: Прогресс, 1983. – С. 74-122.

122. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // НТИ. Сер.2. Информационные процессы и системы. – 1992. – №3. – С. 44-50.

123. Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки. – М.:ЦСП, 2003. – 342 с.

124. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / под ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

125. Чернова О.Е. Концепт «Труд» как объект идеологизации: Автореф. Дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург.: Изд-во УрГУ, 2004.

126. Чистякова О.Н. Концепт СЕМЬЯ в повести Л. Улицкой «Медея и ее дети»//Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: труды и мат. Международной научной конф., 4-6 октября 2004 г. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 278-279.

127. Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике// Вопросы языкознания. – 2007. – №2. – С. 3-17.

128. Шафиков С.Г. Структурно-семантические параметры английской номинации и ее системный анализ: учебное пособие. – Уфа: Башкирский ун-т, 1992. – 82 с.

129. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза речи). – М.: Наука, 1990. – 168 с.

130. Шемарова В.А. «Концептосфера «встреча/приветствие – прощание/расставание» в русском языке (системный и функционально-когнитивный аспект): Автореф. Дис. … канд. филол. наук. – Уфа.: БГУ, 2004.

131. Шимин Н.Д. Семья как общественное явление. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 182 с.

132. Шмелев А.Д. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 279 с.

133. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

134. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

135. Шмелев А.Д. Современный русский язык. Лексика. Изд. 3-е. – М.: Едиторал УРСС, 2004. – 336 с.

136. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 204 с.

137. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 286 с.

138. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. – 1998. – №3. – С.43-74.

139. Bourdieu Pierre. Questions de sociologie. Paris, Les Editions de Minuit, 1984, 270 p.

140. Demeulenaere Pierre. Histoire de la théorie sociologique. – Paris, Hachette Livre, 1997, 158 p.

141. Morin Jean-Michel. Precis de sociologie. Paris, Edition Nathan, 1996, 160 p.

142. Todd Emmanuel. La divercité du monde. Famille et modernité. Edition du Seuil, 1983, 1984. – 439 p.

Электронные ресурсы:

1. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии. http//kubstu.ru/docs/lingvoconcept/meaning.htm/

2. Даль В. Пословицы и поговорки русского народа. http:// www.aphorism.ru/dal/

3. Лукашевич Е.В. Модель концепта: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Русская филология, 2004. http:// www.russofile.ru/article 142/ phh/

4. Маркелова Е.В. Процессы категоризации в глубинных пословичных пропозициях http:// www.russofile.ru/article 156/ phh/

5. Марвин Мински – Фреймы для представления знаний http://myai.narod.ru/Minsky/prilrus.htm

6. Пословицы и поговорки – http://pogovorki.net

7. Рыхленко Н.Н. Концепт «Семья» в жанре семейных родословных. http://diss.rsl.ru/diss/05/0496/050496019.pdf

8. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. http://images. humanities. Edu. Ru/pubs/2003/htm.

9. Терпак М.А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке: на материале

семантического поля «Родственные отношения»: дис. канд. филол. наук: 10.02.04. – Самара: РГБ, 2007. http:// diss.rsl.ru/diss/07/0067/070067009.pdf

10. Терпак М.А. Специфика коннотативного содержания единиц английского лингвокультурного концепта «Семья». http://evcppk.ru/article.php

11. Commaille Jacques. Une sociologie politique du droit de la famille. Des référentiels en tension : émancipation, institution, protection http://www.sociologie.fr/modules/smartsection/item.

12. Base Proverbes. www.culture.gouve.fr/documentation/proverbe/pres.htm

13. Donfu Eric. Une quête de re-pères ? Les « nouveaux pères » en question// News Parent-Solo.fr : Nouvelles figures de la parentalité - Revue Informations Sociales Septembre-Octobre 2008. http://www.parent-solo.fr/modules/smartsection/item.php?itemid=193

14. Hirigoyen Marie-France. Les nouvelles solitudes//News Parent-Solo.fr : Nouvelles figures de la parentalité - Revue Informations Sociales Septembre-Octobre 2008. http://www.parent-solo.fr/modules/smartsection/item.php?itemid=193

15. Pezard S. Entre sphère privée et relations internationales: le concept de famille et la globalisation. www.culture.gouve.fr/documentation/famille/pres.htm

Словари

1. Бирих А.К., Мокиенко В.Ш., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Исторический этимологический справочник. – СПб: Фолио-пресс, 1999. – 704 с.

2. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1998. – 1195 с.

3. Лингвистический энциклопедический словарь/ под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995. – 960 с.

5. Русский ассоциативный словарь: в 2 т./ под ред.: Караулова Ю.И., Черкасовой Г.А., Уфимцевой Н.В. – М., 2002. – 544 с.

6. Русско-французский словарь / под ред.: Щербы Л.В., Матусевич М.И. – М.: Русский язык, 1999. – 848 с.

7. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. – М.: ЮНВЕС, 2005. – 704 с.

8. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Изд-во «Русский язык» Полиграфресурсы, 1999.

9. Словарь современного русского литературного языка: в 15 т. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1968.

10. Шанский Н.М., В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: «Просвещение», 1971. – 539 с.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1987.

12. Фразеологический словарь современного русского литературного языка/ под ред. проф. Тихонова А.Н., в 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2004.

13. Baumgartner E., Ménard P. Dictonnaire étymologique et historique de la langue française. – Paris : Librarie Générale Française, 1996. – 848 p.

14. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française. – Paris : Le Robert, 1968. – 2156 p.

15. Dictionnaire de proverbes et citations. http//www.proverbes-citations.com.

16. Dictionnaire de sociologie. – Paris:Le Robert/Seuil, 1999. – 584 p.

17. Dictionnaire des synonymes. – Paris: Larousse, 2000. – 743 p.

18. Dictionnaire des synonymes du laboratoire Crisco elsap1.unicaen.fr/dicosyn

.html

19. Le Petit Larousse illustré. – Paris, 1995.

20. Le Trésor de la Langue Française Informatisé atilf.atilf.fr/tlf.htm

Список источников иллюстративного материала

1. Булгаков М. Пьесы. – М.:Изд-во Искусство, 1962. – 463 с.

2. Гоголь Н.В. Мертвые души. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1977. – 368 с.

3. Гончаров И.А. Обыкновенная история. – М.: «Художественная литература», 1980. – 334 с.

4. Довлатов С. Наши. – СПб.: Азбука классики, 2003. – 160 с.

5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – Ижевск: «Удмуртия», 1983. – 483 с.

6. Жигулев А.М. Русские и народные пословицы и поговорки. 3-е изд., испр. и доп. – Устинов: «Удмуртия», 1986. – 512 с.

7. Могохин В.Н. Малые жанры русского фольклора: хрестоматия. Учеб. Пособие для фил. и спец. Вузов – 2-е изд, испр и доп – М.: Высш. школа, 1986. – 399 с.

8. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. – М.: Моск. Рабочий, 1982. – 304 с.

9. Толстой Л.Н. Война и мир. Т1-2. – Л.: Лениздат, 1984. – 730 с.

10. Толстой Л.Н. Война и мир. Т3-4. – Л.: Лениздат, 1984. – 585 с.

11. Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн.1-2. – М.: Художественная литература, 1991. – 606.

12. Копеечка, 7 июня, 2006.

13. Крестьянка, январь, 2005.

14. Крестьянка, февраль,2005.
15. Крестьянка, апрель, 2005.
16. Крестьянка, июль, 2005.
17. Крестьянка, сентябрь, 2005.
18. Крестьянка, октябрь, 2005.
19. Крестьянка, декабрь, 2005.
20. Arriba S. de. L'enfant du Rhône. VD Suisse 1989, 224 p.
21. Balzac H. de.¹. Eugénie Grandet. http://www.bibliopolis.fr /
22. Balzac H. de.². Le père Goriot. http://www.bibliopolis.fr /
23. Camu. Peste. http://www.bibliopolis.fr /
24. Camu. Noces. http://www.bibliopolis.fr /
25. Flaubert G. Madame Bovary: moeurs de province. http://www.bibliopolis.fr /
26. Maupassant Guy de. ¹. Bel-Ami. http://www.bibliopolis.fr /
27. Maupassant Guy de. ². Contes et nouvelles. http://www.bibliopolis.fr /
28. Proust J. Filles en fleurs. http://www.bibliopolis.fr /
29. Sand G. Indiana. http://www.bibliopolis.fr /
30. Stendhal. [Le] Rouge et le Noir: chronique de XIXe siècle. http://www.bibliopolis.fr /
31. Verne J. [Les] enfants du Capitaine Grant. http://www.bibliopolis.fr /
32. Zola E.¹. Nana. http://www.bibliopolis.fr /
33. Zola E.². Rome. http://www.bibliopolis.fr /
34. Elle, janvier, 1999.
35. Le Figaro, 18 août, 2001.
36. Le Français dans le monde, № 254, 1993.
37. Marie Claire, novembre, 2004.
38. Paris Match, №2279/28, 2002.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

СХЕМА 1. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

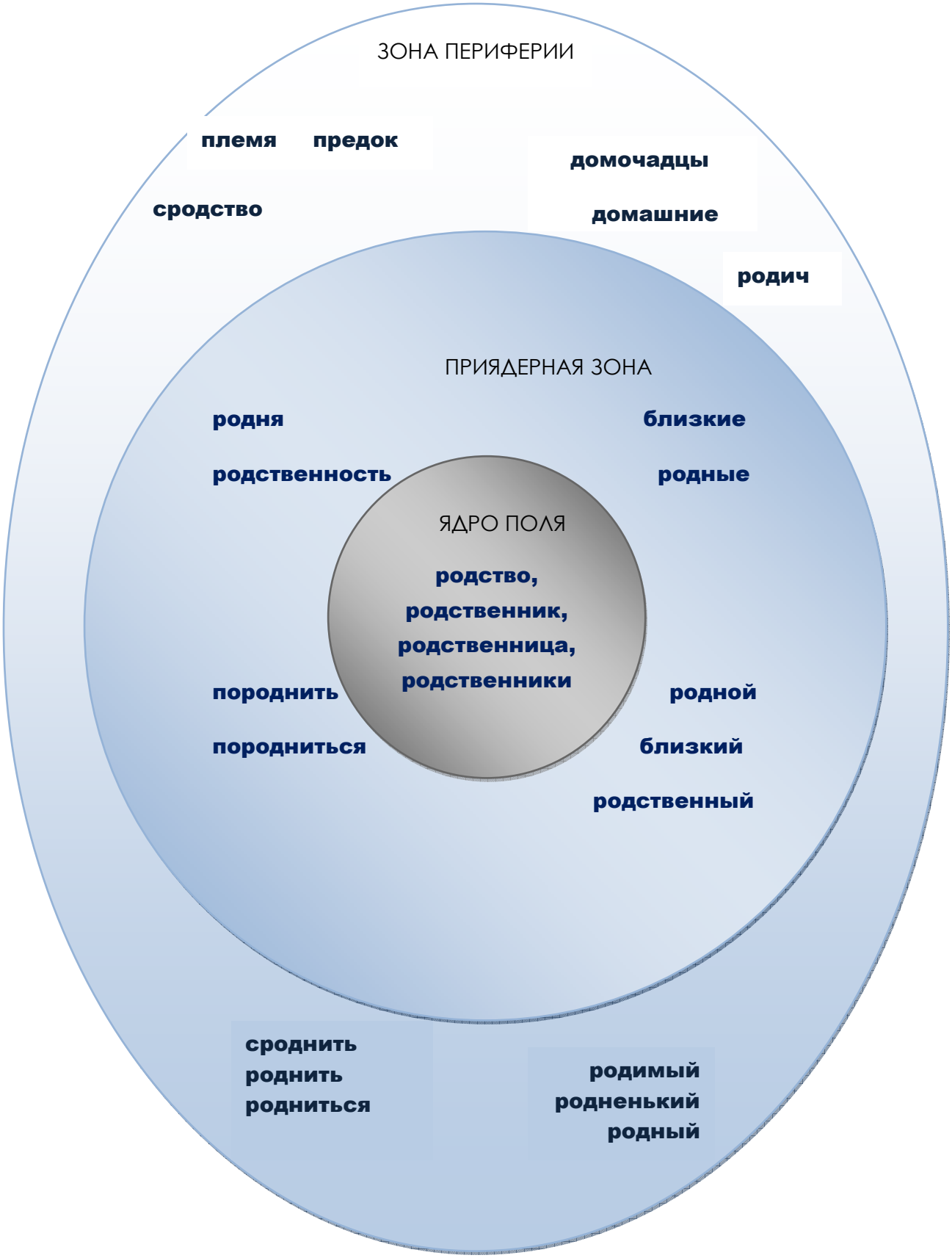


СХЕМА 2.СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

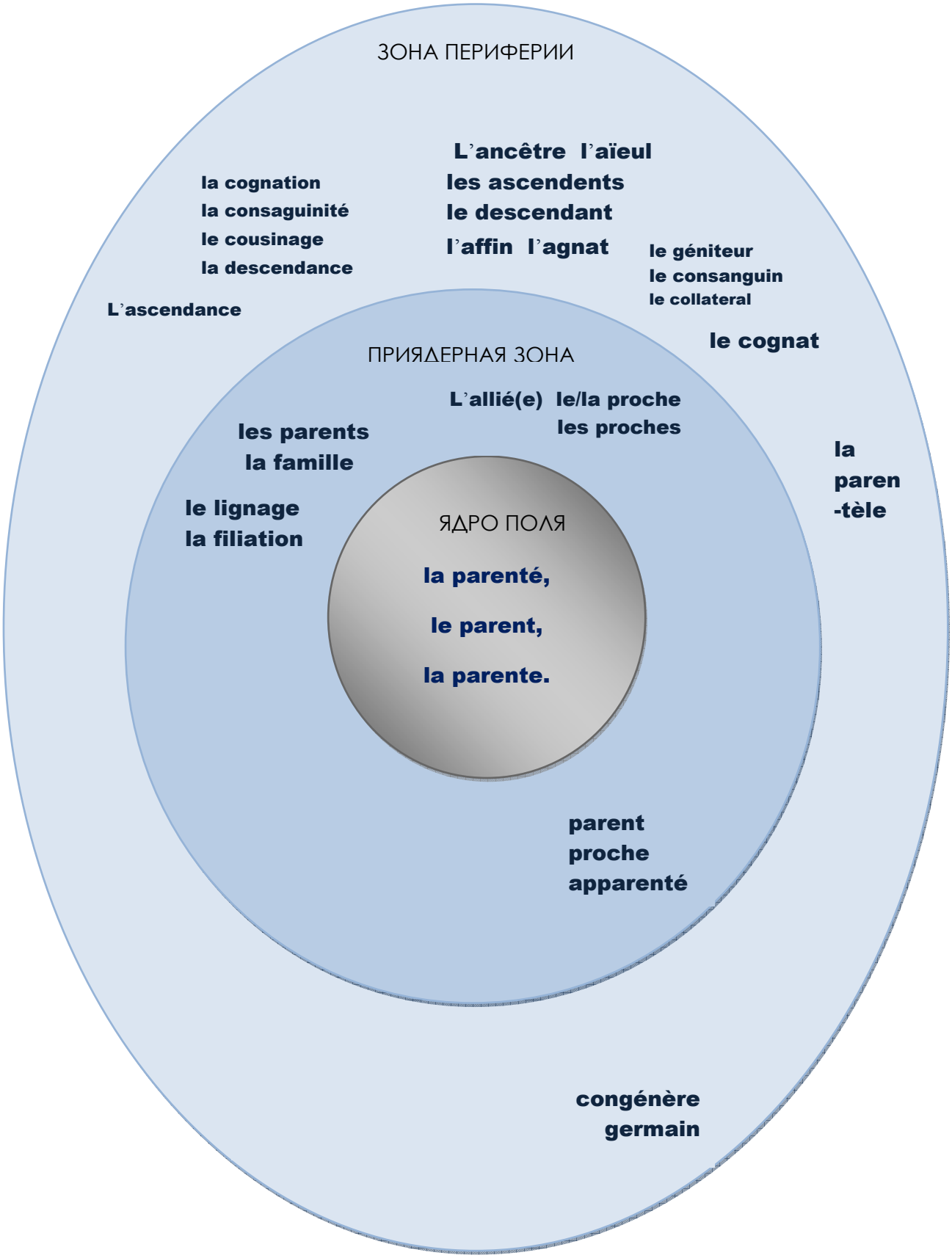
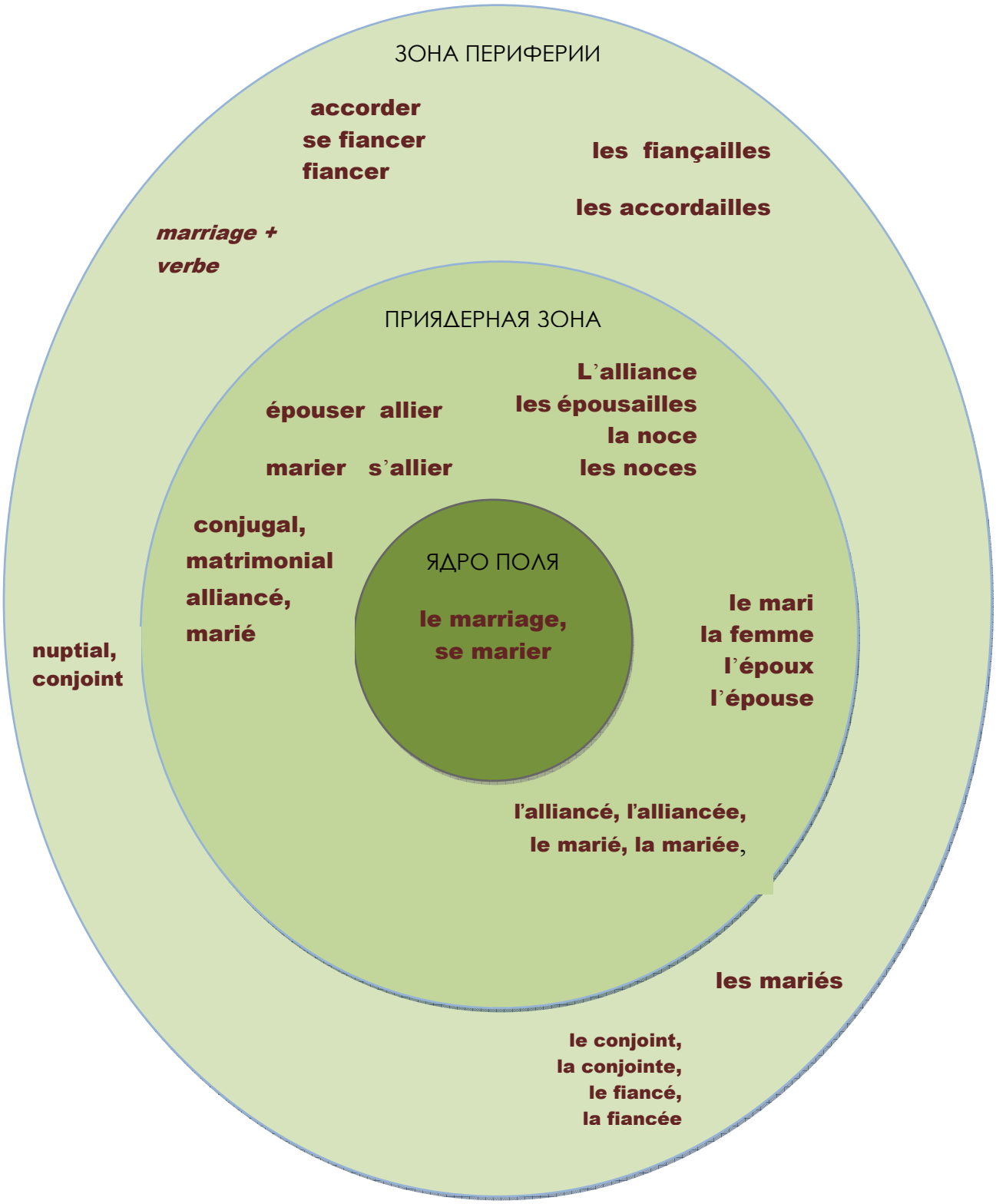


СХЕМА 3. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

регистрировать брак, заключать брак, расторгать брак, сочетаться браком, заключать брачный союз, сочетаться брачными узами, вступать в брак, сочетаться узами Гименея, состоять в браке, жить в браке

СХЕМА 4. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ



se décider au mariage, songer au mariage, offrir le mariage, donner qqn en mariage à qqn, promettre le mariage, proposer le mariage à qqn, rechercher qqn en mariage; contracter mariage, conclure un mariage, accepter le mariage, annoncer son mariage, s'unir par le mariage à qqn, prendre, recevoir, annuler, dissoudre, empêcher, rompre un mariage/alliance/noces

СХЕМА 5. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

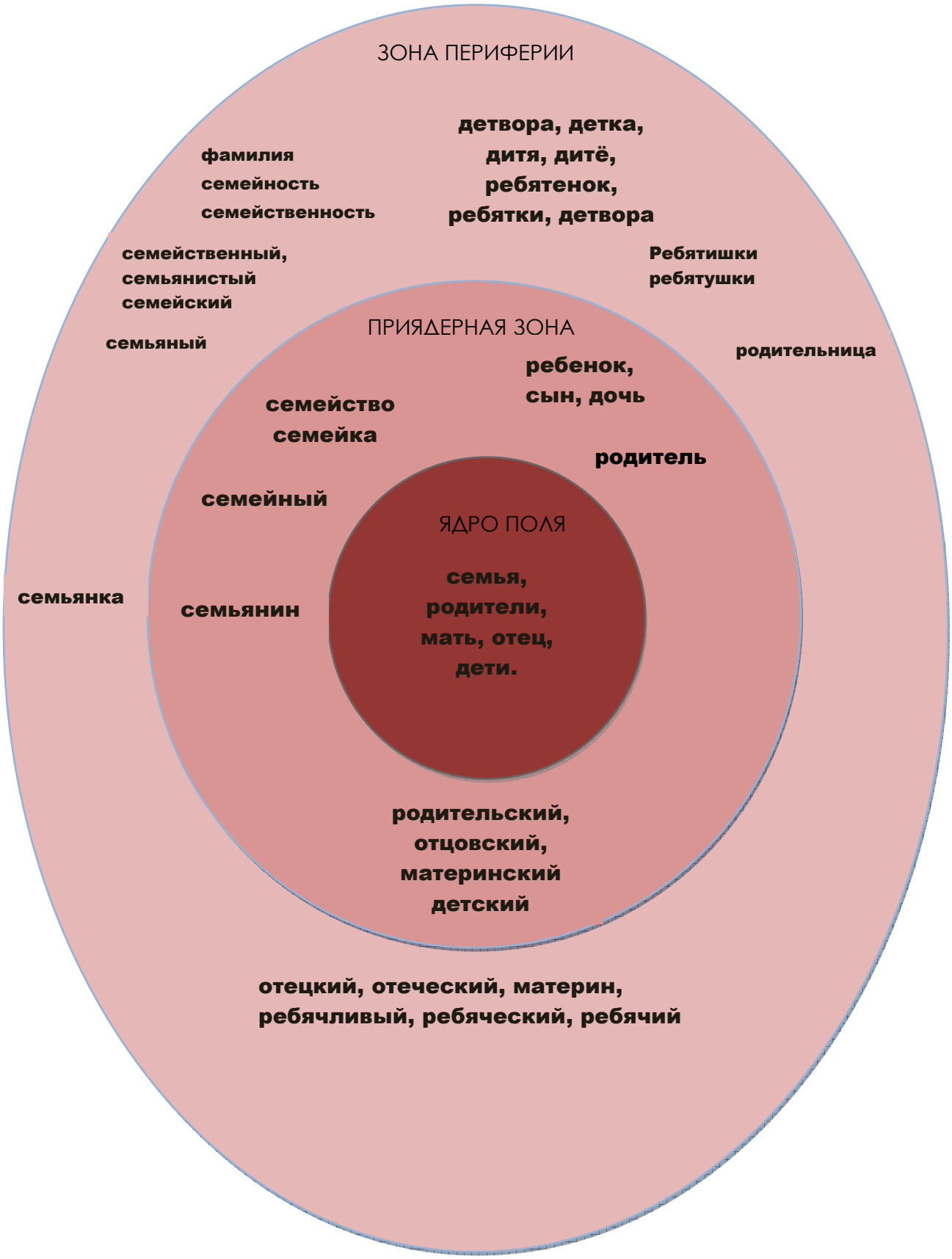
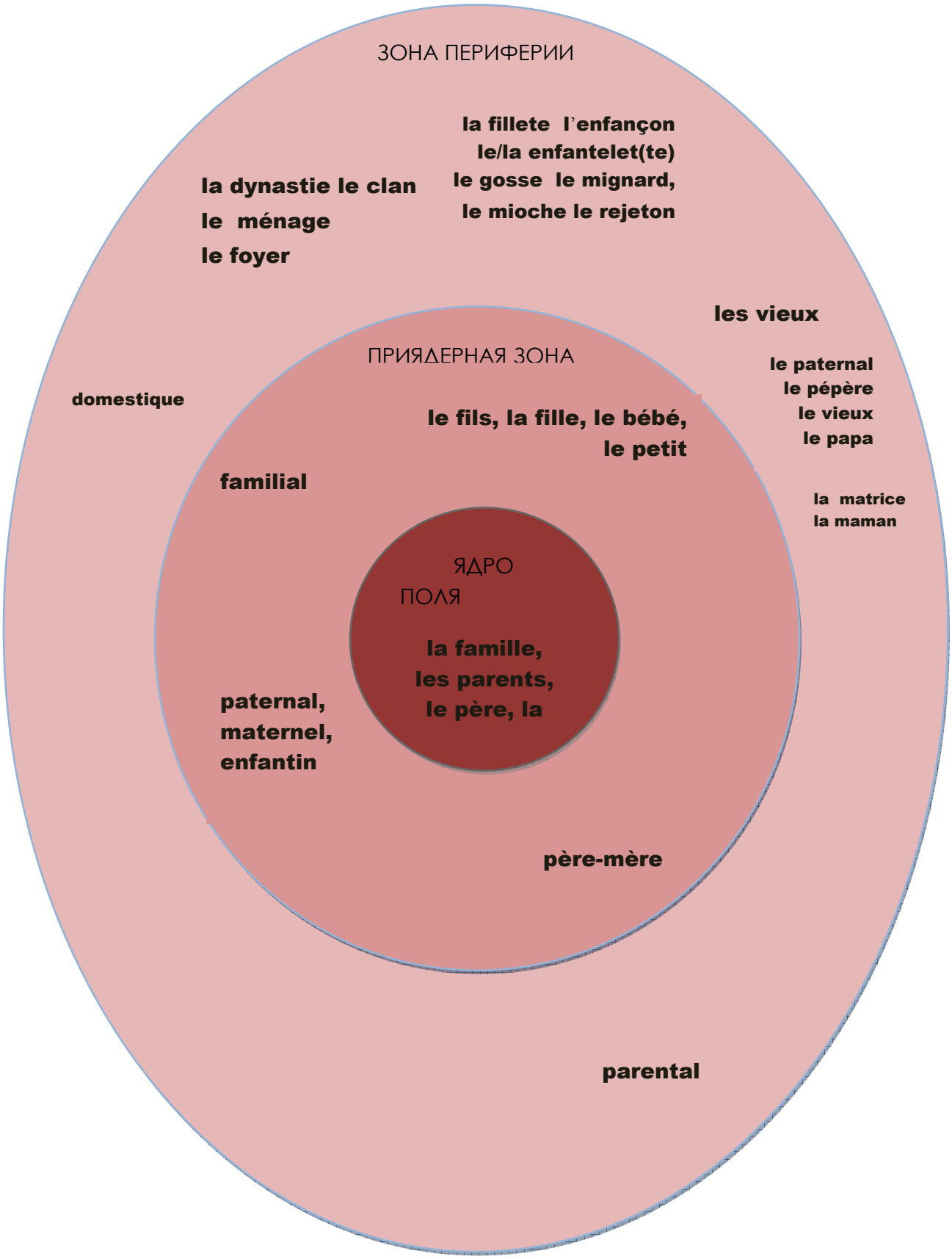


СХЕМА 6. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ



ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИНКВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»

– диахронические изменения;

курсив – дифференциальные признаки в рассматриваемых лингвокультурах.

	Традиционная модель концепта	**Преобразования на современном этапе**
	Родственные отношения	
Русская языковая личность	Потенциально негативное отношение к дальним родственникам Использование родственных связей в корыстных целях *Потенциально негативное отношение к родственникам по браку* Приоритет дружеских отношений над негативными с кровными родственниками	Изменений нет
Французская языковая личность	Потенциально негативное отношение к дальним родственникам Использование родственных связей в корыстных целях Приоритет дружеских отношений над негативными с кровными родственниками *Опека над сиротами-родственниками*	Изменений нет
Брачные отношения		
Русская языковая личность	Патернальная модель отношений	Патернальная модель отношений

Французская языковая личность	Патернальная модель отношений	*Эквалитарная модель отношений*
Родительские отношения		
Русская языковая личность	*Большое количество детей* *Авторитарный стиль воспитания* Участие старшего поколения в воспитательном процессе	Малое количество детей Авторитарный стиль воспитания Участие старшего поколения в воспитательном процессе
Французская языковая личность	*Малое количество детей* *Либеральный стиль воспитания* Участие старшего поколения в воспитательном процессе	Малое количество детей Либеральный стиль воспитания *Неучастие старшего поколения в воспитательном процессе*

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

ТАБЛИЦА 1. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯДЕРНЫХ ЛЕКСЕМ ПОЛЯ «РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

«+» -наличие семы; «–» - отсутствие семы; ▭ - несовпадение сем

	«связь»			«общее происхождение»			«человек»	«сходство»	«свойство»	«животное»	«идея/поведение»	«вещи»	КС «стиль»	
	СК «кровная»	СК «некровная»		СК «нисходящая линия»	СК «прямая линия»	СК «боковая линия»	СК «много»						СК «разговорное»	СК «устаревшее»
		СК «брак»	«усыновление»											
родство	+	+	–	+	+	+	+	+	–	–	–	–	+	+
parenté	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	–

ТАБЛИЦА 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯДЕРНЫХ ЛЕКСЕМ ПОЛЯ «БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

«+» - наличие семы; «– » - отсутствие семы; ▭ - несовпадение сем

	«союз»	«человек»		«совместное проживание»	«взаимное согласие»	«обряд»	«установление»	«проце-дура»		«праздник»	«отношения»	«результат»	«элемент»				КС «стиль»
		СК «мужской пол»	СК «женский пол»					СК «официальная»	СК «религиозная»				СК «абстрактный»	СК «конкретный»	СК «противопоставляемый»	СК «дополнительный»	СК «официальное»
брак	+	+	+	+	+	+	+	–	–	–	+	–	–	–	–	–	+
mariage	+	+	+	–	–	+	–	+	+	+	–	+	+	+	+	+	–

ТАБЛИЦА 3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯДЕРНЫХ ЛЕКСЕМ ПОЛЯ «РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ»

«+» - наличие семы; «–» - отсутствие семы; ▭ - несовпадение сем

	«человек»	«связь»			«совместное проживание»	«общее хозяйство»	«общее происхождение»			«отношение»				«закон»	терминологические значения						
		СК «кровная»	СК «брак»	СК «усыновление»			СК «прямая линия»	СК «восходящая линия»	СК «нисходящая линия»	СК «дружба»	СК «общие интересы»	СК «убеждения»	СК «темперамент»		Ботаника	Зоология	Лингвистика	Музыка	Гуманитарные науки	Химия	Технические науки
семья	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	–	–	–	+	+	+	–	–	–	–
famille	+	+	+	+	–	–	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+